

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Е. А. Коротич

**УГОЛОВНО–ПРАВОВАЯ ОХРАНА
ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Монография

Под научной редакцией **В.В. Марчука**

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2017

УДК 343.43
ББК 67.408
К 68

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:

заместитель директора Института переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского
государственного университета, заслуженный юрист Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, профессор **А.В. Барков**

заведующий кафедрой уголовного права и процесса ФГАОУВО «Северо-Кавказский
федеральный университет» (Российская Федерация), доктор юридических наук,
профессор **А.Г. Кибальник**

профессор специальной кафедры ГУО «Институт национальной безопасности
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент **И.С. Яцута**

Коротич, Е. А.

К 68 Уголовно-правовая охрана личной свободы в Республике Беларусь :
монография / Е. А. Коротич ; под науч. ред. В. В. Марчука ; Брест. гос. ун-т
им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2017. – 200 с.
ISBN 978-985-555-676-4

Монография представляет собой первое в Республике Беларусь комплексное теоретико-правовое исследование вопросов уголовно-правовой охраны личной свободы человека, в основу которого положен системно-структурный подход. Раскрывается содержание современных теоретико-правовых концепций личной свободы, анализируется ее место в системе объектов уголовно-правовой охраны, рассматриваются признаки и системные свойства преступлений против указанного объекта, а также определяются основные этапы становления уголовно-правовых запретов в исследуемой области.

Адресуется научным и практическим работникам, студентам юридических факультетов, а также всем интересующимся данной проблематикой.

**УДК 343.43
ББК 67.408**

ISBN 978-985-555-676-4

© УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ...	11
1.1 Становление и развитие теоретических воззрений по вопросам уголовно-правовой охраны личной свободы.....	11
1.2 Современные теоретико-правовые концепции личной свободы...	19
1.3 Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны.....	34
1.4 Понятие преступлений против личной свободы.....	43
1.5 Система преступлений против личной свободы и пути ее совершенствования.....	56
ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ	79
2.1 Характеристика уголовной противоправности деяний, посягающих на личную свободу.....	79
2.2 Проблемные аспекты содержания противоправности отдельных преступлений против личной свободы.....	90
ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ, МОТИВА И ЦЕЛИ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ	131
3.1 Умышленная вина как субъективное основание уголовной ответственности за преступления против личной свободы.....	131
3.2 Мотивы и цели, влияющие на дифференциацию уголовной ответственности за преступления против личной свободы.....	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	167
ПРИЛОЖЕНИЯ	192

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю исследование посвящено проблематике уголовно-правовой охраны личной свободы и является результатом достаточно продолжительной работы, направленной на поиск оптимальной конструкции как группы преступлений против указанного объекта, так и отдельных уголовно-правовых норм, призванных обеспечивать охрану личной свободы человека.

Актуальность обращения к заявленной проблематике обусловлена, в первую очередь, особым значением исследуемого в настоящей работе объекта уголовно-правовой охраны – личной свободы человека. Значимость данной свободы, признанная и подтвержденная на международном и внутригосударственном уровне, предполагает необходимость формирования действенного механизма ее обеспечения, особое место в системе которого, безусловно, занимают нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающие ответственность за посягательства на личную свободу (ст.ст. 181–187).

Несмотря на закрепление в уголовном законе комплекса норм, призванных обеспечивать охрану личной свободы, и их относительное структурное обособление в рамках главы 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь, на данный момент не представляется возможным говорить о юридическом оформлении системного подхода в области уголовно-правовой охраны рассматриваемого объекта: помимо того, что преступления против личной свободы оказались объединенными с посягательствами на иные по своей сути объекты уголовно-правовой охраны (честь и достоинство), что не позволяет заключить об однородности систематизированных в главе 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь деяний, в самой системе преступлений против личной свободы отсутствует единство с точки зрения общности их объекта.

Несмотря на доктринально признанное и законодательно подтвержденное значение личной свободы, в теории уголовного права, равно как и на уровне правоприменения отсутствует единое понимание сущности и содержания данной свободы, не исследовалось ее место в системе иных объектов, охраняемых нормами раздела VII Уголовного кодекса Республики Беларусь. Как представляется, нуждается в дальнейшем совершенствовании и содержание уголовно-правовых норм в части определения конструктивных признаков отдельных преступлений против личной свободы, позволяющее предупредить неправильное их понимание и применение сотрудниками правоохранительных органов, что, к сожалению, по-прежнему характерно для следственно-судебной

практики. Изменения и дополнения, вносимые в нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающие ответственность за преступления против личной свободы, актуализируют необходимость исследования эффективности новых и (или) измененных уголовно-правовых запретов в данной области. Следует отметить и отсутствие в белорусской доктрине уголовного права комплексных теоретико-правовых исследований монографического характера, посвященных вопросам уголовно-правовой охраны личной свободы.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют об актуальности обращения к рассматриваемой в настоящем издании проблематике и указывают на своевременность и необходимость научного осмысления юридической природы и сущности преступлений против личной свободы в качестве системного образования. При этом представляется очевидным тот факт, что только комплексный, системно-функциональный подход к определению сущности и содержания уголовно-правовых запретов в исследуемой области способен создать необходимую теоретико-правовую основу для дальнейшего совершенствования соответствующего законодательного сегмента.

В предлагаемом издании весьма органично сочетаются теоретические и практические аспекты уголовно-правовой охраны личной свободы. С точки зрения развития теории уголовного права особого внимания заслуживает глава 1 настоящей работы, которая посвящена разработке теоретических аспектов системного подхода к криминализации деяний, посягающих на личную свободу. На основе достижений юридической и философской науки в работе предложено авторское видение личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны, определены ее сущностные характеристики, позволяющие говорить о самостоятельности и значимости данного объекта в системе нематериальных ценностей, принадлежащих каждому человеку и охраняемых нормами уголовного закона. Исследование указанных вопросов позволяет по-новому определить место видового объекта преступных посягательств на личную свободу среди иных преступлений против человека, оптимизировать сферу правового регулирования ответственности за посягательства на личную свободу, равно как избежать неточностей и ошибок при применении уголовного закона Республики Беларусь.

На основе общего определения преступления, сформулированного в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в рамках представленного исследования раскрыто содержание противоправности преступных посягательств на личную свободу. При этом следует отметить, что в работе определены не только сущностные признаки деяний, характеризующих рассматриваемые преступления, но и обращается

внимание читателя на проблемные аспекты формулирования конструктивных признаков отдельных преступлений против личной свободы и предлагаются конкретные меры по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм, которые (при условии их реализации в уголовном законе) вполне могут способствовать снижению рисков их неправильного понимания и применения сотрудниками правоохранительных органов.

Не остались за рамками исследования и признаки, характеризующие психологическую (субъективную) составляющую преступного поведения, а именно вина, мотив и цель. Рассмотрение сущности и места данных признаков в системе преступлений против личной свободы является логическим завершением характеристики данных преступлений, которая, в свою очередь, выполнена в контексте достаточно нестандартного для отечественной уголовно-правовой теории подхода, а именно определения юридической природы и системных свойств указанной группы преступлений через призму общего понятия и признаков преступления.

Сформулированные в настоящем издании предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь в рассматриваемой сфере, которые получили отражение как в тексте работы, так и конкретизированы в проектных материалах, предусматривающих соответствующие изменения и дополнения, придают данной работе практико-ориентированный характер.

Полагаю, что результаты исследования, изложенные на страницах настоящего издания, могут быть интересны для сотрудников правоохранительных органов, а также использоваться в образовательном процессе учреждений, обеспечивающих получение высшего образования по специальности «Правоведение», «Экономическое право». Высказанные авторские идеи могут стать и предметом для проведения дальнейших теоретико-правовых исследований в области уголовно-правовой охраны личной свободы.

В. В. Марчук,
директор государственного учреждения
«Научно-практический центр проблем укрепления законности и
правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ГК – Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 года (с изменениями и дополнениями; текст по состоянию на 09.01.2017 г.);

Конституция – Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года);

ООН – Организация Объединенных Наций;

Палермский Протокол – Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2000 г.;

СНГ – Содружество Независимых Государств;

Статут ВКЛ – Статут Великого княжества Литовского;

УК – Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года (с изменениями и дополнениями; текст по состоянию на 19.07.2016 г.).

ВВЕДЕНИЕ

Личная свобода относится к категории ценностей, наличие которых обоснованно признается важным условием безопасного и достойного существования каждого человека, а степень и качество ее защиты, в свою очередь, могут служить одним из показателей антропоцентричности политики государства. Подтверждая особое значение личной свободы, белорусский законодатель не только оговаривает возможность ее ограничения или лишения лишь в случаях и порядке, установленных законом (ч. 1 ст. 25 Конституции), но и закрепляет механизм уголовно-правовой охраны данной свободы. Говоря о содержании последнего, необходимо отметить определенную рациональность принятого законодательного подхода (ст.ст. 181–187 УК).

Во-первых, в действующем УК в отличие от предшествующих источников уголовного права Беларуси значительно расширен круг посягательств на личную свободу, что может свидетельствовать о стремлении законодателя обеспечить охрану всех форм ее проявления. Кроме того, следует отметить и некоторое структурное обособление исследуемых преступлений, что указывает на понимание особой природы и значения личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

Во-вторых, в УК содержательному пересмотру подверглись известные предшествующим правовым источникам нормы об ответственности за отдельные преступления против личной свободы, что выразилось, главным образом, в отказе от простых диспозиций данных норм, затрудняющих их понимание и практическое применение.

В-третьих, в кодексе появились нормы об ответственности за такие деяния, как торговля людьми и использование рабского труда, криминализация которых, помимо прочего, подтверждает реализацию на национальном уровне международных обязательств в данной области.

Поскольку ряд исследуемых преступлений (например, торговля людьми, похищение человека), составляя, главным образом, сферу деятельности организованных преступных групп (в том числе транснационального характера), представляют угрозу национальной безопасности, в республике реализуются комплексные организационно-правовые мероприятия, направленные на предупреждение и борьбу с ними, что подтверждается характером и содержанием принятых и принимаемых правовых актов (в частности, Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми» [195] и др.). Более того, противодействие отдельным преступлениям против личной свободы (главным образом, торговле людьми и связанным с ней

противоправным деяниям, к числу которых следует отнести использование рабского труда, похищение человека) было объявлено на законодательном уровне одним из приоритетных направлений деятельности государственных органов Республики Беларусь, обеспечивающих национальную безопасность, защиту интересов общества, прав, свобод и законных интересов граждан (например, п. 1 Государственной программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2011–2013 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 2 октября 2010 г. № 518 [181]).

Отмечая рациональный характер названных законодательных мер, следует тем не менее признать наличие ряда недостатков, связанных с отражением противоправности преступлений против личной свободы, закономерно предопределяющих появление противоречий и ошибок в процессе их квалификации. Подтверждением может служить выявленная в ходе изучения материалов уголовных дел тенденция не всегда последовательного учета правоохранительными органами сущностных признаков рассматриваемых преступлений и, как следствие, отсутствие единообразного подхода к применению соответствующих уголовно-правовых норм. Свидетельством не всегда правильного понимания признаков данных преступлений отчасти может быть и установленная в ходе проведения настоящего исследования количественная диспропорция в соотношении зарегистрированных фактов противоправного ограничения (лишения) личной свободы и числа лиц, осужденных по ст.ст. 181–187 УК.

Несмотря на то, что в последнее время белорусские ученые все чаще обращаются к вопросам криминализации и предупреждения отдельных посягательств на личную свободу человека (особо следует назвать таких авторов, как Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.О. Грунтов, Р.Н. Ключко, В.А. Лаевский, В.В. Марчук, И.Л. Петрик, В.И. Пуховский, Н.И. Ретнёва, Э.А. Саркисова, М.П. Шруб и др.), в отечественной доктрине уголовного права по-прежнему отсутствуют комплексные теоретико-правовые работы монографического характера, посвященные проблематике уголовно-правовой охраны личной свободы, не исследовалось ее место в системе объектов данной охраны, отсутствует единство мнений относительно перечня деяний, подлежащих отнесению к системе рассматриваемых преступлений.

Происходящие изменения в уголовном законодательстве, касающиеся норм об ответственности за преступления против личной свободы, актуализируют необходимость осмысления юридической природы последних и предполагают конкретизацию тех теоретических разработок и предложений, которые соответствовали предшествующему состоянию уголовно-правовых норм в данной области. Требуется дальнейшего развития

и получившая закрепление в УК идея систематизации преступлений против личной свободы в рамках отдельной структурной рубрики – главы уголовного закона. Последнее предполагает теоретико-правовое исследование сущности и содержания личной свободы в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Наметившийся в УК системный подход в рассматриваемой области нуждается в совершенствовании и с точки зрения достижения более упорядоченного и последовательного расположения норм об ответственности за преступления против личной свободы, учитывающего специфику их основного непосредственного объекта.

Несмотря на наличие научно-практических комментариев уголовного закона, продолжает оставаться острой проблема толкования признаков отдельных преступлений рассматриваемой системы (например, торговли людьми, использования рабского труда, похищения человека), что свидетельствует о целесообразности не только реформирования принятого в УК законодательного подхода в данной области, но и разработки руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Сказанное свидетельствует об объективной необходимости всестороннего и комплексного исследования вопросов уголовно-правовой охраны личной свободы человека, которое позволило бы выявить проблемные аспекты в данной области, определить способы их устранения и на этой основе разработать направления совершенствования соответствующего законодательного сегмента, чему и посвящена настоящая монография.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

1.1 Становление и развитие теоретических воззрений по вопросам уголовно-правовой охраны личной свободы

Интерес к проблематике уголовно-правовой охраны личной свободы ученые стали проявлять достаточно давно: уже на рубеже XIX–XX вв. видные дореволюционные криминалисты, комментируя актуальное для того времени законодательство и обсуждая перспективы его развития, серьезное внимание уделяли и преступлениям против личной свободы. Отмечая высокую степень общественной опасности данных преступлений, известный русский ученый-криминалист С.В. Познышев писал: «Одно из необходимых условий общественного прогресса и развития личности в обществе – возможное устранение из общественной жизни господства грубой физической силы, правовая защита каждого от произвола и насилия других. Поэтому преступления против свободы необходимо должны занимать более или менее видное место в уголовном кодексе. Предметом этих преступлений служит свобода действий, свобода определяться к той или иной деятельности или бездействию, свобода избирать себе местопребывания и т.д.» [209, с. 131].

Вопросы определения сущности и значения личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны, история становления уголовного законодательства в сфере криминализации соответствующих деяний, а также основные формы посягательств на данный объект становились предметом исследования и других авторов (например, Н.А. Неклюдова [168]). Подчеркивая необходимость обеспечения всесторонней охраны личной свободы, ученые предлагали различать в ее содержании свободу внутреннюю и свободу внешнюю и сообразно данным формам ее проявления подразделяли преступления против личной свободы человека на несколько групп, тем самым, закладывая основы системного подхода в части построения перечня исследуемых деяний (например, В.В. Есипов [81], И.Я. Фойницкий [284] и др.).

Особое значение работ ученых-криминалистов дореволюционного периода проявилось не только во влиянии результатов их исследований на развитие уголовного законодательства того времени, но и подтверждается актуальностью многих суждений указанных и некоторых иных авторов с точки зрения совершенствования современного уголовного закона.

К сожалению, накопленный теоретико-правовой опыт в сфере уголовно-правовой охраны личной свободы не был воспринят учеными советского периода. Более того, в это время в науке уголовного права наблюдается значительное снижение интереса к данной проблеме, что закономерно отражается на состоянии теоретического обеспечения последней (особенно в первой половине XX в.). К преступлениям против личной свободы обращаются лишь в контексте исследования общего массива посягательств на личность (в частности, работы А.А. Пионтковского [206], В.В. Сташиса [242], Л.Д. Гаухмана [53] и др.).

Вместе с тем, несмотря на отмеченную тенденцию развития уголовно-правовой науки, уже в этот период на страницах юридической печати отдельные авторы высказывают точку зрения, согласно которой «было бы наиболее целесообразным создание в главе о преступлениях против личности особого раздела о посягательствах на личную свободу, включив в него незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу и другие преступления, связанные с посягательствами на личную свободу ... Это особенно, как нам кажется, необходимо в связи с тем, что в ... Конституции свобода личности гарантируется целым рядом статей, и выделение посягательств на свободу личности в особый раздел имеет большое принципиальное значение» [159, с. 42].

Активизация научного интереса к проблематике уголовно-правовой охраны личной свободы наблюдается на рубеже 80–90-х гг. XX в. Однако проводимые в этот период исследования, как правило, имели фрагментарный характер и были посвящены изучению того или иного преступления против личной свободы. Одной из первых таких работ стало диссертационное исследование Н.В. Бойко «Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву» [33]. Автор на основе анализа объекта данного преступления обосновала необходимость разграничивать такие юридические понятия, как «личная свобода» и «свобода личности»; ею было предложено собственное определение личной свободы и обращено внимание на проблемные аспекты формулирования нормы об ответственности за незаконное лишение свободы.

С точки зрения уяснения сущности принуждения, его направленности и механизма воздействия на свободу волеизъявления потерпевшего определенный интерес представляет исследование В.Ф. Иванова, посвященное уголовно-правовой оценке понуждения [88]. Определяя понуждение (принуждение) как осуществляемое информационным путем насильственное воздействие на охраняемую законом свободу личности с целью заставить совершить нежелательные для нее действия или

бездействовать в интересах принуждающего [88, с. 9–10], автор особое внимание уделил основным формам проявления принуждения в конкретных преступлениях, которые в настоящее время признаются видовыми составами принуждения как преступления против личной свободы (в частности, принуждение к даче показаний). Ряд актуальных проблем квалификации отдельных преступлений против личной свободы получил отражение и на страницах юридической периодической печати. Причем значительная часть из них касалась вопросов разграничения таких посягательств, как незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложника (исследования Н. Беяевой, Т. Орешкиной [30], Л. Гаухмана, С. Максимова, С. Сауляк [55], М. Лысова [137] и др.).

В настоящее время особое внимание вопросам уголовно-правовой охраны личной свободы уделяется российскими авторами, результаты исследований которых получают отражение не только в учебной литературе и научно-практических комментариях, но и в многочисленных работах монографического и диссертационного характера. В частности, одной из первых диссертаций, в которой был реализован комплексный подход к проблематике уголовно-правовой охраны личной свободы, может быть признана работа В.В. Панкратова [203]. Автор данного исследования весьма детально анализирует место преступлений против личной свободы в системе Особенной части УК Российской Федерации, в том числе через призму историко-сравнительного анализа данного вопроса, а также рассматривает проблемные моменты разграничения указанных преступлений со смежными преступными посягательствами.

Особо следует отметить такой аспект указанного исследования, как содержание уголовно-правовой охраны личной свободы отдельных категорий потерпевших, а именно: лиц, находящихся в психически беспомощном состоянии (например, душевнобольные, малолетние, лица, находящиеся в состоянии сна либо сильного опьянения и т.д.), потерпевших, не способных осуществлять перемещение в пространстве в силу физических недостатков, лиц, уже подвергшихся лишению свободы в установленном законом порядке, и др. Признавая значимость диссертационной работы В.В. Панкратова, все же не совсем бесспорным представляется его подход к определению сущности рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны и на этой основе построение перечня соответствующих преступлений.

С точки зрения комплексного исследования вопросов уголовно-правовой охраны личной свободы человека известный интерес представляет и диссертационная работа М.Р. Снаховой [237], в которой автор много внимания посвящает таким вопросам, как история развития уголовного законодательства в области охраны личной свободы,

зарубежный опыт криминализации и систематизации посягательств на указанный объект, тем самым, способствуя формированию целостного представления об исследуемой группе деяний. Особо следует отметить стремление М.Р. Снаховой раскрыть сущность личной свободы через призму общего учения об объекте преступления, а также попытку систематизировать возможные способы преступного воздействия на данный объект посредством учета основных форм проявления личной свободы.

В качестве системного образования преступления против личной свободы становились объектом изучения в диссертационных исследованиях и других российских авторов (например, А.И. Казамирова [95], Е.А. Марахтановой [146], Д.Я. Зайдиевой [84], М.Ю. Карасевой [96], Е.В. Авдеевой [2]). В своих работах ученые, опираясь на доктринальные разработки в данной области, зарубежный опыт уголовно-правовой охраны личной свободы, предлагают собственное видение данного объекта, обосновывают значение систематизации посягательств на него, а также уделяют внимание проблемным аспектам законодательного определения преступлений рассматриваемой группы.

Элементы системного подхода к исследованию преступлений против личной свободы усматриваются и в работах Е.А. Кисловой [100], А.А. Жинкина [83], А.Е. Амосова [7], Г.К. Ищенко [93], а также некоторых других российских авторов, которые на основе общности основного непосредственного объекта отдельных групп рассматриваемых преступлений раскрывают сущность таковых в контексте анализа их общих признаков, истории появления соответствующих уголовно-правовых запретов и т.д.

Помимо отмеченных направлений исследования в российской доктрине уголовного права активно разрабатывается и проблематика криминализации отдельных посягательств на личную свободу человека. Причем если изначально данные исследования были посвящены, главным образом, таким составам преступлений, как похищение человека (работы Д.Г. Бауськова [29], Г.В. Габитовой [52], А.В. Донцова [76], С.М. Кулушева [126], О.А. Попова [211] и др.) и незаконное лишение свободы (С.Н. Потапкин [212], М.В. Филин [281] и др.), то в последнее время все больше внимания стало уделяться вопросам уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми и использованием рабского труда (Ю.Ю. Акимова [4], И.Д. Измайлова [90], Г.К. Ищенко [93]). Объяснение усматривается не только в широком распространении фактов совершения данных преступлений, но и в проблематичности квалификации последних в связи с недостатками соответствующих уголовно-правовых норм.

Уголовно-правовая характеристика преступлений против личной свободы представлена в Энциклопедии уголовного права (Том 14) [298], подготовленной коллективом российских ученых, а также в специальных исследованиях, в том числе монографического характера (например, работы В.И. Зубковой [87], Т.Н. Нуркаевой [175], Г.С. Саркисова, Ю.А. Красикова [229] и др.).

Отдельные проблемные аспекты законодательного закрепления признаков данных преступлений изложены в рамках многочисленных научных статей на страницах юридических периодических изданий (работы таких авторов, как И. Алихаджиева [6], Ю. Аргунова [10], Ф. Кадников [94], А. Кибальник, И. Соломоненко [99], Т. Кобозева [103], Н. Лапунина [131], О. Михаль [160], Ю. Пудовочкин [217], И. Тяжкова [250], Т. Устинова [279]).

Проблематика уголовно-правовой борьбы с отдельными преступлениями против личной свободы становилась объектом изучения и в украинской доктрине уголовного права. Среди наиболее заметных работ в данной области можно назвать диссертационные исследования В.А. Козак [108] и Я.Г. Лизогуб [133], которые посвящены юридическому анализу объективных и субъективных признаков состава торговли людьми, а также вопросам отграничения данного преступления от смежных преступных деяний. Вопросы криминализации и квалификации похищения человека достаточно последовательно рассмотрены в диссертационной работе О.А. Володиной [51]. Автор данного исследования пристальное внимание уделяет ретроспективному аспекту становления уголовного законодательства об ответственности за указанное преступление, причем в данном ракурсе изучается не только украинский уголовный закон, но и уголовное законодательство ряда зарубежных государств.

Несмотря на признание особой значимости личной свободы и серьезности посягательств на нее [130, с. 9; 154, с. 41–42; 228, с. 36], в белорусской доктрине уголовного права комплексные монографические исследования, посвященные проблематике уголовно-правовой охраны данного объекта, пока отсутствуют. Хотя следует отметить, что вопросы криминализации и квалификации отдельных деяний рассматриваемой системы неоднократно становились предметом анализа белорусских авторов. Причем особый научный интерес в отечественной доктрине уголовного права вызвали прежде всего новые для белорусского УК составы преступлений, а именно торговля людьми, вербовка людей для эксплуатации (УК по состоянию на 1999 г.), использование рабского труда.

Первыми работами, которые были посвящены анализу норм об ответственности за указанные преступные посягательства, стали научные публикации белорусского ученого В.В. Марчука [148; 151; 153–155],

результаты исследований которого, исходя из содержания последующих изменений уголовного закона в данной области, были учтены белорусским законодателем. Подтверждением сказанному, в частности, может служить и пересмотр перечня квалифицирующих признаков торговли людьми (например, включение в число таковых факта повторного совершения данного преступления (п. 6 ч. 2 ст. 181 УК)), и изменение законодательного подхода в части дифференцирования уголовной ответственности за указанное преступление в случае совершения его с использованием различных форм совместной преступной деятельности, а именно группы лиц по предварительному сговору, а также организованной группы (для сравнения: п. 5 ч. 2 ст. 181 УК (по состоянию на 1999 г.) и п. 4 ч. 2 и ч. 3 ст. 181 УК) [154, с. 44–45]. Как представляется, были услышаны и критические замечания относительно необоснованности выведения за рамки основного состава торговли людьми наиболее распространенных способов совершения данного преступления и др. [155, с. 23]. Внимание автора было уделено и проблемным аспектам отграничения торговли людьми от смежных преступных деяний [153], которые актуализировались после изменения ст. 181 УК в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. № 15-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» [179].

Особо следует отметить вклад автора в формирование правильного восприятия признаков другого – нового для отечественного УК и фактически неизвестного уголовному законодательству государств постсоветского пространства (за исключением УК Российской Федерации) – состава преступления, а именно использования рабского труда (ст. 181-1 УК), криминализация которого связана с принятием Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» [177]. Автором проведен обстоятельный юридический анализ признаков основного и квалифицированных составов данного преступления, разъяснено содержание некоторых ранее неизвестных отечественному уголовному закону понятий и терминологических оборотов («рабство», «иная форма эксплуатации»), а также акцентировано внимание следственных и судебных органов на проблемные аспекты применения ст. 181-1 УК [148; 147].

Проблемные аспекты имплементации международно-правового определения торговли людьми в национальный уголовный закон становились предметом анализа профессора А.В. Баркова. Подчеркивая

значение имплементации норм международного права для формирования согласованной уголовной политики различных государств в области противодействия опасным проявлениям современной преступности, автор обращает внимание на ошибочность некритического механического перенесения в национальный уголовный закон международно-правовых определений. По мнению А.В. Баркова, «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (положения которого, собственно, и стали юридической основой для корректировки признаков данного преступления в отечественном УК – прим. авт.), определяет термином «торговля людьми» не вид преступления, а сложное асоциальное явление. Это явление невозможно «втиснуть» в рамки одного состава преступления, требуется система норм, которые вносятся в УК». Более того, «отдельные термины Протокола, – с точки зрения А.В. Баркова, – не согласуются с терминами, обозначающими те же явления, отечественного уголовного права (например, «укрывательство»)» [28, с. 263].

Некорректность использования отдельных понятий для характеристики признаков торговли людьми отмечалась и В.В. Марчуком: по мнению ученого, конструкция «укрывательство человека» в уголовно-правовом определении указанного преступления приобретает «полисемичное значение», которое может породить «достаточно странные суждения» («укрывательство лица, совершившего укрывательство человека») [150, с. 229].

К проблеме уголовно-правового противодействия торговле людьми и связанным с ней преступным посягательствам обращались и другие белорусские авторы. В частности, вопросы криминализации и квалификации торговли людьми освещались в публикациях Р.Н. Ключко [102], В.А. Лаевского [130], В.И. Пуховского [218], М.П. Шруба [296] и др. Так, белорусским ученым Р.Н. Ключко справедливо было акцентировано внимание на проблемные аспекты закрепления в уголовно-правовом определении торговли людьми (ст. 181 УК по состоянию на 1999 г.) признака зависимости потерпевшего, был обоснован вывод об ошибочности использования в уголовном законе гражданско-правовой терминологии («сделка», «купля-продажа») и предложено собственное определение рассматриваемого преступления, позволяющее учесть возможные формы его совершения, равно как избежать тех проблемных аспектов квалификации, которые возникали в правоприменительной практике [102, с. 26–28].

Что касается диссертационных и монографических исследований, посвященных вопросам уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми, то следует прежде всего назвать работы белорусского ученого Н.И. Ретнёвой

(диссертационное исследование, монографию, а также многочисленные публикации в юридических периодических изданиях). В своих работах автор раскрывает историю становления уголовно-правовых запретов в области противодействия торговле людьми, уделяет внимание развитию доктринальных подходов относительно правового регулирования ответственности за данное преступление, анализирует содержание основных международных актов, составляющих юридическую основу сотрудничества государств в борьбе с указанным противоправным деянием, и оценивает соответствие им белорусского УК, раскрывает признаки основного состава торговли людьми и характеризует квалифицирующие признаки данного преступления, а также обращает внимание на проблемные аспекты наказуемости последнего [223].

Помимо торговли людьми и связанных с ней преступных посягательств, в отечественной юридической литературе предметом исследования становятся и другие преступления против личной свободы (в частности, похищение человека (ст. 182 УК) и незаконное лишение свободы (ст. 183 УК)). С этой точки зрения особо следует выделить работы белорусских ученых Н.А. Бабия и И.О. Грунтова, в которых либо непосредственно, либо через призму рассмотрения иных актуальных вопросов уголовного права раскрываются проблемные аспекты формулирования соответствующих уголовно-правовых запретов [23; 24; 25; 66].

Для формирования теоретико-правовой основы развития единообразной следственной и судебной практики в области квалификации преступлений против личной свободы, отграничения их от смежных преступных деяний, а также уяснения юридической природы и характерных признаков данных преступлений большое значение имеют исследования А.В. Баркова, получившие отражение в специальных публикациях [27] и на страницах научно-практических комментариев уголовного закона [110, с. 464–480]. Автором раскрыто содержание объективных и субъективных признаков состава каждого преступления, признаваемого УК посягательством на личную свободу человека, и дана их общая характеристика, что имеет важное практическое значение для правильного восприятия сущности рассматриваемых деяний.

Несмотря на наличие весомой теоретико-правовой базы, проблематика уголовно-правовой охраны личной свободы требует дальнейшего исследования. Прежде всего, речь идет о необходимости изучения преступлений против личной свободы в качестве системного образования, обладающего определенным комплексом специфических свойств и признаков, позволяющих выделить их в общем массиве иных посягательств на свободу человека.

Не менее актуальным видится дальнейшее уточнение объекта данных преступлений, а также изучение качества формулирования норм белорусского уголовного закона, предусматривающих ответственность за их совершение, что особенно важно в контексте имеющихся недостатков в понимании и применении этих норм правоохранительными органами.

Особого внимания заслуживает и проблема построения перечня преступлений, непосредственно направленных против личной свободы: к сожалению, предусмотренный действующим УК круг посягательств на исследуемый объект демонстрирует весьма противоречивый подход законодателя к систематизации исследуемых деяний. С одной стороны, просматривается некоторая пробельность уголовного закона в сфере охраны личной свободы, а с другой стороны, есть все основания утверждать об избыточности уголовно-правовых запретов в данной области, поскольку система последних включает в себя и те посягательства, которые имеют лишь косвенное отношение к исследуемому объекту уголовно-правовой охраны.

1.2 Современные теоретико-правовые концепции личной свободы

Личная свобода относится к числу объектов, которые вызывают теоретический и практический интерес у представителей различных областей юридической науки. Исследуя данный объект, ученые-юристы, как правило, стремятся максимально приблизить его содержание к предметной сфере той отрасли юриспруденции, представителями которой они являются. Безусловно, такой подход не способствует формированию единой теоретико-правовой концепции личной свободы, актуальность которой в условиях отсутствия ее законодательной дефиниции очевидна.

Нельзя забывать и тот факт, что раскрывать содержание личной свободы только на основе достижений правовой доктрины вряд ли обоснованно, поскольку данное понятие является в большей степени общенаучным, нежели строго отраслевым, что подтверждается постоянным вниманием к проблематике личной свободы со стороны представителей различных сфер научного знания, среди которых безусловный приоритет принадлежит философской мысли. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, философская характеристика свободы, опираясь на «общезначимое ее понимание», наполняет эту категорию «глубоким человеческим смыслом» [5, с. 84–85].

Вместе с тем абсолютизация значения философских характеристик личной свободы, равно как их некритичное экстраполирование на сферу

правовой (особенно – уголовно-правовой) науки, крайне ошибочна. Причина тому – не только специфика философского знания, его особая целевая направленность, но и значительная неоднородность самих мировоззренческих трактовок личной свободы. Действительно, будучи интерпретированным в контексте эссенциализма и экзистенциализма, в рамках детерминизма и индетерминизма, понятие «свобода» («личная свобода») получало и получает различное содержательное наполнение, что подтверждает правомерность заключения Д.А. Толченкина о недопустимости «механического» использования в юридической плоскости разработок из других областей обществоведческой науки [245, с. 34].

В контексте сказанного представляется целесообразным уделить внимание лишь тем аспектам характеристики исследуемого объекта, которые поддерживаются представителями различных направлений философского мышления.

Во-первых, мировоззренческие трактовки свободы, по общему правилу, исходят из ее признания в качестве «основополагающего элемента человеческого бытия», родового признака человека [5, с. 85; 42, с. 576], в связи с чем она мыслится «как одна из наивысших ценностей человеческого существования» [292, с. 12]. С этой точки зрения вполне закономерно юридическое подтверждение значимости личной свободы как в национальном законодательстве государств, так и в международных правовых актах.

Во-вторых, с точки зрения социального приложения свобода артикулируется как «пространство активности» человека [5, с. 88], в связи с чем многие философские концепции свободы традиционно акцентируют деятельную сущность индивида, которая проявляется «не столько в том, что человек мыслит, а сколько в том, что человек обладает способностью к волевой деятельности» [288, с. 20, 30]. Как следствие, одной из характеристик свободы (личной свободы) называется свобода действия, которая признавалась и продолжает признаваться основной составляющей исследуемого объекта и в теории права [26, с. 5–6; 280, с. 17].

В-третьих, свобода ассоциируется с освобождением человека от «различных форм личной зависимости, угнетения и подавления» [169, с. 25], от внутреннего и внешнего принуждения [282, с. 275]. Иными словами, свобода в философском контексте конституируется как противопоставление неволи, как следствие отсутствия неправомерного принуждения, что в полной мере отвечает и семантическому значению исследуемой категории.

Отмеченное качество свободы тем не менее не означает ее абсолютности. В противном случае возникает «парадокс свободы», ее трансформация в свою противоположность [301, с. 18], в связи с чем

философские определения нередко акцентируют такой аспект свободы, как сочетание в деятельности человека общественных и личных интересов.

В-четвертых, отрицание абсолютной свободы позволяет авторам обосновывать наличие определенных ее пределов, в качестве которых традиционно называются природные и социальные условия [134, с. 11], рамки законности [169, с. 469], требования объективной действительности [129, с. 29–30] и иные факторы, содержание которых предопределяется, главным образом, включенностью человека в систему общественных отношений. В контексте сказанного совершенно оправдана тенденция теоретико-правового ограничения личной свободы предписаниями позитивного права и сферой такой же свободы иных членов общества.

В-пятых, философские трактовки личной свободы, по общему правилу, опираются на такие категории, как воля, выбор, разум и необходимость. Действительно, в истории философской мысли понятие свободы исследовалось преимущественно в контексте учения о свободе воли, сущность которой усматривалась не только в возможности выбора целей и средств достижения блага (Ф. Аквинский), но и в отсутствии физического принуждения (Т. Гоббс) [172, с. 881]. С этой точки зрения вполне объяснима современная трактовка свободы человека как возможности мыслить и поступать по своей воле [245, с. 43], равно как признание воли необходимым атрибутом свободы [223, с. 37].

Помимо воли, составляющей исследуемой свободы объявляется возможность человека осуществлять выбор, который, по мнению представителей философской мысли, может быть реализован в части определения цели и плана действий [42, с. 578]. В этой связи свобода интерпретируется не только применительно к целеполаганию (внутренняя свобода), но и к практическому его воплощению (внешняя свобода). При этом утверждая, что именно в ситуации выбора личность наиболее ярко проявляет себя в качестве субъекта свободы [292, с. 12], философская наука особое ударение делает на разумность такого выбора [42, с. 579], а также его обусловленность не только ценностными ориентирами индивида, но и социальными детерминантами [283, с. 278]. Как следствие, известное философское утверждение «свобода – познанная необходимость» и постулируемая философией связь свободы с понятиями «разум» и «необходимость» [288, с. 33, 35; 105, с. 80].

Признавая особую методологическую ценность определения свободы в качестве познанной необходимости, ряд исследователей тем не менее приходят к выводу о том, что само по себе «знание необходимости не делает личность реально свободной» [134, с. 14]: как верно отмечает Л.А. Коган, «раб, сознающий и констатирующий свое рабство, еще не перестает быть рабом» [105, с. 79]. На основе такого рода суждений

познание необходимости следует признавать лишь предпосылкой личной свободы, позволяющей человеку «разумно выбирать свою линию поведения среди реальных возможностей, или ... «принимать решения со знанием дела» [42, с. 579].

Отмеченные мировоззренческие характеристики личной свободы получили конкретизированное развитие и в теоретико-правовых исследованиях. В частности, усматривая в содержании личной свободы моменты необходимости («свободный человек, прежде, чем действовать, осознает необходимость своих действий и осознает их обусловленность закономерностями окружающей действительности») и неопределенности (выражающейся в «возможности произвольного выбора варианта поведения из ряда осуществимых») [96, с. 40], М.Ю. Карасева подтверждает признание предложенной философской наукой связи исследуемого объекта с такими характеристиками, как свобода действия, возможность выбора и осознание необходимости. Причем сама необходимость в сфере правовой действительности, с нашей точки зрения, имеет двойственный характер: с одной стороны, необходимость, трактуемая в контексте реализации собственных интересов и потребностей, достижения поставленных целей, осуществления моторных функций организма и т.д., «толкает» человека к действию (воздержанию от действия); с другой стороны, необходимость лимитирует сферу свободы, заставляя человека соотносить свое поведение с существующими в обществе дозволениями, предписаниями и ограничениями.

Наиболее рельефно влияние философского понимания личной свободы отразилось на содержании конституционно-правовых концепций исследуемого объекта, предопределив формирование его распространительных трактовок. При этом преемственность философской науке особенно отчетливо проявилась на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне дефинитивной характеристики рассматриваемой свободы: определяя ее как «возможность делать все, что не приносит вреда другому» [Цит. по: 237, с. 31], конституционалисты, по сути, развивают идеи Т. Гоббса («там, где суверен не предписал никаких правил, подданный свободен делать или не делать что-либо по собственному усмотрению» [169, с. 461]), Дж. Локка («свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон ... » [169, с. 469]) и других выдающихся мыслителей прошлого.

Во-вторых, влияние философской мысли на содержание конституционно-правовой концепции личной свободы проявляется на уровне терминологического обозначения исследуемого объекта: и философская наука, и доктрина конституционного права, как правило, используют понятия «личная свобода» и «свобода личности» в качестве

равнозначных и взаимозаменяемых (в частности, исследования Л.Д. Воеводина [47, с. 60], Е. Грабитц [60, с. 253–254], И.И. Логанова [134, с. 10, 12] и др.). Однако если философия имеет на то, действительно, все основания: конструкция «свобода личности» («личная свобода») носит в данном случае обобщающий характер и подчеркивает принадлежность свободы человеку в отличие от свободы общества, нации, класса, иной социальной группы, то с точки зрения логики законодательного закрепления указанных понятий свобода личности должна признаваться более широкой категорией, нежели личная свобода человека. Однако даже в тех случаях, когда доктрина конституционного права разграничивает понятия «свобода личности» и «личная свобода», признавая последнее частью первого (В.А. Патюлин [204, с. 160] и др.), содержание личной свободы, как правило, интерпретируется весьма широко. Наиболее отчетливо распространительная трактовка исследуемого объекта проявляется в придании ему качества некоего обобщающего явления, опосредуемого иными правовыми благами, перечень которых также весьма вариативен: одни авторы к числу таковых относят право неприкосновенности личности и жилища, тайну переписки и свободу совести, равно как право обвиняемого на защиту [204, с. 159–160], другие – личную безопасность, блага личной и семейной жизни, а также нравственную и духовную неприкосновенность [9, с. 56].

Подобные трактовки личной свободы, существенно расширяя границы исследуемого объекта, в ряде случаев способствуют его отождествлению с правовым статусом человека. Подтверждением может служить определение личной свободы, предложенное О.В. Садиной: по мнению автора, статус данной свободы представляет собой «исторически обусловленную систему естественных и неотчуждаемых прав, свобод и обязанностей лица», которые принадлежат ему от рождения и связаны с его «индивидуальной, частной жизнью» [226, с. 2498].

Как представляется, основной причиной поливариантности конституционно-правовых определений личной свободы является практика применения понятий «свобода» и «личный» для обозначения различных по своей природе правовых явлений. В частности, категория «свобода» используется в таких «статусных значениях», как основа конституционного строя, принцип правового регулирования, а также правомочие субъекта конституционного права [44, с. 33–34]. В свою очередь, понятием «личный» определяется, с одной стороны, целый комплекс юридических возможностей человека, реализуемых в форме законодательно закрепленных прав и свобод, которые относятся к первому их поколению (отсюда и конструкция «личные свободы», получившая отражение в теоретико-правовых исследованиях [48, с. 8; 204, с. 159]), а с

другой стороны, конкретное правовое благо – «личная свобода», которая гарантируется человеку действующим законодательством в качестве особой и не сводимой к совокупности каких-либо иных свобод социальной ценности. Вероятно, стремление преодолеть отмеченную полисемию предопределило появление в научном обороте, наряду с понятием «личная свобода», таких конструкций, как «индивидуальная свобода», «физическая свобода» [47, с. 60; 129, с. 44, 47; 41, с. 14], трактовка которых также не обнаруживает какой-либо общей закономерности.

Помимо предложенных философской наукой мировоззренческих характеристик личной свободы, современная юриспруденция достаточно последовательно развивает и исходные положения основных философских направлений в исследуемой области, а именно идеи позитивной («свобода для») и негативной («свобода от») свободы. Причем если конституционно-правовая доктрина в большей степени ориентирована на позитивную характеристику личной свободы, то наука международного права, отталкиваясь от содержания основных международных актов в данной области, преимущественно развивает концепцию так называемой негативной свободы. Объявляя классическим для международного права понимание личной свободы в качестве физической свободы человека [68, с. 16, 40], авторы раскрывают ее содержание посредством указания на свободу от «серьезных ограничений на перемещения отдельных лиц в рамках общества» [58, с. 21] либо в качестве свободы «от всякого процессуального или материального посягательства на личную свободу со стороны государственных органов» [118, с. 126]. Действительно, основополагающие международные акты в области прав и свобод человека, как правило, в качестве гарантии права на свободу и личную неприкосновенность предусматривают запрет произвольного задержания или ареста (ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [89, с. 254]; ст. 5 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. [112]), которые ограничивают внешнюю, соответственно, наиболее очевидную форму проявления личной свободы – свободу перемещения.

Вместе с тем расположение нормативного материала, закрепляющего право человека на свободу, и его соотношение с правовыми запретами и гарантиями, предусмотренными указанными и иными международными актами, дают основание утверждать об обоснованности расширения негативной трактовки личной свободы посредством включения в ее содержание такого аспекта, как свобода от рабства и подневольного состояния (ст.ст. 3, 4 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. [89, с. 197]; ст.ст. 8, 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [89, с. 206]; ст.ст. 4, 5 Конвенции СНГ о правах и основных

свободах человека 1995 г. [112] и т.д.). Не случайно в юридической литературе рабство и работорговля признаются деяниями, посягающими на личную свободу человека [139, с. 13], причем в наиболее опасной форме.

Таким образом, международно-правовое понимание личной свободы сводится к признанию двух основных аспектов ее проявления: во-первых, физической свободы человека, т.е. свободы от изоляции, обусловленной, главным образом, незаконным применением процессуальных мер принуждения (ареста, задержания и т.д.), и, как следствие, свободы распоряжения «своим местонахождением в пространстве по собственному усмотрению» [92, с. 241]; во-вторых, свободы от подчинения чужой воле, выраженной в системе рабства и подневольного состояния. При этом характерно, что данные аспекты личной свободы, как правило, рассматриваются изолированно относительно друг друга, в связи с чем не представляется возможным говорить о наличии и правовом оформлении единой международно-правовой концепции личной свободы.

Отсутствие единой концепции исследуемой свободы характерно и для гражданско-правовой доктрины. Как правило, ученые-цивилисты обращаются к проблематике личной свободы либо в контексте исследования свободы договорных отношений, либо при рассмотрении правового режима нематериальных благ, являющихся объектом гражданских правоотношений. Однако если в первом случае свобода человека трактуется преимущественно как свобода выражения воли, причем относительно весьма ограниченного круга вопросов, а именно: участия в договоре, определения его условий и формы заключения и т.д., то при исследовании личной свободы в качестве объекта личных неимущественных прав ее теоретико-правовая характеристика значительно расширяется, обнаруживая отмеченную ранее поливариантность содержательного наполнения. Правильно подчеркивая нематериальную природу и неразрывную связь с личностью обладателя, авторы характеризуют личную свободу либо в качестве обобщающей конструкции, объединяющей иные гражданско-правовые свободы (например, свободу предпринимательства, свободу занятия общественно-политической деятельностью [46, с. 651] или свободу творчества и выбора рода занятий, свободу слова и печати, свободу определения своего внешнего облика, равно как свободу передвижения, выбора места пребывания и т.д. [174, с. 36]), либо, ссылаясь на нормы ГК об ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 939 ГК) [62], связывают личную свободу человека со свободой от «незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения

заклучения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ» [63, с. 421]. Существует трактовка личной свободы в качестве возможности человека беспрепятственно располагать (распоряжаться) собой, своими поступками и временем [11, с. 100; 119, с. 227], которая распространена и в доктрине конституционного права [47, с. 292].

Отмеченные разногласия относительно сущности личной свободы тем не менее не исключают единство гражданско-правового подхода в части отнесения данной свободы к категории объектов неимущественных прав человека, констатации ее идеальной природы и неотчуждаемого характера, подтверждения особой значимости, а также признания в качестве основной характеристики исследуемого объекта свободы действия лица как в сфере воздействия права, так и за ее пределами.

В отличие от цивилистических концепций личной свободы, которые развивают преимущественно распространительное ее понимание, преобладающее в науке конституционного права, уголовно-процессуальная доктрина, как правило, исходит из строго отраслевого содержания личной («индивидуальной») свободы, а именно ее трактовки в качестве свободы от «задержаний и арестов» [125, с. 116], равно как применения иных мер процессуального принуждения (например, заключения под стражу, домашнего ареста, помещения лица в организацию здравоохранения для производства экспертизы и т.д. [295, с. 62–63]).

Признавая ограниченность подобного понимания личной свободы (с точки зрения интересов ее уголовно-правовой охраны), нельзя не отметить наличие весомой аргументационной базы у его сторонников. Во-первых, законодательное оформление права на свободу, личной свободы исторически связано с гарантированием свободы человека от произвольных арестов и заключений (например, п. 39 Великой хартии вольностей 1215 г. [89, с. 182]). Во-вторых, в сфере уголовного судопроизводства обеспечение личной свободы лица, вовлеченного в уголовный процесс, осуществляется в контексте реализации принципа неприкосновенности личности, согласно которому никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления либо заключен под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения, а также помещен в организацию здравоохранения для производства судебно-психиатрической или иной экспертизы без законных на то оснований и в нарушение установленного уголовно-процессуальным законом порядка. В-третьих, современные международные акты, а вслед за ними и конституции государств, как правило, объединяют право на свободу и возможность судебной проверки законности задержания и ареста в рамках единого структурного образования – статьи, параграфа и т.д., что дает основание

говорить о необходимости их совместного рассмотрения. В этом отношении не является исключением и белорусская Конституция, положения которой дают основание Конституционному Суду Республики Беларусь оценивать соответствие действующего законодательства ст. 25 Конституции в аспекте взаимосвязи свободы и запрета произвольных арестов и задержаний [199].

Действительно, трактовка личной свободы через призму свободы от задержания, заключения под стражу, применения иных мер принуждения, так или иначе связанных с изоляцией человека, позволяет подчеркнуть такое сущностное качество личной свободы, как свобода движения человека, прежде всего, в части его территориального перемещения. Кроме того, уголовно-процессуальное понимание личной свободы позволяет исключить из ее содержания те юридически обеспеченные возможности человека, которые характеризуют сущность иных, отличных от исследуемого объекта, прав и свобод, получивших самостоятельное закрепление (например, право на неприкосновенность личной жизни, свобода мнений, право на свободный выбор рода занятий и т.д.).

Вместе с тем, будучи экстраполируемым на сферу уголовно-правового регулирования, узкое понимание личной свободы оправдывает доминирование концепции физической свободы человека, которая долгое время определяла состояние отечественного уголовного закона в исследуемой области и которая продолжает развиваться в современной уголовно-правовой доктрине. Примером отождествления личной свободы исключительно с физической свободой человека может служить трактовка исследуемого объекта С.Н. Потапкиным. По мнению автора, личная свобода – это «основанная на законе возможность лица передвигаться по собственному усмотрению (желанию), не ограниченная физическим или психическим принуждением» [212, с. 37]. Через призму свободы передвижения и (или) выбора места пребывания характеризуют рассматриваемый объект и такие авторы, как О. Попов [211, с. 11–12], О. Михаль [160, с. 48], Н. Бойко [33, с. 10], М. Лысов [137, с. 40] и др.

Основные недостатки концепции физической свободы, соответственно, и узкого понимания личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны сводятся к следующему. Во-первых, определение личной свободы исключительно как свободы передвижения (выбора места пребывания) позволяет раскрыть лишь некоторые (хотя и наиболее очевидные) формы ее проявления, что закономерно влечет за собой необоснованное ограничение круга уголовно-правовых запретов в данной области (практика, известная советскому и отчасти постсоветскому периодам становления отечественного уголовного закона). Во-вторых, термин «свобода передвижения» хотя и является, по словам

М.Р. Снаховой, устоявшимся и точным термином [237, с. 91], с нашей точки зрения, не может быть использован для характеристики личной свободы. Согласно «общепринятому пониманию», к которому апеллирует названный автор, право человека на свободу передвижения означает право «самостоятельно принимать решения о месте своего жительства или пребывания внутри страны либо выезда за ее пределы, возвращения обратно» [40, с. 8]. Во многом сходное содержание вкладывается в данное понятие и белорусским законодателем, который в то же время использует его для характеристики самостоятельного, структурно обособленного конституционного права человека, закрепленного в ст. 30 Конституции. Отмеченные положения исключают возможность применения указанной юридической конструкции для обозначения иного правового объекта – личной свободы человека. Примечательно, что и зарубежная (в частности, германская) конституционно-правовая доктрина исходит из того, что свобода передвижения «существенно дополняет личную ... свободу» [60, с. 255].

В контексте сказанного представляется более уместным рассматривать физическую свободу человека в качестве составляющей его личной свободы, а также использовать данное понятие для обозначения не только свободы территориального перемещения (главным образом, свободы оставлять (покидать) место нахождения), но и в целом свободы от физического принудительного воздействия на сферу поведения человека, препятствующего реализации им физиологической функции движения.

Следует отметить, что в теории уголовного права, наряду с узкой трактовкой личной свободы, получили развитие и распространительные концепции данного объекта, в том числе обусловленные влиянием факторов современной действительности. Примером широкого понимания личной свободы может служить характеристика данного объекта через призму таких составляющих, как право на неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство [94, с. 38], свобода индивидуальной самостоятельности (т.е. возможность определять образ жизни, располагать свободным временем, пользоваться имуществом) и т.д. [222, с. 11] Действительно, многие из указанных правовых благ способствуют достижению свободы, которая воплощается во всей системе прав человека. Однако данная свобода не тождественна личной свободе, на что обоснованно обращают внимание такие авторы, как Н.В. Бойко [33, с. 9] и Д.Н. Дмитриев [74, с. 48].

Распространительным подходом к определению личной свободы является и ее характеристика в качестве возможности (права) человека распоряжаться собой (органами своего тела) по собственному усмотрению [236, с. 8; 2, с. 10; 281, с. 61]. Как представляется, подобное определение личной свободы страдает внутренней (смысловой)

противоречивостью: с одной стороны, «свобода распоряжения собой» может составлять содержание достаточно широкого круга субъективных прав и свобод человека, например, права на жизнь в аспекте распоряжения своей жизнью либо права на охрану здоровья с позиции формирования собственного отношения к состоянию своего здоровья; с другой стороны, такого рода свобода характеризует содержание вполне конкретного с точки зрения конституционно-правовой доктрины субъективного права – права на личную неприкосновенность [190, с. 32].

Ряд авторов, подвергая критике трактовку личной свободы через призму свободы распоряжения собой, в качестве основного аргумента указывают на то, что последнее понятие имеет более широкое содержание [203, с. 26; 79, с. 29], в связи с чем не может быть использовано для определения сущности исследуемого объекта. Признавая в целом обоснованность такого рода замечаний, хотелось бы обратить внимание на несколько иной аспект несоотнесенности указанных понятий. Как представляется, распоряжение является одной из возможных форм обращения человека с принадлежащим ему объектом (материальным или нематериальным благом). Будучи по своей сути правомочием в отношении последнего, распоряжение, тем самым, не может раскрывать его сущность. Человек волен распорядиться своей личной свободой (равно как жизнью, имуществом и т.д.), подвергнув себя тем или иным ограничениям (вплоть до полного заточения). Наличие личной свободы позволяет распорядиться иными правовыми благами (жизнью, здоровьем, свободой слова и т.д.). Хотя следует признать, что в последнем случае связь между личной свободой и возможностью распоряжения принадлежащими человеку благами не является строго детерминированной (например, лицо, пребывающее в условиях изоляции, вполне может лишиться себя жизни, распорядившись таким способом данным нематериальным благом).

Появление широкого представления относительно содержания личной свободы, с нашей точки зрения, обусловлено тем, что изначально понятие «свобода» воспринималось, главным образом, как антипод неволи, выражавшейся в господствовавшей системе рабства и подневольного состояния. «Лишь с возникновением реального порабощения одних людей другими, – пишет В.Е. Давидович, – у тех, кто порабощен, и обнаруживается осознание своей несвободы, а следовательно, и стремление к освобождению» [70, с. 27]. Поскольку статус лиц, пребывавших в таком положении, характеризовался наиболее полным ограничением прав и свобод, то личная свобода закономерно воспринималась как отсутствие каких-либо принудительных ограничений, в том числе в части реализации субъективных прав и свобод.

Признавая факт исторической оправданности появления широкого подхода к определению исследуемого объекта, следует отметить, что в современных условиях такой подход не только вводит в содержание личной свободы элементы, которые характеризуют сущность иных правовых благ, но и фактически ставит под сомнение необходимость самостоятельного гарантирования данной свободы.

Итак, анализ правовых концепций личной свободы, получивших обоснование в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов, позволяет сделать вывод об отсутствии единого понимания данного объекта и развитии достаточно спорной тенденции отраслевого наполнения его содержания, когда относительно единым является лишь терминологическое обозначение – «личная свобода», которое, как правило, используется для характеристики различных по своей сути явлений. В контексте сказанного особого внимания заслуживает предложение отдельных авторов относительно законодательного закрепления дефиниции личной свободы (например, Н.Н. Лапушина [131, с. 148]). Актуальность подобных рекомендаций подтверждают и результаты социологического опроса: из 120 сотрудников правоохранительных органов, опрошенных нами в ходе проведения исследования, 43,4 % указало на целесообразность законодательного определения сущности личной свободы. В условиях же отсутствия правовой дефиниции личной свободы заслуживают внимания ее характерные черты, к числу которых мы склонны относить следующие.

Во-первых, личная свобода является нематериальным объектом, который «всегда имеет идеальную природу» [237, с. 32]. С точки зрения обоснования нематериального признака исследуемого объекта интересное суждение высказано М.Л. Нохриной: автор обуславливает нематериальный характер права на личную свободу неимущественной сферой его реализации, «когда интересы управомоченного удовлетворяются путем его активного поведения, не связанного с воздействием на те или иные материальные или нематериальные блага» [174, с. 25, 31]. Несмотря на наличие такого рода суждений, представляется необоснованным полностью исключать из сферы личной свободы человека возможность совершения им действий по поводу каких-либо материальных объектов. Вместе с тем незаконное ограничение личной свободы потерпевшего, обусловленное интересами виновного лица в отношении материальных объектов, в ряде случаев, действительно, характеризует признаки преступлений, имеющих иную родовую принадлежность, что отчасти подтверждает справедливость суждений М.Л. Нохриной. К сожалению, подобного рода ситуации не всегда учитываются следственно-судебными органами, подтверждением чего может служить судебная практика. В

частности, как было установлено по одному из изученных нами уголовных дел, обвиняемый, находясь в состоянии алкогольного опьянения, принуждал свою мать передать ему денежные средства на приобретение спиртного, высказывая при этом угрозу поджога дома [15]. Несмотря на то, что в содеянном усматриваются признаки вымогательства (ст. 208 УК), действия виновного были квалифицированы по норме об ответственности за принуждение (ст. 185 УК).

В контексте сказанного, заслуживает внимания точка зрения тех авторов, которые склонны различать несколько проявлений личной свободы: с одной стороны, проявления личной свободы, которые касаются «главным образом материальных интересов индивидуума», а с другой, – те ее виды, которые связаны с моральными интересами человека (например, А. Эсмен [300, с. 395–396]).

Во-вторых, личная свобода реализуется в особой сфере, которая в юридической литературе характеризуется по-разному: как сфера некоторой обособленности, самоопределения человека [61, с. 17] либо как сфера его личной жизни [142, с. 50] и т.д. Признавая обоснованность выделения сферы личной свободы, с нашей точки зрения, все же правильнее говорить о таких ее признаках, как отсутствие противоправного внешнего принудительного воздействия и возможность совершения человеком действий, связанных с реализацией его собственных интересов и потребностей. И в том, и в другом случае речь идет о независимости человека, которая может проявляться двояко: с одной стороны, внешняя независимость, т.е. отсутствие внешних относительно человека преград, затрудняющих или делающих невозможной реализацию его поведенческих (в том числе двигательных) потребностей; с другой стороны, внутренняя независимость (используя слова Б.Н. Чичерина, «независимость от чужой воли» [69, с. 18]).

В-третьих, независимость человека, характеризующая содержание личной свободы, не является абсолютной: она ограничена системой определенных координат, которые установлены в обществе и признаются данным обществом. Помимо внешних относительно человека границ его личной свободы (такowymi являются правовые ограничения, наличие которых допускается ст. 25 Конституции и конкретизируется отраслевым законодательством), мерой данного состояния являются нормы внутренней саморегуляции: то, что одни авторы называют совестью, долгом, взаимопониманием и т.д. [106, с. 32], другие – категорическим императивом, или законом нравственной свободы [Цит. по: 146, с. 24]. Роль нравственных (моральных) норм в определении границ личной свободы, на первый взгляд, не является столь очевидной, как влияние правовых предписаний, однако именно данные нормы позволяют

«организовать» и направить потребности и интересы действующего субъекта не в ущерб иным «носителям» личной свободы, создать внутреннюю готовность лица принять установленные в обществе правовые ограничения и запреты, а также скоординировать его поведение в той области, которая находится за рамками правовой регламентации. Как утверждает Л.А. Коган, разумно-гуманистическое саморегулирование, «моральное самоограничение свободы» способно обеспечить ее полноту и эффективность, когда не свобода владеет человеком, а человек свободой [106, с. 31, 32]. При этом определяющее влияние нравственных установок проявляется на стадии формирования волевого решения относительно своего поведения, когда выбор последнего соотносится не только с системой правовых координат, но и оценивается через призму добра и зла.

Поскольку нравственные критерии поведения непосредственно предопределяются содержанием религиозных норм, с точки зрения формирования морально-этических ориентиров личной свободы представляется весьма ценной рекомендация выработать свод норм и правил поведения человека, общих для всех или большинства религий. «Перечень таких норм, – отмечает автор данной идеи: белорусский ученый В.П. Шиенок, – проанализированный, уточненный и дополненный с позиций светского общества, будет представлять собой важнейший мировоззренческий ориентир ... » [293, с. 167].

Говоря о правовых и нравственных границах личной свободы, необходимо при этом учитывать определенную условность ограничительного характера таковых: применительно к личной свободе человека ограничением следует признавать то препятствие, которое затрудняет возможность ее реализации, действуя против либо помимо воли человека. Поскольку правовые и моральные нормы создаются людьми, они в известной мере отражают их совокупную (общую) волю, и в этом смысле следование заложенным в них ограничениям не может быть рассматриваемо как ущемление личной свободы.

В-четвертых, личная свобода обеспечивает удовлетворение двигательных потребностей человека, осуществление его физиологической функции движения (отсюда такие обозначения данного объекта, как свобода локомоции, физическая свобода), в связи с чем ее следует определять как свободу движения, свободу совершения действий либо воздержания от их совершения. При этом совершение или не совершение тех или иных действий (избираемый вариант поведения) может быть как связано, так и не связано с осуществлением иных субъективных прав человека.

В-пятых, личная свобода является следствием реализации общепризнанного права человека на свободу. Причем данная реализация выражается не только в проявлении человеком определенной активности, но и заключается в непрерывном (постоянном) обладании личной свободой, т.е. в «фактическом состоянии субъекта на протяжении всей его жизни – от рождения до смерти» [9, с. 58]. Сказанное позволяет сделать вывод о врожденном характере личной свободы, что в полной мере подтверждается положениями международных актов в данной области (например, ст. 1 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., абз. 2 п. 1 Венской декларации и программы действий 1993 г. [89, с. 211]).

Отмеченное свойство исследуемого объекта имеет важное практическое приложение: круг лиц, обладающих личной свободой, не может быть поставлен в зависимость от наличия или отсутствия у человека каких-либо особых качеств. С этой точки зрения мы не можем согласиться с позицией некоторых российских авторов, признающих субъектами личной свободы лишь тех лиц, которые имеют реальную возможность реализовать свободу перемещения или обладают полной свободой воли [203, с. 36–37]. Следуя логике подобных заключений, мы будем вынуждены ограничить круг «обладателей» личной свободы посредством исключения из него малолетних лиц, лиц, не способных осуществить перемещение в связи с физическими недостатками, психически беспомощных лиц и т.д., тем самым, отказывая им в защите того блага, которое гарантировано каждому человеку с момента его рождения.

Как представляется, в отношении физически и (или) психически беспомощного человека необходимо исходить из общей презумпции личной свободы и ставить вопрос не в ракурсе наличия или отсутствия у такого лица данной свободы, а с точки зрения способности или неспособности последнего самостоятельно реализовывать те возможности, которые предопределяются исследуемым состоянием (в том числе обеспечивать защиту данного состояния в случае его незаконного нарушения). В случае отсутствия такой способности личная свобода физически или психически беспомощного человека опосредуется поведением третьих лиц, прежде всего тех, которые, по словам А.Е. Амосова, несут ответственность за его благополучие [7, с. 68]. В контексте сказанного видится весьма актуальной концепция охраны не только действительной, но и потенциальной свободы, которая получила признание и распространена в зарубежной (польской, немецкой) науке уголовного права [304, с. 123–124].

Рассмотренные нами характеристики личной свободы дают основание использовать данное понятие для обозначения *независимости человека, позволяющей ему на основе собственных интересов и потребностей и с*

учетом правовых и нравственных ограничений самостоятельно или при помощи других лиц, действующих в его интересах, принимать и реализовывать решения относительно своего поведения. В таком качестве личная свобода характеризует, с одной стороны, возможность человека беспрепятственно осуществлять свою физиологическую функцию движения, а с другой, – состояние независимости от чужой воли, отсутствие незаконного изоляционного, иного принудительного воздействия, препятствующего волеизъявлению человека относительно направленности и формы своего поведения.

Представленная характеристика личной свободы, а также характер воздействия, способного ограничить данное состояние, позволяют различать в содержании личной свободы такие *формы ее проявления*, как физическая свобода (свобода от физического принуждения, в том числе свобода перемещения и оставления места нахождения) и свобода принятия решения относительно совершения или не совершения какого-либо действия (свобода от психического принуждения, препятствующего независимому выбору варианта своего поведения).

1.3 Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны

Доктрина уголовного права (как отечественная, так и зарубежная) характеризуется достаточно широким спектром мнений относительно того, на что направлена охранительная функция уголовного закона и, соответственно, что следует признавать объектом уголовно-правовой охраны. Апеллируя к нормам уголовного кодекса, взглядам наиболее авторитетных ученых-криминалистов либо основываясь на аксиологическом подходе к оценке существующих в обществе явлений, предметов и состояний, авторы в качестве объекта уголовно-правовой охраны называют общественные отношения (В.К. Глистин [57, с. 28], Б.С. Никифоров [171, с. 12, 27]), законные интересы либо субъективные права участников данных отношений (О.А. Мотин [165, с. 13], А.Н. Сайгашкин [227, с. 116–117]), правовые блага (А.Э. Жалинский [Цит. по: 145, с. 108]), наконец, самого человека (Г.П. Новоселов [Цит. по: 109, с. 235]).

Отмеченная поливариантность подходов к определению сущности объекта уголовно-правовой охраны вместе с тем не исключает концептуального единства исследователей, во-первых, в части признания особой значимости (ценности) тех объектов, которые поставлены под охрану уголовного закона (аксиологический аспект сближения), во-вторых, с точки зрения методологии исследования данных объектов:

большинство авторов, используя категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» как равнозначные или взаимосвязанные, исходят из тождественности тех явлений, которые ими обозначаются, в связи с чем понятие и содержание объекта уголовно-правовой охраны (как на уровне обобщения, так и применительно к конкретным объектам) исследуется через призму общего учения об объекте преступления. Проводя различие между указанными объектами исключительно по признаку «наличности» в отношении последнего факта посягательства [116, с. 7, 16], авторы, как правило, экстраполируют на сферу определения объектов, охраняемых уголовным законом, основные теоретико-правовые концепции объекта преступления. Как следствие, личная свобода человека, будучи рассматриваемая в качестве объекта уголовно-правовой охраны, объявляется одними исследователями общественным («социальным») отношением [237, с. 23], другими признается правовым благом [31, с. 61]; существует трактовка личной свободы как «осознаваемого человеком состояния», с одной стороны, и «естественного, возникшего с момента рождения человека, права на защиту государством от посягательств на его физическую неприкосновенность», с другой [228, с. 37].

Понимание личной свободы в качестве общественного отношения является развитием так называемой традиционной концепции объекта преступления, которая, получив серьезное теоретико-правовое обоснование в советской школе уголовного права, позволила нивелировать многие проблемные аспекты общего учения об объекте преступления, в связи с чем продолжает оставаться доминирующей и в современной уголовно-правовой доктрине. Следуя сложившейся практике отождествления понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны», сторонники подобного понимания исследуемой свободы определяют ее в качестве общественных отношений [299, с. 98], которые либо обеспечивают «соблюдение границ допустимого вмешательства в индивидуальную жизнедеятельность» [76, с. 22], либо наполняются особой социально-правовой связью участников соответствующих отношений [7, с. 27] и т.д. Однако преобладающей следует признать практику «дежурного» указания на общественное отношение личной свободы, когда содержание последней раскрывается посредством использования таких конструкций и определений, которые с точки зрения семантики ничего общего с характеристикой общественного отношения не имеют. Подтверждением сказанного может служить позиция М.Р. Снаховой: формулируя общий тезис о том, что «право охраняет личную свободу только как общественное отношение», автор в то же время сущность данной свободы раскрывает не через призму структурных

элементов последнего, а посредством указания на «возможность человека самостоятельно, без препятствий, созданных другими людьми, принимать волевые решения и действовать или бездействовать в соответствии со своей волей» [237, с. 27]. К сожалению, аналогичный подход наблюдается в работах и иных исследователей, являющихся сторонниками указанной трактовки рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны.

Как представляется, отмеченная непоследовательность теории уголовного права является следствием не столько сложности определения личной свободы, сколько проблематичности распространения на сферу ее характеристики традиционной трактовки объекта преступления. Не вызывает сомнения тот факт, что осознание значимости личной свободы и уяснение пределов ее реализации возможно только в условиях включенности человека в систему отношений, складывающихся в обществе; в рамках данных отношений возникает и сама необходимость охраны исследуемого объекта, равно как создаются условия для такой охраны. Однако это вовсе не означает, что личная свобода в своем собственном качестве становится системой соответствующих отношений с присущей им внутренней структурой, определенным составом участников, существующей связью между ними. Напротив, исследуемая свобода, проявления которой реализуются в рамках определенных общественных отношений, является не только предпосылкой возникновения и развития последних, но и входит в их структуру в качестве объекта данных отношений. Иными словами, обладая свойством элемента более широкого явления – общественных отношений, личная свобода не может быть наделена качеством этого явления. В контексте сказанного представляется уместным привести слова известного ученого-криминалиста М.Д. Шаргородского, который утверждал, что «ни жизнь, ни здоровье, как и личность человека вообще, не являются общественными отношениями», однако при этом не перестают быть «охраняемыми уголовным правом объектами» [291, с. 471]. Аналогичное заключение может быть сделано и относительно личной свободы.

Таким образом, верная в своем исходном качестве (качестве объекта преступления) концепция общественного отношения абсолютно неприемлема с точки зрения смыслового наполнения собирательной по своей сути категории «объект уголовно-правовой охраны»: далеко не все объекты, на которые направлена охранительная функция уголовного права и которые определяют содержание задач уголовного закона (ст. 2 УК), могут быть классифицированы как общественное отношение. Подтверждением, в частности, является исследуемый нами объект. Кроме того, будучи применимой к человеку, его правам и свободам как объектам уголовно-правовой охраны, данная концепция вступает в противоречие с

утвердившейся (в том числе на законодательном уровне) идеологией приоритета общечеловеческих ценностей, поскольку фактически означает, что указанные объекты охраняются в силу того, что являются урегулированными правом общественными отношениями. Между тем человек «ценен не только как носитель общественных отношений и производитель материальных благ» [121, с. 59], в связи с чем заслуживает внимания позиция Ю.А. Демидова, полагающего, что человек, его жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство, будучи условием «нормального функционирования общественных отношений», выступают особым объектом уголовно-правовой охраны [73, с. 51]. В контексте сказанного следует согласиться с Г.П. Новоселовым, по мнению которого «признаки объекта уголовно-правовой охраны подразумевают под таковым не сами общественные отношения, а то, по поводу чего они возникают» [173, с. 197].

Вероятно, осознание спорности признания личной свободы в качестве общественного отношения предопределило попытку некоторых авторов распространить на сферу определения данного объекта концепцию правоохраняемого интереса, которая также активно развивается в рамках общего учения об объекте преступления. В частности, по мнению С.М. Кулушева, уголовным законом защищаются и охраняются интересы личной (физической и моральной) свободы [126, с. 16], которые и становятся объектом преступного воздействия в случае совершения такого деяния, как похищение человека; с точки зрения Н.С. Таганцева, личность и принадлежащие ей блага (жизнь, телесная неприкосновенность, честь, свобода передвижения и деятельности в различных сферах и др.) представляют собой правоохраняемый интерес [243, с. 34].

Действительно, и в юридической литературе [165, с. 13], и в уголовном законе Республики Беларусь (ст. 2 УК) интересы называются в качестве одного из объектов, формирующих целевую направленность охранительного воздействия уголовного закона. Будучи «категорией сознания» [109, с. 234], интересы отражают познавательную потребность человека, которая обеспечивает его направленность на «осознание целей деятельности» и способствует «ориентировке личности в окружающей действительности» [140, с. 512]. Иными словами, интерес выступает в качестве побудительной силы к познанию и освоению окружающей действительности, а следовательно, стимулом к поведенческой активности заинтересованного лица, в связи с чем приобретает первичный характер относительно такой активности, которая в общем плане и составляет содержание личной свободы.

Помимо того, что интерес как элемент мотивационной сферы человека предшествует проявлению его личной свободы, определение

интереса в качестве «психологического свойства субъекта поведения», характерное для психологической, равно как и правовой науки, дает основание заключить о некорректности предложенной С.М. Кулушевым конструкции «интересы личной свободы». Как представляется, личная свобода является объектом, в обеспечении сохранности которого заинтересован как непосредственный ее обладатель – человек, так и общество и государство в целом, в связи с чем правомерно утверждать о личных, общественных и государственных интересах в отношении личной свободы, но не интересах личной свободы как объекте уголовно-правовой охраны. Более того, личная свобода является тем состоянием, которое обеспечивает возможность реализации человеком различных интересов, отражающих его потребности в отношении отличных от свободы объектов. Сказанное подтверждает необоснованность признания исследуемого объекта в качестве правоохраняемого интереса.

Как представляется, решение вопроса о юридической природе и сущности личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны должно осуществляться, во-первых, на уровне обобщения, а именно через призму совокупной характеристики объектов, поставленных под охрану уголовного закона; во-вторых, на индивидуально определенном уровне, что предполагает рассмотрение личной свободы в своем собственном качестве – в качестве конкретного явления социальной жизни, которое охраняется нормами УК от предусмотренных им посягательств.

Прежде всего, несколько слов относительно общей характеристики объектов уголовно-правовой охраны, к числу которых относится и личная свобода. Правильное определение термина, который может быть использован для обобщения данных объектов, требует, по верному замечанию О. Зателепина, «установления «контуров» (своего рода границ) искомой реальности» [85, с. 29]. Последнее предполагает обращение к нормам уголовного закона Республики Беларусь, прежде всего, к ст. 2 УК, которая в качестве объектов, формирующих направленность охранительной функции УК, называет мир и безопасность человечества, человека, его права и свободы, собственность, права юридических лиц, природную среду, общественные и государственные интересы, конституционный строй Республики Беларусь, а также установленный правопорядок. Совершенно очевидно, что представленный перечень объектов, поставленных под охрану уголовного закона, отличается значительной разнородностью объединяемых явлений, в связи с чем достаточно сложно предложить единый термин, который будет органичным природе и содержанию каждого из них. С этой точки зрения при решении вопроса относительно обобщенного (совокупного) терминологического обозначения объектов уголовно-правовой охраны

следует использовать категории, которые не имеют высокой степени содержательной конкретизации, однако характеризуются ценностной составляющей, т.е. акцентируют внимание на значимости соответствующих объектов. В этом отношении видится рациональным определение объекта уголовно-правовой охраны при помощи предложенной в теории уголовного права конструкции «социальная ценность», которая, с одной стороны, применима ко всем объектам, предусмотренным в ст. 2 УК, а с другой стороны, используя слова В.В. Мальцева, отражает их первичность «и к праву, и к уголовно-правовой оценке» [145, с. 154]. Подобное обозначение исследуемой категории объектов весьма органично и сущности личной свободы: согласно ч. 1 ст. 2 Конституции [114] человек, его права, свободы (соответственно, личная свобода – *прим. авт.*), а также гарантии их реализации объявлены высшей *ценностью* общества и государства. Иными словами, положения Основного Закона Республики Беларусь подтверждают правомерность признания исследуемого объекта уголовно-правовой охраны в качестве социальной ценности. При этом понятие «социальный» подчеркивает общечеловеческий характер данного объекта, его значимость для каждого члена общества, а соответственно, для всего общества в целом.

Вместе с тем следует сразу же оговориться, что такого рода определение объектов уголовно-правовой охраны имеет значение исключительно на уровне обобщения составляющих его элементов: раскрывая лишь аксиологическую сторону последних, категория «ценность» с точки зрения гносеологии представляет собой определенную абстракцию. Как известно, ценностью является сам человек, а также его права, свободы, о чем было сказано выше; ценными могут быть признаны и общественные отношения, поскольку «право охраняет далеко не любое отношение», а только такое, «которое является «социальной ценностью» [237, с. 21], и т.д. В контексте сказанного характеристика любого объекта уголовно-правовой охраны должна осуществляться не только через призму общего определения данных объектов (на уровне обобщения), но и на индивидуальном уровне, предполагающем содержательную конкретизацию общего определения применительно к тому или иному объекту – в нашем случае к личной свободе человека.

Вопрос о том, что такое личная свобода как социальная ценность, поставленная под охрану уголовного закона (гл. 22 УК), с нашей точки зрения, должен решаться через призму положений ч. 1 ст. 25 Конституции, которая, оговаривая особый порядок ограничения (лишения) данной свободы, между тем в качестве объекта гарантирования называет свободу личности. Последнее предопределяет необходимость уяснения того, как

соотносятся указанные понятия и какой смысл вкладывается законодателем в их содержание.

Анализ ст. 25 Основного Закона Республики Беларусь позволяет сделать вывод о следующих возможных вариантах соотношения названных категорий. Во-первых, законодатель исходит из их тождественности, на что отчасти может указывать логика изложения материала в ч. 1 ст. 25 Конституции: закрепляя особый порядок ограничения (лишения) личной свободы человека, законодатель, тем самым, конкретизирует правовой режим гарантированной данной нормой свободы личности. Несмотря на то, что правила юридической техники, действительно, позволяют сделать данный вывод, несостоятельность такого подхода не вызывает сомнения.

Во-вторых, личная свобода является видовой составляющей свободы личности. Основной недостаток подобной трактовки – отсутствие научно обоснованного критерия для выделения личной свободы в качестве особого, самостоятельного вида юридической свободы: если имеется в виду ее принадлежность конкретному человеку, то в этом смысле все субъективные права и свободы имеют адресную направленность и в этом отношении могут быть признаны личными. В том случае если исходить из общепринятого понимания термина «личный» применительно к правам и свободам человека, то мы будем вынуждены распространить содержание личной свободы на всю систему гражданских свобод человека. Совершенно очевидно, что помимо элемента искусственности исследуемого объекта в данном случае возникает коллизия конституционных положений и норм уголовного закона. Алогичность признания личной свободы самостоятельным видом юридической свободы усматривается и в том, что законодатель, гарантируя в ч. 1 ст. 25 Конституции обеспечение родового объекта – свободы личности, в то же время в норме, определяющей ее правовой режим, оговаривает порядок ограничения лишь одной ее составляющей, а характеристику остальных – структурно обособляет.

Устранению подобных проблемных аспектов в понимании сущности личной свободы человека, с нашей точки зрения, может способствовать придание свободе, гарантированной ч. 1 ст. 25 Конституции, большей юридической определенности, что может быть достигнуто посредством закрепления общепризнанного права человека на свободу: по справедливому утверждению Н.И. Матузова, «когда законодатель хочет предоставить свободу, он предоставляет право» [158, с. 250]. Несмотря на наличие критических замечаний относительно некорректности использования конструкции «право на свободу» [76, с. 27], такой прием представляется оправданным не только с содержательной, но и технико-

юридической стороны, позволяя приблизить положения действующего законодательства в данной области к международным стандартам.

Закрепление в ч.1 ст.25 Конституции в качестве объекта гарантирования права на свободу позволит, с нашей точки зрения, изменить подход и к пониманию сущности личной свободы, а именно заложит основу ее восприятия как характеристики фактического состояния человека, являющегося следствием реализации указанного права. Как справедливо отмечает белорусский ученый Г.А. Василевич, «свободная деятельность человека» (которая в общем плане и характеризует содержание личной свободы – *прим. авт.*) – «это его состояние» [38, с. 282; 39, с. 103]. Обоснованность определения личной свободы не как субъективного права, особой разновидности юридической свободы или тем более общественного отношения, а исключительно как фактического состояния человека в обществе предопределяется и положениями отраслевого законодательства. В частности, если гл.19 УК в качестве объекта правовой охраны называет жизнь и здоровье человека, а гл.22 УК – личную свободу, честь и достоинство, то в названии гл.23 УК содержится прямое указание на то, что в ней структурированы преступления, направленные против конституционных прав и свобод человека и гражданина, причем без оговорки «иные» или «остальные».

Таким образом, личная свобода как объект уголовно-правовой охраны представляет собой естественное по своей сути фактическое состояние человека в обществе, гарантированное Конституцией, которое в силу особой значимости защищается уголовным законом в качестве самостоятельной социальной ценности.

Поскольку личная свобода является основой осуществления большинства принадлежащих человеку прав и свобод, то ее ограничение (лишение) неизменно ставит лицо «в чрезвычайно уязвимое положение» [141, с. 4; 231, с. 9]. Не случайно Пленум Верховного Суда Республики Беларусь обращает внимание нижестоящих судов на то, что наказание в виде лишения свободы, влекущее не только изоляцию осужденного, но и существенное ограничение его прав и свобод, должно назначаться только в предусмотренных законом случаях и только за преступления, представляющие значительную общественную опасность [188, п. 1]. Тем самым, высшая судебная инстанция фактически закрепляет юридическую приверженность идеям М.С. Балабанова, высказанным им еще в начале прошлого века: «личная свобода – благо настолько ценное, что ограничение ее с трудом терпимо только при исключительно важных обстоятельствах» [26, с. 10]. Сказанное позволяет согласиться с мнением тех авторов, которые отводят праву на свободу (его реализация и обеспечивает состояние личной свободы) одно из ведущих

мест в системе конституционных прав и свобод человека [164, с. 75], оценивая его в качестве наиболее общего, универсального субъективного права [3, с. 13], сопоставимого с правом на жизнь и правом на здоровье [79, с. 14; 90, с. 59].

Представленная доктринальная оценка права на свободу (соответственно, личной свободы) имеет юридическое оформление, получив закрепление не только в национальном законодательстве государств, но и в наиболее значимых международных документах. Так, согласно ст. 3 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность [89, с. 197]; в ст. 4 названного документа особо оговаривается запрет рабства, подневольного состояния и работорговли, которые общепризнанно относятся к числу наиболее тяжких посягательств на личную свободу [209, с. 150; 237, с. 29]. Аналогично выстроена иерархия прав человека и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: ст. 2 международного договора закрепляет право на жизнь, ст. 4 предусматривает запрет рабства и принудительного труда, а ст. 5 гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность [89, с. 253–254].

В Основном Законе Республики Беларусь свобода, наряду с неприкосновенностью и достоинством личности, признана второй после права на жизнь ценностью, поставленной под охрану государства (ст. 25) [114]. Такой же подход к оценке значимости свободы получил закрепление в Конституции Японии (ст. 13) [113]; в соответствии со ст. 5.2 Основного закона Греции «все лица, находящиеся на греческой территории, пользуются полной защитой своей жизни, чести и свободы» [113]. Во многом сходная оценка отражена и в Конституции Российской Федерации (ст. 22) [115].

В контексте сказанного видится нелогичным предусмотренное действующим УК иерархическое расположение объектов уголовно-правовой охраны в рамках раздела VII «Преступления против человека». Особое значение личной свободы, а также необходимость единообразного отражения ее конституционной оценки в отраслевом законодательстве требуют изменения места нахождения главы, систематизирующей преступления против исследуемого объекта, путем ее размещения непосредственно после гл. 19 УК «Преступления против жизни и здоровья». Как представляется, предложенное структурирование объектов уголовно-правовой охраны будет в большей степени соответствовать и внутренним связям основных прав и свобод человека: по верному утверждению О.Г. Селиховой, «право на жизнь и право на свободу обладают неразрывной взаимосвязью», которая выступает в качестве «основы всей системы конституционных прав и свобод человека» [230, с. 63].

Следует отметить, что подобная иерархия объектов уголовно-правовой охраны известна уголовному законодательству многих зарубежных государств (например, УК Армении [268], УК России [111], УК Азербайджана [258], УК Литвы [267], УК Австрии [257] и др.).

Таким образом, учитывая изложенную в предыдущем разделе характеристику личной свободы, исследуемый объект уголовно-правовой охраны может быть определен в качестве *социальной ценности*, поставленной под охрану уголовного закона и представляющей собой *состояние независимости человека, позволяющее ему на основе собственных интересов и потребностей и с учетом правовых и нравственных ограничений самостоятельно или при помощи других лиц, действующих в его интересах, принимать и реализовывать решения относительно своего поведения.*

1.4 Понятие преступлений против личной свободы

Как справедливо отмечает А.П. Козлов, «идеальное определение любого явления должно исходить из совокупности признаков, которые приносят ... ясность в понимание его сущности» [109, с. 153]. В отношении преступления перечень и содержание таких признаков зависит, главным образом, от того, с какой точки зрения – социальной или юридической, рассматривается данное явление. Будучи формой проявления человеческой активности, любое преступное поведение характеризуется, с одной стороны, совокупностью телодвижений (воздержанием от движений), с другой стороны, осознанностью, целеустремленностью и волевой направляемостью последних. Несколько иначе строится перечень признаков преступления в качестве явления правовой действительности: традиционно в учебной литературе по уголовному праву к числу таких признаков относят общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость [253, с. 60], хотя в специальных исследованиях можно встретить и иные подходы к комбинации названных признаков (например, Н.Д. Дурманов [78, с. 202], А.П. Козлов [109, с. 753], Ю.Е. Пудовочкин [216, с. 24]). Не вдаваясь в сущность теоретико-правовых разногласий по данному вопросу, следует все же выделить позицию тех авторов, которые в качестве особой характеристики преступления называют деяние [128, с. 120; 162, с. 7], подтверждая, тем самым, недопустимость уголовного преследования за мысли человека, которые не объективировались в запрещенной форме поведения. Применительно к исследуемой системе преступлений деяние,

как правило, реализуется в активной форме поведения (за редким исключением, например, ст. 184 УК) и характеризуется теми признаками, которые предусмотрены уголовным законом Республики Беларусь.

Общественная опасность как признак преступлений против личной свободы заключается в том, что данные деяния нарушают одно из основополагающих прав человека – право на свободу, тем самым, ограничивая либо лишая последнего личной свободы: оказавшись в состоянии несвободы, потерпевший утрачивает возможность направлять и контролировать свое поведение, подчиняясь волеизъявлению виновного лица. В случае же совершения отдельных преступлений против личной свободы (например, похищение человека) потерпевший, по словам М.Р. Снаховой, «оказывается в опасном для жизни и здоровья состоянии, когда преступник приобретает не ограниченную правом фактическую власть в его отношении» [237, с. 4].

Будучи объективным свойством деяния, общественная опасность, по справедливому заключению В.В. Мальцева, выступает социальным признаком преступления [144, с. 58], качественно-количественные показатели (характер и степень) которого «разлиты» по всем элементам последнего [123, с. 70]; при этом особое влияние на характер и степень общественной опасности оказывают содержание объекта и преступных последствий, а также форма вины и содержание мотивов и целей преступления [124, с. 436–437].

Содержание указанных признаков позволяет сделать вывод о том, что преступления против личной свободы имеют относительно однородный характер и достаточно высокую степень общественной опасности. Особенно отчетливо это проявляется на уровне видовых групп данных преступлений, о которых будет сказано ниже. Однородность характера общественной опасности исследуемых преступлений обусловлена, главным образом, единством объекта, которому причиняется либо создается угроза причинения вреда в случае их совершения. Специфика же последнего предопределяет однородность характера вредных последствий, которые, исходя из особенностей видовых групп рассматриваемых преступлений, могут быть классифицированы как физический и (или) психический вред, что, в свою очередь, также указывает на качественную однородность исследуемого признака преступлений против личной свободы. Помимо специфики объекта однородность характера общественной опасности последних предопределяется, как правило, насильственным характером деяния, умышленной формой вины и общими признаками субъекта данных преступлений (за исключением деяния, предусмотренного ст. 184 УК).

Высокая степень общественной опасности преступлений против личной свободы объясняется, прежде всего, особой значимостью основного объекта уголовно-правовой охраны: как справедливо подчеркивает Н.Р. Фасхудинова, в случае совершения таких посягательств, как похищение человека, незаконное лишение свободы и т.д., человек лишается возможности реализовать право, которое даровано ему самой природой и которое является «определяющим фактором» для его физического существования и нормального развития [280, с. 37]. Помимо признаков основного объекта высокая степень общественной опасности исследуемых преступлений предопределяется и сопряженностью большинства из них с причинением вреда дополнительному объекту уголовно-правовой охраны: таковы, в частности, здоровье потерпевшего, его личная неприкосновенность, отношения собственности и т.д. На степень опасности преступлений против личной свободы оказывают влияние и такие характеристики последних, как неразрывная связь деяния с наступлением общественно опасных последствий в форме ограничения или утраты потерпевшим личной свободы, реализация субъектом своего отношения к совершаемому деянию исключительно в виде прямого умысла.

Следует отметить, что характер и степень общественной опасности преступления, будучи учтенными законодателем при формулировании санкции соответствующей уголовно-правовой нормы, оказывают непосредственное влияние на определение категории преступления. С точки зрения законодательной оценки деяний, предусмотренных действующим УК в качестве преступлений против личной свободы, большинство из них являются менее тяжкими посягательствами (ч.ч. 1 ст.ст. 181-1, 183, 184 и 187 УК); несколько деяний рассматриваемой системы признаны законодателем тяжкими преступлениями (ч.ч. 1 ст.ст. 181 и 182 УК); деяния, влекущие ответственность по ст.ст. 185 и 186 УК, подлежат отнесению к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Реализованный в УК подход к категоризации исследуемых преступлений в целом соответствует степени их общественной опасности, хотя признание некоторых из них менее тяжкими деяниями все же представляется не совсем бесспорным и требует специального изучения. Прежде всего, это касается преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК. С нашей точки зрения, именно данное деяние сопряжено с проявлением наиболее архаичной формы потребительского отношения к человеку, для которой *ipso facto* присуще уравнивание статуса последнего с правовым режимом объектов вещных и обязательственных прав. Лицо, оказавшееся в состоянии рабства, не только не имеет возможности распоряжаться результатами своего труда, но и

само становится объектом распоряжения, в связи с чем следует согласиться с А.Е. Амосовым относительно того, что в случае использования рабского труда «рушится весь комплекс социальных связей, окружающих человека, он сам, условно говоря, перестает быть субъектом права, становясь его объектом» [7, с. 30]. Не случайно Комиссия ООН по правам человека, формулируя перечень наиболее распространенных посягательств на гражданские права, ставит рабство в один ряд с такими преступлениями, как насильственное похищение людей, терроризм, геноцид, расизм и др. [225, с. 96]. Примечательно, что еще в начале XX в. выдающийся ученый С.В. Познышев, говоря о поставлении лица в положение невольника, подчеркивал, что отношение закона к этому деянию «должно быть строже, чем к другим посягательствам на свободу» [209, с. 150].

Как указывает В.В. Марчук, «важным условием для констатации использования рабского труда является зависимое состояние потерпевшего от виновного лица» [148, с. 67], следствием которого автор обоснованно признает утрату потерпевшим возможности осуществлять свободу передвижения, реализовывать право на отдых, на вознаграждение за труд и т.д. Отмеченная характеристика данного преступления, а также криминализация в ст. 181-1 УК всех форм эксплуатации человека (ими могут быть незаконное использование лица для проведения медико-биологических экспериментов, использование физиологических свойств организма человека и др.) дают основание сделать вывод о том, что совершение рассматриваемого преступления может быть сопряжено с нарушением права человека на жизнь и охрану здоровья, а также личную неприкосновенность. Кроме того, независимо от формы эксплуатации и используемого виновным лицом способа поставления потерпевшего в состояние зависимости совершение рассматриваемого преступления всегда будет связано с нарушением права на уважение человеческого достоинства.

Не меньший диссонанс вызывает оценка преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 ст.ст. 182 и 183 УК: при фактически равной степени общественной опасности данные преступные посягательства влекут различные уголовно-правовые последствия и, соответственно, относятся к разным по степени тяжести категориям преступлений. Между тем существенное сходство признаков деяния, присущих названным преступлениям, позволяет одним ученым объединять их в единую группу преступлений, классифицируемых как незаконное (криминальное) лишение свободы (вместе с незаконным помещением в психиатрический стационар) [7, с. 8–9; 212, с. 10], а другим – усомниться в обоснованности самостоятельной криминализации похищения человека и заключить о

целесообразности установления противоправности данного деяния в рамках нормы о незаконном лишении свободы [203, с. 143–145; 237, с. 13]. Несмотря на то, что в доктрине уголовного права неоднократно обращалось внимание на необоснованное принижение степени общественной опасности незаконного лишения свободы [137, с. 40; 175, с. 192], данное обстоятельство до сих пор не отразилось на позиции законодателя в части его пенализации.

Отмеченный недостаток уголовного закона еще более актуален относительно преступления, предусмотренного ст. 184 УК. Помимо того, что последнее характеризуется признаками деяния, свойственными как незаконному лишению свободы, так и (в некоторых случаях) похищению человека, на что верно обращает внимание Е.А. Марахтанова [146, с. 73], его совершение сопряжено с непосредственной угрозой для здоровья потерпевшего: по утверждению специалистов, лица, поступающие в психиатрический стационар, «буквально с первых же дней (а то и часов)» подвергаются «лечению теми или иными медикаментозными средствами», большинство из которых «относится к группе так называемых мощных нейролептиков» [104, с. 68]. Применение ряда подобных препаратов без достаточных оснований может быть, «по мнению самих же психиатров, приравнено к пыткам» [250, с. 53]. Учитывая то обстоятельство, что данное преступление по определению совершается в отношении лица, не нуждающегося в таком лечении, закономерно следует вывод о неизбежности причинения вреда здоровью потерпевшего, что, в свою очередь, указывает на высокую степень общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 184 УК.

Помимо общественной опасности обязательным признаком преступлений против личной свободы является противоправность данных деяний, выражением которой признается предусмотренная ч. 1 ст. 11 УК формула их запрещенности уголовным законом под угрозой наказания. Отражая требования принципа законности, признак противоправности имеет нормативно-оценочный и с этой точки зрения исключительный характер. Не случайно в юридической литературе высказаны вполне обоснованные упреки по поводу использования категории «формальный» для обозначения данного признака преступления [297, с. 77–78]. В связи с тем, что уяснение сущности отдельных преступлений (среди исследуемых деяний к таковым могут быть, в частности, отнесены использование рабского труда, незаконное помещение в психиатрический стационар) предполагает обращение к нормам иных отраслей права (отраслей законодательства), некоторые ученые вводят в научный оборот понятие «смешанной противоправности» [122, с. 120]. Поскольку УК является

единственным источником уголовно-правовых запретов, противоправность как признак преступления может быть только уголовной.

В силу того, что уголовный кодекс не ограничивается запретом определенных деяний, но и предусматривает конкретные виды наказания за их совершение, вполне объяснима позиция тех авторов, которые склонны рассматривать наказуемость в качестве одного из самостоятельных признаков преступления [166, с. 122; 286, с. 5]. Исходя из того, что уголовный закон закрепляет принцип неотвратимости уголовной ответственности (ст. 3 УК), а применение наказания согласно ст. 46 УК является лишь одной из возможных форм ее реализации, видится обоснованным несколько расширить содержание данной характеристики исследуемых преступлений посредством указания на запрещенность последних под угрозой уголовной ответственности.

Несмотря на неоднозначное отношение теории уголовного права к следующему признаку преступления – виновности деяния [78, с. 202; 286, с. 19], его законодательное закрепление имеет существенное практическое значение: являясь отражением принципа виновной ответственности, названный признак позволяет исключить объективное вменение при уголовно-правовой оценке содеянного в качестве преступления. С этой точки зрения следует согласиться с С.Г. Келиной и В.Н. Кудрявцевым, которые полагают, что ответственность человека должна основываться «не только на том, что он причинил своими действиями общественно опасный результат, но и на том, что эти действия прошли предварительно через его сознание и волю, сопоставлены им с различными аспектами окружающей действительности и явились выражением его субъективных намерений, желаний и интересов» [97, с. 113].

При этом в случае совершения исследуемых преступлений такого рода субъективные намерения и желания должны быть реализованы исключительно в виде прямого умысла, основой или, используя слова Ю.Е. Пудовочкина, «предпосылкой» которого является способность лица к осознанному выбору своего поведения [216, с. 28], что, в свою очередь, предполагает вменяемость последнего и достижение им установленного УК возраста (по общему правилу – 16 лет; в случае похищения человека – 14 лет).

Для того чтобы то или иное деяние было признано посягательством на личную свободу, оно должно быть совершено вопреки либо минуя свободное волеизъявление потерпевшего, что фактически означает отсутствие согласия лица на ограничение (лишение) его личной свободы. Последнее, в свою очередь, предполагает применение виновным лицом того или иного способа совершения преступления, коим может быть обман, злоупотребление доверием, использование уязвимого положения

потерпевшего, угроза насилием или совершением иного действия, равно как фактическое применение насилия или иного принуждения (исключение составляют случаи посягательства на личную свободу несовершеннолетних лиц, лиц с так называемым «пороком» воли, ограничение или лишение свободы которых не всегда требует применения каких-либо способов воздействия, особенно на начальной стадии совершения преступления). Отмеченное обстоятельство позволяет указать и на такой признак исследуемых преступлений, как совершение характеризующих их деяний против или помимо воли потерпевшего лица.

Таким образом, **преступления против личной свободы** могут быть определены как *общественно опасные деяния (действие или бездействие), направленные против личной свободы человека, совершаемые исключительно с прямым умыслом, характеризующиеся применением способов, ограничивающих или подавляющих свободу волеизъявления потерпевшего, и запрещенные УК под угрозой уголовной ответственности.*

Проведенное нами ретроспективное исследование данной категории преступлений позволило сделать вывод о значительной неоднородности уголовного законодательства в части определения перечня и конструктивных признаков деяний, признаваемых на разных этапах развития общества и государства преступлениями против личной свободы. Так, если в период рабовладельческого, равно как и феодального общества, ограничение (лишение) личной свободы отдельных категорий лиц являлось естественным по своей сути, в связи с чем не рассматривалось законодателем в качестве преступного (подтверждение усматривается, в частности, в нормах ст. 118 Русской Правды [224], ст. 10 раздела XI Статута ВКЛ 1529 г. [239], ст.ст. 19, 22 раздела XII Статута ВКЛ 1588 г. [241] и др.), то, как справедливо отмечает В.В. Панкратов, «с началом развития так называемой капиталистической формации, с приходом буржуазных революций все большее внимание уделяется естественным правам граждан, и в этом русле отдельные преступления против личной свободы постепенно становятся анахронизмом» [203, с. 3]. В целом же одной из наиболее заметных тенденций развития исследуемой группы преступлений следует признать не столько прогрессивный, сколько эволюционный характер становления соответствующего законодательного сегмента, что подчеркивает особую степень зависимости рассматриваемой сферы уголовно-правовой охраны от общих принципов организации общественной и государственной жизни. Правда, необходимо признать, что в тех случаях, когда отсутствовала поступательность в развитии соответствующего законодательного материала, данный недостаток отчасти восполнялся достижениями уголовно-правовой мысли: в

дореволюционный период это исследования И.Я. Фойницкого, Н.А. Неклюдова, В.В. Есипова и т.д., в советское время – работы А.А. Пионтковского, Н.В. Бойко, Ш.С. Рашковской и др.

Исходя из содержания наиболее значимых источников отечественного уголовного права, представляется возможным выделить следующие основные этапы криминализации преступлений против личной свободы:

1) дифференцирование правовой охраны личной свободы в зависимости от сословной принадлежности человека и, как правило, защита данного объекта в контексте обеспечения преимущественно экономических интересов третьих лиц (XI в. – середина XIX в.). В частности, ст. 29 Краткой редакции Русской Правды, предусматривая наказание за похищение, увод холопа либо рабы (крепостные мужчина и женщина, соответственно), между тем являлась средством защиты имущественных прав феодалов, что непосредственно вытекает из ее содержания и места в системе норм указанного источника права. Аналогичный вывод может быть сделан и относительно ст. 38 Пространной редакции Русской Правды, фактически приравняющей похищение холопа к хищению собственности феодала [224].

Со Статутов ВКЛ наблюдается некоторое совершенствование правовой охраны личной свободы человека: закрепляется норма об ответственности феодалов за посягательство на личную свободу шляхтича (ст. 28 раздела XI Статута ВКЛ 1588 г. [241]); регламентируется ответственность за похищение женщины с целью вступления в брак (ст. 9 раздела XI Статута ВКЛ 1566 г. [240]); обнаруживается стремление законодателя предупредить посягательства на личную свободу отдельных категорий лиц посредством ограничения случаев утраты личной свободы (ст. 12 раздела XI Статута ВКЛ 1529 г. [239], ст. 13 раздела XII Статута ВКЛ 1566 г. [240], ст. 21 раздела XII Статута ВКЛ 1588 г. [241]). Однако, будучи источниками феодального права, Статуты ВКЛ, равно как и предыдущие правовые акты, не были лишены ограниченности нормативных предписаний, обусловленных сословным разделением общества. В области уголовно-правовой охраны личной свободы указанное положение проявилось, главным образом, в том, что свобода отдельных категорий населения продолжала оставаться предметом гражданско-правовых сделок (прежде всего, купли-продажи).

Не менее заметной характеристикой источников права данного периода следует признать и отсутствие в них системного подхода относительно закрепления посягательств на личную свободу: нормы о преступлениях против данного объекта были рассредоточены по различным разделам и главам. Более того, нормативное определение отдельных посягательств рассматриваемой группы носило четко

выраженный казуальный характер (например, ст. 5 раздела XI Статута ВКЛ 1566 г. [240], ст. 9 Статута ВКЛ 1588 г. [241]).

2) становление института уголовно-правовой охраны личной свободы человека и формирование элементов системного подхода к построению перечня соответствующих преступлений (середина XIX в. – начало XX в.).

Отправной точкой данного периода следует признать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [252], которое, хотя и не было лишено недостатков в части систематизации исследуемых преступлений, тем не менее закрепило ответственность за наиболее типичные посягательства на личную свободу. Нормативное определение последних позволило ученым того времени объединить данные преступления в такие группы, как задержание и заключение (ст.ст. 1540–1544), продажа в рабство и торг африканскими неграми (ст.ст. 1410, 1411), а также похищение женщин и детей (ст.ст. 1407–1409, 1529, 1530, 1549, 1580–1582). Следует отметить, что деяния последних двух групп были криминализованы за рамками гл. IX раздела X Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., объединяющего преступления против «жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц».

Несмотря на слабость нормативного материала в части систематизации преступных посягательств на личную свободу, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело существенное практическое значение, поскольку стало основой для дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства в исследуемой области. Кроме того, именно в период его действия появляются первые научные обоснования необходимости приведения норм об ответственности за преступления против личной свободы в единую систему на основе общности их объекта.

Первым же источником права, в котором преступления против личной свободы были представлены в качестве структурно обособленного в рамках отдельной главы системного образования, стало Уголовное Уложение 1903 г., гл. 26 которого объединила нормы об ответственности за следующие деяния: 1) задержание или заключение (ст.ст. 498–500); 2) продажа или передача в рабство или неволю, торг неграми или приспособление либо вооружение для этого судна (ст. 501); 3) похищение ребенка (ст.ст. 502–504); 4) похищение женщины (ст.ст. 505–506); 5) принуждение (ст.ст. 507–509); 6) угрозу (ст. 510); 7) насильственное вторжение в чужое здание, помещение или иное огороженное место (ст.ст. 511–512) [252]. Признавая особое практическое значение данного источника права, тем не менее следует согласиться с мнением ряда авторов, которые полагают, что критерием объединения в нем посягательств на личную свободу являлась в большей мере схожесть их

внешних признаков (признаков объективной стороны), в связи с чем исследуемая группа преступлений включала и те деяния, которые имели «весьма отдаленное отношение» к личной свободе человека [87, с. 177];

3) юридическое оформление ограничительного подхода в сфере уголовно-правовой охраны личной свободы (20-е гг. XX в. – конец XX в.).

Как показывает содержание основных источников уголовного права данного периода (УК БССР 1924 г., 1928 г., 1960 г.), законодатель не только не учел предшествующий опыт в исследуемой области, но и максимально сузил перечень посягательств на личную свободу посредством криминализации деяний, направленных исключительно против внешней формы проявления названного объекта уголовно-правовой охраны – свободы перемещения, способствуя, тем самым, воплощению в уголовном законе концепции физической свободы в ее упрощенном понимании. В частности, если УК БССР 1924 г. предусматривал ответственность за четыре преступления против личной свободы, а именно: насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, совершенное путем задержания или помещения его в каком-либо месте (ст. 159), лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы, или сопровождавшееся для него мучениями (ст. 160), помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных видов (ст. 161), похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов (ст. 162) [252], то в УК 1960 г. (до конца 80-х гг.) круг таких преступлений был сокращен до двух: похищения или подмены ребенка (ст. 123) и незаконного лишения свободы (ст. 124) [252]. Только на рубеже 80–90-х гг. перечень деяний против личной свободы был расширен в связи с криминализацией таких посягательств, как захват заложников (ст. 124-1) и незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 124-2).

Характерной чертой советских источников уголовного права следует признать и отказ от наметившейся в дореволюционный период практики объединения преступлений против личной свободы в рамках отдельной рубрики закона (в УК БССР 1924 г. исследуемые преступления были помещены в раздел «Телесные повреждения и насилия над личностью» [252], в УК БССР 1928 г. – в гл. VI «Преступления против личности» [252], в УК БССР 1960 г. – в гл. 8 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» [252]);

4) современный период уголовно-правовой охраны личной свободы, связанный с принятием нового уголовного закона Беларуси – УК 1999 г. [269], который отражает принцип верховенства прав и свобод человека, рекомендации доктрины уголовного права и международные стандарты в области охраны личной свободы (с начала XXI в.).

Уголовный закон Республики Беларусь 1999 г. отличается, прежде всего, значительное расширение круга посягательств на личную свободу человека, что, в частности, свидетельствует об изменении представления о сущности данного объекта уголовно-правовой охраны, а также некоторое структурное обособление норм об ответственности за их совершение в рамках гл. 22 УК «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Помимо уже ставших традиционными похищения человека (ст. 182 УК), незаконного лишения свободы (ст. 183 УК) и незаконного помещения в психиатрическую больницу (ст. 184 УК) к преступлениям против личной свободы были отнесены торговля людьми (ст. 181 УК) и вербовка людей для эксплуатации (ст. 187 УК). В новом УК появилась и общая норма об ответственности за принуждение (ст. 185 УК). В отличие от уголовных кодексов ряда государств постсоветского пространства (ст. 147 УК Украины [167], ст. 124-1 УК Эстонии [278], ст. 154 УК Латвии [266], ст. 144 УК Грузии [261]) в белорусском УК норма об ответственности за захват заложника была перенесена в гл. 27 УК «Преступления против общественной безопасности». Напротив, преступлением против личной свободы была признана угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК).

Последующее развитие уголовного закона в части охраны личной свободы было продиктовано необходимостью устранить недостатки нормативного описания признаков такого преступления, как торговля людьми, а также актуальностью проблемы противодействия различным проявлениям эксплуатации человека. На основании Закона Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» [179] была не только существенно реформирована ст. 181 УК («Торговля людьми»), но и криминализовано такое преступное деяние, как незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК), в известной мере сопутствующее торговле людьми.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» [177] преступления против личной свободы были дополнены таким деянием, как использование рабского труда, ответственность за которое предусмотрена в ст. 181-1 УК.

Очередной этап реформирования отдельных норм об ответственности за рассматриваемые преступления связан с принятием и введением в действие Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178]. Наиболее существенные изменения, обусловленные принятием данного акта, в очередной раз коснулись ст. 181 УК: следуя международно-правовому пониманию торговли людьми, законодатель исключил из нормативного определения данного преступления такую форму его проявления, как «купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его», и дополнил криминообразующие признаки указанного деяния наиболее распространенными способами его совершения. Пересмотру подвергся перечень средств дифференциации ответственности за торговлю людьми, равно как претерпела существенные изменения дефиниция эксплуатации человека, изложенная в примечании к ст. 181 УК.

Таким образом, учитывая историческую составляющую исследуемых преступлений, все посяательства на личную свободу, криминализованные в УК, могут быть подразделены на две группы: 1) преступные деяния, известные предшествующим периодам развития уголовного законодательства и вошедшие в модифицированном виде в современный УК (в частности, незаконное лишение свободы, похищение человека, незаконное помещение в психиатрический стационар, торговля людьми); 2) преступления, появившиеся в УК в результате современного национального правотворчества, в том числе на основе принятых международных обязательств (например, незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, использование рабского труда).

Как показывает проведенное ретроспективное исследование, большинство преступлений, признаваемых УК посяательствами на личную свободу, могут быть отнесены к первой классификационной группе. Отмеченное обстоятельство, с одной стороны, подчеркивает преемственность уголовного закона в сфере криминализации исследуемых деяний, учет предшествующего законодательного опыта в данной области, а с другой, – определенно указывает на постоянство основных форм посятельств на личную свободу, их «приспосабливаемость» к изменяющимся условиям жизни, механизму правового регулирования, тем самым, дополнительно подтверждая высокую степень общественной опасности данных преступлений.

Однотипность посягательств на личную свободу проявляется и на уровне обобщения законодательного опыта различных государств, изучение которого позволяет признать значительную степень унификации их уголовного законодательства в сфере охраны рассматриваемого объекта. При этом результаты сравнительно-правового исследования дают возможность констатировать сближение законодательных подходов зарубежных государств не только в части построения перечня преступлений против личной свободы, но и относительно способов описания их обязательных признаков, а также структурного размещения исследуемых деяний в системе уголовного закона.

Вместе с тем тенденция унификации законодательных подходов различных государств в области криминализации и систематизации преступлений против личной свободы не исключает присущую каждому государству специфику правового регулирования в данной сфере. Подтверждением сказанного могут служить следующие положения:

1) уголовные законы различных государств по-прежнему отличает существенное разнообразие подходов в вопросах определения круга посягательств на личную свободу человека. Существующие различия в данной области проявляются и в специфике законодательного обозначения однородных по своей сути преступлений (например, деяние, состоящее в ограничении свободы волеизъявления, в ст. 179 УК Республики Сан-Марино [272] определяется как «Насилие по отношению к частному лицу», в § 240 УК ФРГ – как «Принуждение» [275], ст. 148 УК Литвы таким деянием признает «Ограничение свободы действий человека» [267], а ст. 150 УК Грузии – «Понуждение» [261]);

2) для уголовных законов ряда зарубежных государств характерно отнесение к системе преступлений против личной свободы деяний, совершаемых специальным субъектом (сотрудником правоохранительных органов (организаций) с использованием своего служебного положения) и выражающихся в противоправном задержании или заключении лица под стражу (например, ст. 147 УК Грузии [261], § 226 УК Норвегии [251]);

3) уголовные законы некоторых зарубежных государств дифференцируют ответственность за противоправное лишение свободы, исходя из формы вины: наряду с общей нормой об ответственности за данное преступление предусматривается норма, криминализирующая незаконное лишение свободы по неосторожности (§ 262 УК Дании [262], ст. 283 УК Голландии [260]).

Существуют и иные особые приемы законодательного закрепления признаков преступлений против личной свободы, которые между тем не опровергают общего вывода о наличии относительно целостной и во многом унифицированной системы уголовно-правовой охраны личной

свободы, получившей отражение в уголовном законодательстве зарубежных государств, изучение которой может подсказать некоторые направления совершенствования и отечественного УК. Как верно отмечает Марк Ансель, сравнение «способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [8, с. 38].

1.5 Система преступлений против личной свободы и пути ее совершенствования

Исчерпывающий перечень деяний, формирующих систему преступлений против личной свободы, закреплен в гл. 22 УК (ст.ст. 181–187 УК). При этом, говоря об исчерпывающем характере данного перечня, мы исходим из того, что его содержание в соответствии с принципом законности составляют лишь те посягательства на личную свободу, которые предусмотрены уголовным законом. Оставаясь в границах существующих уголовно-правовых запретов в данной области, мы можем лишь рассуждать о полноте и научной обоснованности таковых. В свете сказанного преступлениями против личной свободы на данный момент являются: торговля людьми (ст. 181 УК), использование рабского труда (ст. 181-1 УК), похищение человека (ст. 182 УК), незаконное лишение свободы (ст. 183 УК), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК), принуждение (ст. 185 УК), угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК) и незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК).

В целях формирования комплексного представления относительно данного перечня деяний и их отграничения от иных преступных посягательств, влекущих ограничение или лишение личной свободы, видится обоснованным рассмотрение преступлений против указанного объекта уголовно-правовой охраны в качестве системного образования, основу которого должны составлять следующие интегративные (общесистемные) свойства:

1) свойство единства исследуемой системы преступлений: преступления против личной свободы – это не случайно определенный законодателем перечень деяний, а, напротив, целостное образование, обладающее внутренним единством, в основе которого единство объекта уголовно-правовой охраны – личной свободы человека. Направленность указанных преступлений на причинение вреда именно данному объекту

является главным связующим признаком, объединяющим их в рамках исследуемой системы.

Единство последней достигается и совокупным функционированием составляющих ее элементов – уголовно-правовых запретов в области охраны личной свободы. Запрещая различные формы посягательств на данный объект, уголовный закон тем самым обеспечивает всестороннюю охрану как собственно личной свободы, так и тех общественных отношений, которые возникают по поводу ее реализации. Иными словами, системное действие норм об ответственности за преступления против личной свободы позволяет не только бороться с отдельными проявлениями противоправного ограничения (лишения) свободы, но и достигать основной цели регулятивного воздействия уголовного закона – упорядочения соответствующей сферы уголовно-правовой охраны. И в этом еще одно проявление единства исследуемой системы – единство функционального назначения составляющих ее элементов.

2) свойство организационной формы (целостности) исследуемой системы преступлений, нормативным отражением которого может быть признана относительная структурная обособленность таковых в рамках гл. 22 УК. Отмеченное свойство рассматриваемых преступлений предопределено единством объекта причинения вреда, за которым теория уголовного права признает качество родового объекта соответствующей группы преступных посягательств. Основываясь на учете материального признака преступлений, систематизация последних на основе общности родового объекта позволяет определить «характер и значение объединяемых ... отношений для интересов общества и государства» [253, с. 92], установить, «какой именно группе, сфере однородных интересов причинен или может быть причинен ущерб в результате совершения преступного деяния» [128, с. 214], и на этой основе определить полноту и эффективность уголовно-правовой охраны.

3) свойство иерархичности исследуемой системы преступлений. Как отмечается в специальных источниках, любая «система может рассматриваться как элемент другой, более высокого порядка. Исходная же система, в свою очередь, включает элементы систем более низкого порядка» [61, с. 38]. В свете данного суждения система преступлений против личной свободы может быть представлена на двух уровнях: уровне соотношения с системой деяний, криминализированных УК (внешний аспект), и уровне внутрисистемной организованности рассматриваемых преступлений (внутренний аспект).

Что касается внешнего аспекта свойства иерархичности, то применительно к уголовному праву оно предопределено принятой в уголовном законе систематизацией всех преступных посягательств на

основе классификации объектов преступления по вертикали. При таком подходе система преступлений против личной свободы, являясь частью системы преступлений в целом (систематизация на уровне общего объекта) и преступлений против человека (единый групповой объект), в то же время представляет собой относительно самостоятельное структурное образование, обусловленное единством объекта уголовно-правовой охраны (систематизация на уровне родового объекта). При этом каждое из преступных деяний, составляющих исследуемую систему, имеет свой основной непосредственный объект, предопределяемый спецификой форм проявления личной свободы. Содержание данного объекта позволяет объединять такие деяния в определенные подсистемы (классификационные группы), обладающие как общесистемными, так и некоторыми специфическими характеристиками. В этом – проявление внутренней иерархичности (организованности) рассматриваемой системы преступлений.

Следует отметить, что классификация преступлений против личной свободы на основе признаков их основного непосредственного объекта является важным средством систематизации рассматриваемых деяний:

во-первых, она способствует уяснению сущности различных групп посягательств на личную свободу, благодаря чему обеспечивается формирование всестороннего представления об исследуемой системе преступлений;

во-вторых, классификация дает возможность выявить сходство и различия составляющих исследуемую систему посягательств, что может быть использовано для обеспечения дифференцированной уголовно-правовой оценки степени их общественной опасности;

в-третьих, при помощи классификации удастся установить или спрогнозировать отсутствие необходимых уголовно-правовых запретов в исследуемой области.

В контексте сказанного заслуживает внимания суждение Н.Н. Маршаковой, полагающей, что классификация «при внешней беспристрастности обладает особой значимостью ... и может использоваться для целенаправленного регулирования уголовно-правовых отношений», а ее игнорирование может привести к тому, что содержание системы уголовно-правовых норм станет «недоступно сложным либо безгранично неопределенным» [156, с. 4]. При всей обоснованности такого рода суждений значение классификации не следует абсолютизировать: она является прежде всего способом выявления сходства и различия тех деяний, которые составляют исследуемую систему. Целенаправленность же регулирующего воздействия в сфере охраны личной свободы достигается, главным образом, систематизацией соответствующего

правового материала, сформированного на основе выявленных посредством классификации направлений такой охраны.

Исходя из содержания личной свободы, характера деяний, способных ограничить данное состояние, а также направленности умысла виновного лица, исследуемые преступления могут быть подразделены на следующие группы: 1) преступные деяния, посягающие на физическую свободу (в частности, похищение человека); 2) преступления, направленные против свободы принятия человеком решения относительно своего поведения (например, принуждение); 3) преступления, ограничивающие как физическую свободу, так и свободу волеизъявления лица, в связи с чем посягающие на его личную свободу в целом (к примеру, использование рабского труда). Несмотря на некоторую условность данной классификации, выделение названных групп посягательств на личную свободу позволяет, с нашей точки зрения, не только упорядочить последние внутри исследуемой системы преступлений, но и выявить преступные деяния, отнесенные к системе преступлений против личной свободы без достаточного учета их основного непосредственного объекта, о чем будет сказано ниже.

4) свойство последовательности расположения исследуемых преступлений. Необходимость научно обоснованного внутрисистемного расположения преступлений неоднократно подчеркивалась в юридической литературе. В частности, по мнению Ю.И. Ляпунова и П.Я. Мшвениерадзе, систематизация преступных деяний предполагает «не только объединение в обособленные группы по признакам сходства (тождественности) родового объекта и формирование на данной основе отдельных глав УК, но и порядок группировки и последовательности расположения норм внутри главы» [138, с. 27]. При этом в качестве критерия такого расположения М.Д. Шаргородский рекомендовал использовать принцип перехода «от более тяжелых составов к более мягким, либо наоборот» [290, с. 126].

С точки зрения односложных объектов (например, жизнь человека) это, действительно, наиболее рациональный прием внутрисистемной организованности преступлений. Что касается исследуемой нами системы деяний, то множественность форм проявления личной свободы не допускает тотального использования предложенного критерия. В то же время цель упорядочения посягательств на личную свободу может быть достигнута посредством его применения относительно выделенных нами классификационных групп.

5) свойство преемственности. Система преступлений против личной свободы не является застывшим нормативным образованием. При этом все изменения данной системы всегда соответствуют и адекватны социальным

основаниям криминализации. Последние, преломляясь через волю законодателя, в свою очередь, изменяются под влиянием изменений, происходящих в сфере государственной политики, системе ценностных ориентиров общества, в области социально-экономического уклада жизни государства и т.д. В этом отношении система преступлений против личной свободы подчинена основным законам диалектики: как и любое иное системное образование, исследуемая система находится в постоянном развитии, причем такое развитие не всегда поступательное (прогрессивное), что, в принципе, соответствует цикличности развития общества как сложной социальной системы. Правда, в тех случаях, когда отсутствует поступательность в развитии законодательного оформления системы преступлений против личной свободы, данный недостаток, как правило, восполняется достижениями уголовно-правовой мысли, что подтверждается ретроспективным исследованием доктрины уголовного права в исследуемой области.

Диалектическое развитие анализируемой системы с точки зрения свойства преемственности усматривается и в том, что по мере расширения возможностей человека появляются и новые формы противоправного ограничения (лишения) личной свободы. Последнее предопределяет изменение социальных потребностей в области охраны данного объекта и, как следствие, изменение перечня уголовно-правовых запретов. В то же время следует признать, что в части наиболее типичных посягательств на личную свободу (незаконное лишение свободы, похищение человека и др.) содержательный состав исследуемой системы сохраняет относительную устойчивость, что подтверждается историей развития уголовного законодательства в рассматриваемой области. Сказанное дает основание сделать вывод о наличии и исторической преемственности системы преступлений против личной свободы.

Отмеченные общесистемные свойства исследуемых деяний позволяют определять **систему преступлений против личной свободы** как целостную, социально обусловленную и структурно обособленную в рамках уголовного закона упорядоченную совокупность однородных умышленных преступлений, направленных против личной свободы, которая включает в себя следующие группы деяний: 1) деяния, направленные против физической свободы; 2) деяния, посягающие на свободу принятия человеком решения относительно своего поведения; 3) деяния, ограничивающие личную свободу в целом (в совокупности всех форм ее проявления).

Исследование преступлений против личной свободы через призму названных выше общесистемных свойств, выделенных нами на основе достижений наук мировоззренческого цикла (в том числе общей теории

систем), определенно указывает на необходимость реформирования уголовного закона Республики Беларусь по двум основным направлениям: во-первых, в части содержательного наполнения рассматриваемой системы преступлений (конкретизации перечня составляющих ее деяний); во-вторых, с точки зрения организационной формы представления последней. Однако практическое воплощение указанных направлений совершенствования УК имеет некоторую специфику: если первое из них может быть реализовано на основе и в рамках технико-юридических возможностей действующего уголовного закона Республики Беларусь (т.е. в краткосрочной перспективе), то осуществление второго направления – перспектива отдаленного периода времени, обусловленная необходимостью разработки новой модели главы УК о преступлениях против личной свободы. Несмотря на данное обстоятельство, видится целесообразным прежде всего уделить внимание последнему из указанных направлений.

В основе перспективного изменения законодательного подхода к уголовно-правовой охране личной свободы – необходимость устранения присущей УК (равно как и предшествующим источникам уголовного права) тенденции фрагментарного учета свойства единства и целостности преступлений против личной свободы, подтверждением чего является объединение данных преступлений с посягательствами на честь и достоинство человека в рамках гл. 22 УК. Как указывалось ранее, основой систематизации преступлений в УК является единство родового объекта объединяемых посягательств. Доктринальное определение данного объекта как совокупности «родственных и взаимосвязанных общественных отношений» [253, с. 92] указывает на то, что при решении вопросов структурного обособления преступных деяний необходим учет таких признаков, как однородность общественных отношений, которым причиняется вред соответствующими преступлениями, и их взаимосвязь. При этом очевидно, что проблему однородности или неоднородности родового объекта преступлений, систематизированных в гл. 22 УК, следует рассматривать с точки зрения содержания тех социальных ценностей, по поводу которых данные отношения возникают, а именно личной свободы, чести и достоинства.

По общему правилу, личная свобода трактуется как «свобода физическая (то есть свобода передвижения, определения места нахождения и т.д.) ... и свобода, предполагающая отсутствие какого-либо психического давления, направленного на изменение поведения человека» [154, с. 42]. В свою очередь, «честь – это общественная оценка личности с нравственных позиций, присущих в идеале членам общества»; достоинством же признается «самооценка человека, базирующаяся на

воспитанных с детства качествах совестливости, чувстве сострадания к людям, презрении к чиновничеству, подхалимству, отсутствии стремления достичь жизненных благ любой ценой и т.п.» [254, с. 113–114]. Даже не подвергая детальному анализу приведенные определения названных объектов уголовно-правовой охраны, можно констатировать, что они обозначают разные явления, в связи с чем не представляется возможным говорить о единстве родового объекта систематизированных в гл. 22 УК преступлений, а следовательно, и об однородности характера данных преступлений.

Для того чтобы обеспечить структурное и функциональное единство уголовного закона в сфере охраны личной свободы человека, учитывающее специфику и особое значение исследуемого объекта, видится целесообразным объединение преступных деяний, направленных против личной свободы, в рамках отдельной структурно обособленной главы – «Преступления против личной свободы». Как справедливо указывает А.И. Казамиров, «объединение преступлений против свободы личности в одной главе ... точнее отражало бы особенности объекта этих посягательств», а также «подчеркивало бы высокую степень их общественной опасности» [95, с. 79], что, с нашей точки зрения, позволило бы правильно определять родовую принадлежность преступных деяний, особенно на этапе их криминализации. Кроме того, нельзя не согласиться с тем, что структурное обособление преступлений против личной свободы в рамках отдельной главы способствовало бы решению и таких прикладных задач, как разработка комплексных мероприятий, непосредственно направленных на борьбу с подобными преступными посягательствами, совершенствование осуществляемого правоохранительными органами статистического учета лиц, осужденных за их совершение, и др.

Примечательно, что объединение преступлений против личной свободы в рамках отдельной главы характерно и для уголовного законодательства многих зарубежных государств (в частности, гл. IV раздел II УК Франции [276], раздел восемнадцатый УК ФРГ [275], раздел XVIII УК Голландии [260], раздел VI УК Испании [263], гл. 26 УК Дании [262], Четвертый раздел УК Швейцарии [277], Третий раздел УК Австрии [257], гл. 21 УК Норвегии [251] и др.).

При этом главу о преступлениях против личной свободы следовало бы разместить после рубрики уголовного закона, систематизирующей нормы о преступлениях против жизни и здоровья человека, что в большей мере соответствовало бы ценностной составляющей названных объектов уголовно-правовой охраны.

Помимо изменения законодательного подхода относительно структурирования исследуемой системы преступлений не менее

актуальным является дальнейшее реформирование уголовного закона с точки зрения содержательного наполнения данной системы. В частности, видится целесообразным пересмотр места расположения нормы об ответственности за угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК), которую предшествующий УК относил к системе преступлений против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (ст. 202 УК 1960 г.); в действующем уголовном законе данное деяние признано посягательством на личную свободу человека.

Разнообразие законодательных подходов к оценке родовой принадлежности данного преступления, наблюдаемое как в ретроспективном, так и сравнительно-правовом аспекте, во многом объясняется недостаточным исследованием психики человека в качестве объекта насильственного воздействия, а также неодинаковым характером психотравмирующего влияния угрозы на каждого отдельно взятого лица. Если в одних случаях высказывание угрозы, действительно, не приводит к каким-либо нарушениям психического здоровья человека, позволяющим констатировать причинение ему определенно диагностируемого вреда, то в других ситуациях – равноценная по содержанию и интенсивности выражения угроза становится причиной возникновения психических изменений, классифицируемых в качестве болезненных состояний. В свете последнего утверждения заслуживает внимания точка зрения О.С. Викторова, согласно которой причинить переживание – «значит вызвать изменения функций органов ... которые по общепризнанному мнению бесспорно относятся к повреждениям» [45, с. 64]. Признавая в известной мере перспективность рассуждений о возможных физиологических последствиях психического воздействия на человека и необходимости их учета при решении вопроса о родовой принадлежности угрозы, нам хотелось бы обратить внимание на несколько иной аспект проблемы.

Согласно ст. 186 УК уголовно наказуемой является только та угроза, которая имеет реальный характер, на что непосредственно указывает формулировка закона: «если имелись основания опасаться ее осуществления». Помимо объективных признаков реальности угрозы судебная практика и доктрина уголовного права учитывают и субъективные показатели данной характеристики угрозы. Последние, в свою очередь, охватывают ряд психофизиологических симптомов, которые в психологии рекомендуется подразделять на две группы: внешние симптомы (например, двигательные расстройства, импульсивность совершаемых действий (в том числе совершение бесцельных действий), стремление к бегству, напряжение мышц и др.) и внутренние (в частности,

нарушение мышления, учащение дыхания и сердцебиения, ощущение тошноты, головокружения и т.д.) [64, с. 19]. В основе проявления указанных симптоматических признаков реального восприятия угрозы – возникновение у ее адресата состояния страха. Как подчеркивается в специальных исследованиях, угроза, «не вызвавшая страха, не может быть признана реальной и общественно опасной, поскольку в данном случае она не достигает цели» [1, с. 16]. Сам по себе факт переживания чувства страха, вызванного опасением за свою жизнь, здоровье или имущество, нарушает состояние психического спокойствия и безопасности человека и приводит к возникновению негативного эмоционального состояния (стресса), что свидетельствует о причинении потерпевшему психической травмы. Наступление такого рода последствия, с одной стороны, полностью охватывается направленностью умысла виновного лица (по сути, оно же и исчерпывает содержание волевого компонента умысла последнего), что непосредственно следует из материалов уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК, а с другой, – является фактическим подтверждением непосредственного воздействия данного преступления на здоровье человека. Свидетельством сказанного может служить законодательное определение здоровья как состояния полного физического, духовного и социального благополучия людей, а не только отсутствия заболеваний (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» [186]). Согласовывается изложенное суждение и с понятием здоровья, которое было дано Всемирной организацией здравоохранения: здоровье – это «состояние полного социального, психического, физического благополучия, когда все функции человека уравновешены окружающей средой – природной и социальной» [Цит. по: 214, с. 145–146]. Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества характеризуется целенаправленным нарушением указанного благополучия. Не случайно в юридической литературе в качестве основного непосредственного объекта данного преступления называются общественные отношения, обеспечивающие психологическое спокойствие и безопасность личности [255, с. 183, 204–205]. Помимо того, что нарушение такого спокойствия само по себе является свидетельством причинения вреда здоровью человека, информационное воздействие на последнего, присущее угрозе, может повлечь за собой и иные вредные последствия, на что обращает внимание П.А. Дубовец в работе «Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву». По мнению белорусского ученого, следствием испуга может стать психическое расстройство или иное заболевание потерпевшего [77, с. 20–21].

Изложенные суждения позволяют высказать предположение о целесообразности признания угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества преступлением, ставящим здоровье человека в опасность причинения вреда (гл. 19 УК), как это сделано в уголовном законодательстве большинства государств постсоветского пространства (например, ст. 119 (гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья») УК России [111], ст. 155 (гл. II «Преступления против жизни и здоровья») УК Молдовы [271], ст. 129 (раздел II «Преступления против жизни и здоровья личности») УК Украины [167], ст. 120 (гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья») УК Таджикистана [273], ст. 113 (гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья») УК Киргизии [265], ст. 132 (гл. XIII «Преступные деяния против здоровья лица») УК Латвии [266], ст. 145 (гл. XIX «Преступления, сопряженные с опасностью для здоровья и жизни человека») УК Литвы [267] и др.). Иной по сравнению с отечественным УК подход к определению родовой принадлежности угрозы причинения вреда характерен и для ряда государств «дальнего» зарубежья: в частности, в УК Франции нормы об ответственности за угрозу закреплены в главе «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности» [276].

Бесспорно, негативное воздействие на такую составляющую здоровья человека, как состояние его психического благополучия и спокойствия, является не столь очевидным последствием нарушения указанного объекта, как реальное причинение телесного повреждения той или иной степени тяжести. Однако, как отмечается в специальных исследованиях, слова, которые волнуют человека и вызывают у него состояние стресса, «реакцию тревоги», приводят к общему истощению тканей, обусловленному необходимостью стремительной организации внутренних оборонных сил организма [232, с. 35]. По утверждению ряда авторов, сила информационного воздействия на человека «в некоторых случаях во много раз превосходит физическое воздействие и может вызвать самые тяжкие последствия, вплоть до смерти» [289, с. 46]. Не случайно угроза применения насилия относится к категории широко распространенных способов совершения различного рода преступлений.

Следует отметить, что истории становления уголовно-правовой охраны личной свободы известна практика признания угрозы посягательством на исследуемый объект. В частности, расположение норм об ответственности за угрозу в дореволюционных актах законодательства (например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) позволяло ученым того периода строить систему преступлений против личной свободы с учетом криминализированных в данном источнике угроз. Правда, необходимо сразу же оговорить то обстоятельство, что

конститутивным признаком самой угрозы названное Уложение признавало предъявление со стороны виновного лица определенных требований, касающихся линии поведения потерпевшего. В условиях отсутствия в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. общей нормы о принуждении такой подход являлся вполне органичным и позволял квалифицировать отдельные акты принуждения в качестве угрозы. Хотя нельзя не отметить тот факт, что в юридической литературе уже этого периода начинает формироваться точка зрения, согласно которой угроза, «если она не превращается в принуждение, – может и не стеснять свободы того, кому угрожают, как это бывает, например, когда угрожают из мести причинить какое-либо преступление, не обуславливая его тем или иным поведением угрожаемого субъекта» [209, с. 132].

Безусловно, в некоторых случаях угроза причинения вреда (жизни, здоровью или имуществу) может заставить человека изменить линию своего поведения. Вместе с тем следует признать, что все возможные ограничения личной свободы в таком случае зависят от конкретных обстоятельств высказывания угрозы и, как правило, связаны с принятием потерпевшим мер по обеспечению собственной безопасности или безопасности своего имущества, что подтверждается результатами изучения материалов уголовных дел. Если исходить из того, что подобная реакция является наиболее характерной при совершении любого преступления, то круг посягательств на личную свободу может значительно расширяться. В контексте сказанного видится неубедительной позиция тех авторов (например, Г.К. Костров), которые полагают, что угроза применения силы представляет собой противоправное воздействие «на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного» [Цит. по: 237, с. 36]. При таком подходе угроза наделяется признаками принуждения, которое, как известно, «всегда посягает на личную свободу» [237, с. 36]. Однако согласно УК норма об угрозе должна применяться при отсутствии признаков принуждения, равно как иных преступлений, элементом которых является угроза.

С точки зрения единства и целостности системы преступлений против личной свободы представляется целесообразным пересмотреть и место расположения преступления, предусмотренного ст. 187 УК «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей». Данное преступное деяние было криминализировано в связи с усилением борьбы с торговлей людьми как сопутствующее ей преступление. Вероятно, именно это обстоятельство и сыграло решающую роль при определении его родовой принадлежности. В итоге трактовка основной направленности данного преступления стала осуществляться через призму места

нахождения ст. 187 УК в системе Особенной части уголовного закона. Между тем логико-грамматический анализ ч. 1 ст. 187 УК дает основание сделать вывод, что исследуемое преступление имеет иную юридическую природу, нежели преступления против личной свободы: его содержание составляют деяния, выражающиеся в трудоустройстве граждан Республики Беларусь за границей с нарушением установленного порядка, в результате чего трудоустроенные лица подвергаются эксплуатации со стороны третьих лиц. При этом сама эксплуатация, которая, безусловно, ограничивает состояние личной свободы, признаками рассматриваемого преступления не охватывается и характеризует волевой компонент умысла лица, выполняющего соответствующие действия за рамками данного преступления.

Таким образом, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 187 УК основной акцент сделан не на факт эксплуатации потерпевшего, а на нарушение порядка трудоустройства, в результате чего эксплуатация становится возможной, вполне правомерным представляется вывод о том, что сущность рассматриваемого преступного посягательства состоит в нарушении отношений, возникающих в сфере реализации потерпевшим гарантированного ст. 41 Конституции права на свободный труд [114], т.е. права на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой, а также на здоровые и безопасные условия труда. В контексте сказанного представляется обоснованным помещение нормы об ответственности за совершение указанного преступления в гл. 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Следует отметить, что отличие преступления, предусмотренного ст. 187 УК, от посягательств на личную свободу усматривается и с точки зрения содержания вины как субъективного основания ответственности за его совершение: если преступления против личной свободы характеризуются виной, реализуемой исключительно в виде прямого умысла, то рассматриваемое деяние предполагает косвенный умысел, на что обращает внимание А.В. Барков [27, с. 1].

Не менее актуальным видится изменение законодательного подхода к закреплению признаков вербовки человека для эксплуатации. Согласно действующему уголовному закону (ч. 1 ст. 181 УК) названное деяние признается одной из альтернативных форм торговли людьми, что соответствует международно-правовому пониманию данного преступления, изложенному в подпункте «а» ст. 3 Палермского Протокола [197]. Признавая особое значение указанного международного

акта, следует все же обратить внимание на некоторые проблемные аспекты воспроизведения его положений в уголовном законе Республики Беларусь.

Во-первых, как справедливо отмечает В.Ю. Калугин, «международный договор», коим в данном случае является Палермский Протокол, «выступает лишь в качестве юридического факта, вызывающего необходимость внутригосударственного правотворчества» [91, с. 20]. Исходя из содержания ч. 1 ст. 181 УК, следует заключить, что белорусский законодатель в процессе такого правотворчества избрал не столько метод инкорпорации, сколько прием трансформации, предполагающий, помимо прочего, согласование имплементируемой нормы международного права (ст. 3 Палермского Протокола) с принципами юридической техники государства, имеющимся нормативным материалом и т.д. Такое согласование имеет особое значение в случае закрепления в национальном законодательстве международных уголовно-правовых предписаний, которые по своей сути существенно отличаются от норм внутригосударственного уголовного права.

Иными словами, ратификация Палермского Протокола автоматически не означает необходимости полной рецепции используемых в нем формулировок. На данное обстоятельство косвенно указывает и ст. 5 данного акта, согласно которой государство-участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, чтобы признать составляющие торговлю людьми деяния уголовно наказуемыми, в том числе посредством соблюдения основных принципов своей правовой системы [197]. Приведенные положения ст. 5 Палермского Протокола фактически означают сохранение за государством права самостоятельно определять необходимые методы имплементации соответствующего международно-правового запрета.

Во-вторых, в случае избрания практики буквального воспроизведения в национальном уголовном законе предписаний подпункта «а» ст. 3 Палермского Протокола необходимо учитывать ограниченную сферу его применения, которая предопределяется связью данного документа с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., что фактически означает распространение положений Палермского Протокола лишь в отношении тех актов торговли людьми, которые имеют транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы.

Наконец, как верно подчеркивает А.В. Барков, Палермский Протокол «определяет термином «торговля людьми» не вид преступления, а сложное асоциальное явление. Это явление невозможно «втиснуть» в рамки одного состава преступления, требуется система норм, которые вносятся в УК» [28, с. 263]. Как представляется, одним из элементов данной системы

следует признавать и норму, устанавливающую ответственность за вербовку людей для эксплуатации в качестве самостоятельного преступления против личной свободы. Такой подход не только обеспечит согласование международного и национального права в части криминализации соответствующего деяния, но и предупредит возникновение ряда проблемных аспектов. В частности, признавая вербовку людей в качестве одной из альтернативных форм преступления, предусмотренного ст. 181 УК, законодатель, по сути, ориентирует правоприменителя на трактовку данного деяния исключительно через призму совершения торговли людьми. Вместе с тем семантическое значение понятия «вербовка» («вербовать» означает «набирать, привлекать к какому-либо делу» [234, с. 129]) определенно указывает на то, что деяние, им обозначаемое, может быть «начальным звеном в цепи возможных преступлений» [151, с. 70] (в частности, использования рабского труда (ст. 181-1 УК), принуждения (ст. 185 УК), принуждения к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК) и др.). В контексте сказанного принятый в отечественном УК подход сопряжен с ограничением превентивной и охранительной функции уголовного закона.

Кроме того, поскольку вербовка людей для эксплуатации обладает меньшей степенью общественной опасности, нежели передача и получение человека, которые также характеризуют сущность торговли людьми, признание этого деяния конструктивным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК, предопределяет возникновение проблемы несбалансированности указанной нормы, исходя из материального признака криминализированного ею преступления.

Закрепление признаков вербовки людей для эксплуатации в рамках отдельной нормы УК могло бы служить и целям осуществления так называемой двойной превенции уголовного закона: запрещая менее тяжкое преступление, коим, несомненно, является вербовка, и предусматривая ответственность за его совершение, УК способствовал бы предупреждению более опасных посягательств на личную свободу, а именно торговли людьми и использования рабского труда. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что для государств-поставщиков, к числу которых относится Республика Беларусь, установление ответственности за вербовку людей для эксплуатации в рамках отдельной нормы имеет особое практическое значение.

Изложенные выше положения дают основание сделать вывод о необходимости восстановления нормы об ответственности за вербовку людей для эксплуатации. Однако в отличие от первоначальной редакции данной нормы видится обоснованным, во-первых, использовать обобщенную формулировку цели его совершения, а именно указание на

эксплуатацию человека (без особого выделения сексуальной эксплуатации, признаки которой охватываются общим понятием эксплуатации), во-вторых, дополнить признаки данного преступления таким способом его совершения, как злоупотребление доверием. Основание для подобной корректировки уголовного закона – высокая распространенность отмеченного способа воздействия на потерпевшего, предопределяемая прежде всего спецификой юридической природы данного преступления. Кроме того, на включение указанного способа в число конструктивных признаков вербовки людей для эксплуатации ориентирует и международно-правовое понимание торговли людьми. Исходя из перечня деяний, характеризующих «протокольное» определение последней, а также перечня способов, рекомендуемых для включения в норму об ответственности за данное преступление, злоупотребление доверием в наибольшей мере соотносится с такой формой поведения, как вербовка лиц для эксплуатации.

С точки зрения перспективного реформирования уголовного закона Беларуси глава о преступлениях против личной свободы может быть дополнена и таким преступным деянием, как захват заложника, которое признавалось элементом исследуемой системы преступлений в предшествующем источнике уголовного права (УК 1960 г.) и в настоящее время признается посягательством на личную свободу в уголовном законодательстве многих зарубежных государств (например, § 239b раздела восемнадцатого УК ФРГ [275], ст. 224-4 гл. IV раздела II УК Франции [276], ст. 282a раздела XVIII УК Голландии [260], ст. 185 четвертого раздела УК Швейцарии [277], ст. 144 УК Грузии [261], ст. 124-1 УК Эстонии [278], ст. 147 раздела III УК Украины [167] и др.). Хотя, бесспорно, известен и иной опыт размещения данного преступления, в том числе аналогичный избранному в действующем уголовном законе Беларуси, а именно расположение нормы об ответственности за захват заложника в главе о преступлениях против общественной безопасности (например, гл. 24 УК Российской Федерации [111]).

Несмотря на то, что законодатель (отечественный и зарубежный) определил свою позицию относительно родовой принадлежности захвата заложника, в доктрине уголовного права (прежде всего, российской) данный вопрос по-прежнему продолжает оставаться предметом дискуссий. Доводы, которые приводятся сторонниками того или иного видения основной направленности рассматриваемого преступления, весьма обширны: авторы апеллируют и к истории появления нормы об ответственности за захват заложника, и к содержанию международных правовых актов, ратификация которых способствовала появлению соответствующей нормы в национальном уголовном законе, и к

юридическим признакам самого преступления. Несмотря на множественность критериев, предлагаемых в качестве индикаторов основной направленности исследуемого преступления, эффект определенности в данном вопросе, к сожалению, не достигается. В частности, эволюция содержания уголовно-правовых норм, так или иначе запрещающих захват заложника, позволяет усмотреть элементы данного преступления как в похищении человека и продаже его в рабство (преступления против личной свободы), так и в пиратстве, террористических актах, являющихся посягательствами на общественную безопасность.

Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г., признавая захват заложников актом террористического характера, одновременно таким же качеством наделяет и незаконное («произвольное») лишение свободы [180, с. 24]. Не вносит определенности в вопрос о родовой принадлежности захвата заложника и специальный международный документ, определяющий признаки данного преступления, – Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г. Называя рассматриваемое деяние проявлением международного терроризма, Конвенция между тем закрепляет положение о ее неприменимости относительно фактов совершения этого деяния в пределах одного государства, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами данного государства и когда предполагаемый преступник находится на территории последнего (ст. 13). Более того, объявление захвата заложников формой международного терроризма в преамбуле указанного международного договора фактически лишает соответствующее положение характера правовой нормы. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сотрудничество государств-участников названной Конвенции, как это следует из ее преамбулы, было продиктовано осознанием и подтверждением права каждого на жизнь, личную свободу и безопасность, предусмотренных во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.

Если говорить о юридических признаках рассматриваемого деяния, к которым апеллируют сторонники понимания его в качестве посягательства на общественную безопасность, то таковыми, как правило, называются непосредственный объект данного преступления и наличие специальной цели. Признавая несомненную значимость указанных характеристик для установления родовой принадлежности любого преступления, следует между тем отметить и их не бесспорность с точки зрения отнесения захвата заложника к системе посягательств на общественную безопасность. В частности, доктринальное определение общественной безопасности как совокупности «общественных отношений,

формулирующих у граждан состояние защищенности не только любой личности, но и их общих благ и интересов в целях нормального функционирования и развития общества» [180, с. 41], крайне ограничивает круг ситуаций, когда действия лица, связанные с захватом заложника, будут непосредственно направлены на причинение вреда именно данному объекту (т.е. когда результат преступного поведения будет являться и собственно целью такого поведения). Более того, как показывают результаты специальных исследований, захват заложников в некоторых случаях совершается в целях обеспечения защиты значимых для общества объектов (например, охраны природной среды) либо защиты нарушенного права субъекта данного преступления, восстановление которого не представляет никакой опасности для остальных членов общества.

Что касается субъективной составляющей захвата заложника – специальной цели, то с точки зрения определения основной направленности рассматриваемого преступления она, действительно, имеет огромное значение, поскольку непосредственно указывает на тот результат, к достижению которого и стремиться виновное лицо. Именно цель превращает формирующиеся в психике человека потребности и желания в конкретные действия, способствующие их достижению. Вместе с тем закрепление в качестве основной цели захвата заложника цели понуждения третьей стороны к выполнению требований субъекта преступления является, скорее, не доводом «в пользу», а аргументом «против» безусловного признания данного преступления посягательством на общественную безопасность. Будучи разновидностью «насильственного воздействия на охраняемую законом свободу личности», понуждение (как и его форма – принуждение) [88, с. 9–10] выражается в подавлении свободы волеизъявления понуждаемого лица, предопределяющем нарушение его личной свободы. Таким образом, и специальная цель как субъективная составляющая захвата заложника сближает рассматриваемое деяние с преступлениями против личной свободы (схожесть внешних признаков (признаков объективной стороны) в доктрине уголовного права, как правило, не ставится под сомнение).

С нашей точки зрения, общим недостатком отнесения захвата заложника к преступлениям против общественной безопасности, равно как признания его исключительно посягательством на личную свободу, является чрезмерное обобщение на законодательном уровне признаков основного непосредственного объекта рассматриваемого деяния и фактическое наделение свойствами данного объекта хотя и обязательных, но, как правило, дополнительных объектов причинения вреда. Иными словами, происходит фактическое и юридическое игнорирование тех объектов, в целях посягательства на которые и совершаются конкретные

акты захвата заложников. Как представляется, для установления последних определяющее значение должна иметь оценка содержания тех требований, с которыми виновные лица обращаются к адресатам принуждения, и которые, по сути, формируют направленность преступного поведения виновных лиц. Как правило, данные требования связаны с освобождением из учреждения пенитенциарной системы вполне конкретного лица, либо с получением возможности скрыться от уголовного преследования за совершенное преступление, предшествующее по времени захвату заложника, либо с реализацией имущественных интересов (например, получение какого-либо имущества, денежных средств), предоставлением оружия, наркотиков, возможности пересечь государственную границу и т.д. Как указывалось выше, возможны и на практике известны ситуации, когда захват заложника становится средством защиты (восстановления) собственных незаконно нарушенных прав субъекта данного преступления, по сути, «вынужденного» стать таковым вследствие стечения негативных внешних обстоятельств. Как отмечается в специальных исследованиях, требования виновных лиц могут иметь и политический характер, например, прекращение военных действий, выдача военнопленных и т.д. [180, с. 46]. С нашей точки зрения, именно содержание требований субъекта данного преступления и является основным показателем того, на что направлено исследуемое деяние, чему оно в конечном счете причиняет или может причинить вред. Соответственно, в различных ситуациях совершения захвата заложника его основным непосредственным объектом могут становиться отношения собственности или порядок осуществления экономической деятельности, интересы правосудия, равно как порядок управления и т.д.

Таким образом, ни общественная безопасность, ни личная свобода не могут претендовать на роль единственного универсального объекта захвата заложника. Отсюда следует вывод о том, что белорусский законодатель относит данное преступление к системе посягательств на общественную безопасность без достаточного учета признаков его основного непосредственного объекта. Несмотря на якобы очевидную необоснованность такого подхода, принятое законодательное решение следует отчасти признать оправданным: если строго придерживаться общепризнанных правил определения родовой принадлежности захвата заложника и «во главу угла» поставить основные объекты, на причинение вреда которым направлены действия виновных лиц при совершении конкретного преступления, то потребуются создание достаточно большого количества специальных норм, рассредоточенных по различным главам и разделам УК, что неприемлемо ни с теоретической, ни практической точки зрения. Более того, по справедливому замечанию И.И. Горелика,

«чрезмерным дроблением составов еще не гарантируется охват всех могущих встретиться в жизни случаев» [59, с. 81]. Представляется, что именно данное обстоятельство вынудило законодателя осуществить так называемую «рокировку» объектов при определении родовой принадлежности захвата заложника и, по сути, наделить норму об ответственности за данное преступление качеством общей нормы. Несмотря на очевидные преимущества подобного технико-юридического приема, законодательный подход, получивший отражение в УК, имеет свои недостатки. Так, признавая данное преступление посягательством на общественную безопасность, законодатель фактически ориентирует на наиболее тяжкие и резонансные формы его проявления, что, в свою очередь, закономерно влечет за собой искусственное повышение общественной опасности тех актов захвата заложника, которые не были направлены против общественной безопасности.

Представляется, что при решении вопроса относительно того, какой объект захвата заложника должен определять его родовую принадлежность, целесообразно исходить из несколько иных соображений. Поскольку для признания данного преступления окончательным посягательством не требуется наступления последствий, особое внимание с точки зрения исследуемого вопроса необходимо акцентировать на признаках самого деяния. Рассматриваемое преступное посягательство имеет сложное объективное содержание: для него характерна система взаимосвязанных действий, каждому из которых присуще такое важное постоянное качество, как ограничение (лишение) свободы потерпевших. При этом незаконно захваченные и удерживаемые лица (заложники) ограничиваются прежде всего в части внешних форм проявления личной свободы (например, свободы перемещения), в то время как адресаты требований виновных лиц претерпевают ограничения, главным образом, в свободе принятия волевого решения относительно совершения или не совершения того или иного действия. Иными словами, наиболее общей (универсальной) характеристикой всех актов захвата заложника и каждого из деяний, характеризующих конкретное посягательство, является нарушение отношений по поводу реализации права на свободу. В контексте сказанного представляется целесообразным поместить норму об ответственности за захват заложника в главу, объединяющую преступления против личной свободы.

Наличие тесной связи захвата заложника именно с этой группой преступлений, по мнению некоторых авторов (например, Е.В. Евстифеевой [79, с. 74]), подтверждается и фактом объединения рассматриваемого деяния с похищением человека в рамках единого квалифицирующего признака, повышающего ответственность за

совершение ряда преступлений (например, убийства (п. 4 ч. 2 ст. 139 УК), умышленного причинения тяжкого телесного повреждения (п. 2 ч. 2 ст. 147 УК)).

Таким образом, учитывая изложенное выше, глава, систематизирующая преступления против личной свободы, должна быть представлена как посягательствами, нарушающими физическую свободу человека, так и деяниями, направленными против свободы принятия человеком решения относительно своего поведения. Данные группы преступлений соответствуют основным формам проявления личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Кроме того, как было сказано ранее, в системе исследуемых преступлений отдельно может быть выделена группа деяний, нарушающих личную свободу человека во всех формах ее проявления. К числу таковых мы склонны относить захват заложника и использование рабского труда. Как представляется, именно эти деяния обладают наибольшей степенью общественной опасности и могли бы возглавить систему исследуемых преступлений. Однако в силу того, что использование рабского труда в большей мере связано с посягательствами, ограничивающими свободу принятия человеком решения относительно своего поведения, оно может быть отнесено к этой группе деяний. В свою очередь, захват заложника по своей юридической природе ближе к первой группе посягательств на личную свободу (для него первичным является лишение физической свободы потерпевшего), на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе (работы Н. Беляевой, Т. Орешкиной [30, с. 19], Е. Евстифеевой [79, с. 74], М. Лысова [137, с. 41], О. Резепкина, И. Журавлева [221, с. 121] и др.), в связи с чем данное преступление подлежит отнесению именно к этой категории деяний.

На основе сказанного в главе о преступлениях против личной свободы (с точки зрения перспективного развития уголовного закона) следовало бы объединить такие деяния, как захват заложника, похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, использование рабского труда, торговля людьми, вербовка людей для эксплуатации и принуждение. При этом учитывая содержание рассмотренного ранее свойства последовательности расположения исследуемых преступлений, последние в аспекте *de lege ferenda* целесообразно было бы закрепить в УК в названном выше порядке, организованном в рамках одноименной главы.

Следует отметить, что системный подход к определению преступлений против личной свободы предполагает не только однородность объединяемых деяний, но и законодательное закрепление сходных оснований повышения ответственности за их совершение

(квалифицирующих признаков данных преступлений). Между тем в системе исследуемых деяний какой-либо закономерности в комбинации таких оснований, к сожалению, не просматривается. В частности, представляется необоснованным отсутствие единого подхода к закреплению таких типичных для данных преступлений признаков, как «в отношении заведомо несовершеннолетнего», «в отношении заведомо для виновного беременной женщины», «в отношении двух или более лиц». Нелогичной представляется позиция законодателя и в части формального обозначения идентичных по содержанию оснований повышения ответственности применительно к различным преступлениям против личной свободы, равно как отсутствие унифицированного подхода относительно последовательности их закрепления в соответствующих нормах УК.

Изложенные выше положения позволяют сделать следующие выводы:

1. *Личная свобода* – это состояние независимости человека, позволяющее ему на основе собственных интересов и потребностей и с учетом правовых и нравственных ограничений самостоятельно или при помощи других лиц, действующих в его интересах, принимать и реализовывать решения относительно своего поведения. *Формами проявления личной свободы* являются: физическая свобода (свобода от физического принуждения, в том числе свобода перемещения и оставления места нахождения) и свобода принятия решения относительно совершения или не совершения какого-либо действия (свобода от психического принуждения, препятствующего независимому выбору варианта своего поведения).

В качестве объекта уголовно-правовой охраны личная свобода представляет собой *социальную ценность*, гарантированную Конституцией и поставленную под защиту уголовного закона Республики Беларусь. Особое значение личной свободы, а также необходимость единообразного отражения ее конституционной и международно-правовой оценки в УК *de lege ferenda* требуют изменения места нахождения главы, систематизирующей преступления против данного объекта, путем ее размещения после главы, объединяющей преступления против жизни и здоровья человека.

2. *Преступления против личной свободы* могут быть определены как общественно опасные деяния (действие или бездействие), направленные против личной свободы человека, совершаемые исключительно с прямым умыслом, характеризующиеся применением способов, ограничивающих или подавляющих свободу волеизъявления потерпевшего, и запрещенные УК под угрозой уголовной ответственности.

Ретроспективное исследование данных преступлений позволяет указать на следующие этапы становления норм об ответственности за их совершение:

1) дифференцирование правовой охраны личной свободы в зависимости от сословной принадлежности человека (XI в. – середина XIX в.); 2) формирование элементов системного подхода к построению перечня преступлений против личной свободы (середина XIX в. – начало XX в.); 3) юридическое оформление ограничительного подхода в сфере уголовно-правовой охраны личной свободы (20-е гг. XX в. – конец XX в.); 4) современный период, отражающий стремление законодателя обеспечить всестороннюю охрану исследуемого объекта (с начала XXI в.).

При этом большинство преступлений против личной свободы, предусмотренных в УК, могут быть отнесены к категории деяний, известных предшествующим источникам отечественного уголовного права.

3. Рассмотрение преступлений против личной свободы через призму их общесистемных свойств позволяет определить *систему данных преступлений* как целостную, социально обусловленную и структурно обособленную в рамках уголовного закона упорядоченную совокупность однородных умышленных преступлений, направленных против личной свободы, которая включает в себя следующие группы деяний: 1) деяния, направленные против физической свободы; 2) деяния, посягающие на свободу принятия человеком решения относительно своего поведения; 3) деяния, ограничивающие личную свободу в целом (в совокупности всех форм ее проявления).

4. Системный подход к проблеме уголовно-правовой охраны личной свободы обуславливает необходимость реформирования УК по следующим направлениям:

1) структурное обособление преступлений против личной свободы в рамках самостоятельной главы УК «Преступления против личной свободы», подлежащей закреплению после главы, систематизирующей преступления против жизни и здоровья человека, а также обеспечение внутренней упорядоченности исследуемых преступлений и расположение их исходя из принадлежности к той или иной классификационной группе, выделяемой на основе специфики основных форм проявления личной свободы;

2) определение перечня деяний, составляющих исследуемую систему преступлений, путем:

– исключения из данной системы таких деяний, как угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, а также незаконные действия, направленные на

трудоустройство граждан за границей, и помещение норм об ответственности за их совершение в гл. 19 и гл. 23 УК, соответственно;

– определения сущностных признаков вербовки людей для эксплуатации в рамках отдельной статьи УК в следующей редакции: «Вербовка людей для эксплуатации, совершенная путем обмана или злоупотребления доверием»;

– включения в главу, объединяющую преступления против личной свободы, нормы об ответственности за захват заложника, что в большей степени отвечает признакам данного преступления и является более рациональным с точки зрения юридической техники;

3) закрепление однородной системы квалифицирующих признаков преступлений против личной свободы (особенно на уровне видовых групп), что предполагает, с одной стороны, использование одинаковых юридических конструкций для их характеристики, а с другой стороны, требует обеспечения единообразного подхода относительно последовательности их закрепления в соответствующих нормах УК.

ГЛАВА 2

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

2.1 Характеристика уголовной противоправности деяний, посягающих на личную свободу

Преступления против личной свободы в реальной действительности предстают, используя слова А.И. Бойко, «во всем богатстве и разнообразии конкретных обстоятельств» [32, с. 42], не все из которых имеют юридическое значение и, соответственно, учитываются законодателем при формулировании уголовно-правовых запретов в данной области. В качестве основания уголовной ответственности исследуемые преступления должны обладать лишь необходимой совокупностью наиболее значимых признаков, которые непосредственно предусмотрены уголовным законом. Именно данные признаки и выступают формально-юридической характеристикой деяний, составляющих сущность исследуемых преступлений.

Таким образом, с точки зрения содержания противоправности преступления против личной свободы представляют собой запрещенные уголовным законом деяния, определяемые признаками, предусмотренными ч.ч. 1 ст.ст. 181–185 УК (в силу того, что преступления, закрепленные в ст.ст. 186 и 187 УК, по нашему мнению, подлежат исключению из системы преступлений против личной свободы, характеристика противоправности последних осуществляется без учета указанных деяний).

В теории уголовного права под деянием как сущностной характеристикой любого преступления понимается «осознанное, волевое, активное (действие) или пассивное поведение (бездействие) субъекта, выражающееся в совершении общественно опасного посягательства, предусмотренного уголовным законом» [253, с. 101]. Поскольку признаки деяния индивидуализируют любое преступление с внешней (объективной) стороны, они выполняют важную демаркационную роль при разграничении смежных преступных посягательств, а также влияют на общественную опасность самого преступления, в связи с чем можно уверенно утверждать о высокой степени информативности данной характеристики преступления.

Помимо общих признаков, деяние в системе преступлений против личной свободы обладает и некоторыми специфическими чертами, определяемыми особенностями объекта уголовно-правовой охраны.

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что рассматриваемые преступления смоделированы законодателем, главным образом, как составы активных деяний, т.е. действий. При этом характер последних позволил Д.Я. Зайдиной подразделить все преступления против личной свободы на несколько групп: 1) преступления, лишаящие потерпевшего свободы (незаконное лишение свободы, похищение человека, незаконное помещение в психиатрический стационар); 2) преступления, ограничивающие свободу человека (торговля людьми и использование рабского труда) [84, с. 60, 85]. Несмотря на некоторую условность представленной классификации, сам факт возможности подразделения исследуемых преступлений на группы свидетельствует о неоднородности характеризующих их деяний. Данная неоднородность проявляется, в частности, в том, что на основе признаков деяния в системе посягательств на личную свободу могут быть выделены преступления, определяемые действием в форме физического (энергетического) воздействия на объект уголовно-правовой охраны (прежде всего, преступные деяния, нарушающие физическую свободу, в частности, похищение человека, незаконное лишение свободы и др.), и преступления, для которых характерны преимущественно информационные действия (как правило, посягательства на свободу волеизъявления, например, принуждение). Отдельно в системе преступлений против личной свободы можно выделить посягательства, которые сочетают обе формы активного поведения (например, использование рабского труда). Исходя из того, что характер действия непосредственно влияет на объем причиняемого вреда, он должен учитываться законодателем при установлении уголовной ответственности за исследуемые преступления. Иными словами, представленная классификация преступлений против личной свободы, основанная на учете признаков их деяния, может в известной мере служить критерием внутрисистемной градации исследуемых преступлений, определяя степень общественной опасности последних. Примечательно, что данная классификация в полной мере коррелирует с подразделением преступлений против личной свободы на виды, исходя из специфики их основного непосредственного объекта, соответствующего основным формам проявления личной свободы.

Как указывалось выше, преступления против личной свободы характеризуются активной формой поведения (за исключением преступления, предусмотренного ст. 184 УК, совершаемого в форме незаконного удержания потерпевшего в психиатрическом стационаре). В то же время в уголовно-правовой доктрине (прежде всего, российской) высказана точка зрения, согласно которой незаконное лишение свободы может совершаться как в форме действия, так и путем бездействия. В

частности, С.Н. Потапкин пассивное поведение в составе незаконного лишения свободы допускает относительно случаев совершения данного преступления в форме удержания потерпевшего [212, с. 118]. Сходной точки зрения придерживается и М.Ю. Карасева, которая, разделяя позицию А.Г. Блажнова, полагает, что бездействие возможно, «когда виновный после лишения свободы потерпевшего обеспечивает его охрану, оставляет его в связанном состоянии ...» [96, с. 84; 31, с. 72]. Нетрудно заметить, что в приводимом автором примере речь идет о комбинации действия и бездействия в механизме преступного поведения, причем бездействие является своего рода продолжением активной формы деяния, в силу чего не представляется возможным говорить о бездействии в «чистом» виде как форме совершения рассматриваемого преступления. Более того, поскольку обе формы деяния (активная и пассивная) характеризуются единой формой вины, что непосредственно вытекает из суждений М.Ю. Карасевой, то отдельно выделять бездействие в структуре названного преступления представляется не вполне обоснованным.

Иной уголовно-правовой оценки заслуживают случаи бездействия, которые рассматривают М.Р. Снахова, Е.А. Марахтанова и Д.Я. Зайдиева. По их мнению, бездействие может быть самостоятельной формой незаконного лишения свободы, когда «потерпевший с его же согласия был заперт в каком-либо помещении», а в последующем «ему отказано в освобождении уже помимо его воли» [237, с. 96; 146, с. 35; 84, с. 61–62]. Как и в предыдущем примере, в ситуации, смоделированной М.Р. Снаховой и другими авторами, незаконное лишение свободы характеризуется сочетанием активного поведения (запирание потерпевшего в помещении) и пассивной формы деяния (невыполнение действий, связанных с освобождением потерпевшего). Отличаются представленные ситуации признаками вины: если в первом случае имеет место единство формы вины к действию и бездействию, то для второго примера характерно невиновное отношение субъекта к действию и, напротив, виновное бездействие. Подобная комбинация действия и бездействия в рамках рассматриваемого преступления дает основание заключить, что основу такого преступления, действительно, составляет бездействие, имеющее смешанный характер. Однако, несмотря даже на столь весомый аргумент в пользу позиции М.Р. Снаховой, Е.А. Марахтановой и Д.Я. Зайдиевой, мы не можем в полной мере согласиться с их суждением. Причиной тому является так называемая концепция «последующей вины», которая используется теорией уголовного права для обоснования ответственности за смешанное бездействие. Как подчеркивается в специальных исследованиях, ответственность в таком случае наступает «в соответствии с формой вины,

которая имелась при последующем бездействии, однако моментом начала развития причинной связи является первоначальное действие» [143, с. 67].

Сказанное вовсе не означает, что возможность совершения незаконного лишения свободы в форме бездействия а priori исключается. Гипотетически данную форму преступления можно допустить относительно ситуаций, когда, например, виновное лицо вопреки своей обязанности (законной или договорной) отказывается предоставить потерпевшему, не способному самостоятельно осуществлять перемещение в пространстве, техническое средство передвижения. В подобной ситуации бездействие достигает необходимого для квалификации по ст. 183 УК уровня «упречности» (общественной опасности и противоправности), если оно по своему характеру приравнивается к действию. Аналогичная трактовка бездействия как формы незаконного лишения свободы приводится и в учебной литературе [255, с. 189]. В то же время характеристика деяния в смежном преступлении (ст. 397 УК) заставляет нас усомниться в возможности пассивного поведения и относительно описанной нами ситуации. Дело в том, что незаконное задержание или заключение под стражу, признаком которого является незаконное лишение свободы в форме содержания под стражей, уголовный закон (ч. 2 ст. 397 УК) и теория уголовного права характеризуют в качестве активной формы поведения, т.е. действия [255, с. 762].

Базовым признаком деяния, присущего преступлениям, предусмотренным ст.ст. 181–185 УК, является незаконность ограничения (лишения) личной свободы (т.е. отсутствие правовых оснований для применения данной меры принуждения, которые предусмотрены ст. 6.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [107], ст.ст. 107–115, 125–127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [256], ст.ст. 54–57 УК [269] и др.). Причем незаконность деяния в одних преступлениях непосредственно вытекает из их сущности, в связи с чем не нуждается в законодательной конкретизации (например, торговля людьми, использование рабского труда); при описании же других преступлений на незаконный характер действий виновного указывается в законе (незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар). При этом следует отметить, что в последнем случае законодателем продемонстрирована некоторая технико-юридическая непоследовательность: подчеркивая в названии соответствующей статьи незаконность криминализируемого ею деяния, в самой норме закона (например, ч. 1 ст. 183 УК) данный признак игнорируется, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о недостатках юридической техники.

Кроме незаконности, деяние как признак преступлений против личной свободы должно иметь своевольный характер, на что обращали (например, И.Я. Фойницкий и др.) и обращают внимание ученые в области уголовного права [23, с. 46]. В частности, И.Я. Фойницкий характеризовал посягательства на личную свободу (в форме задержания и заключения) как выполненные вопреки действительному желанию потерпевшего, т.е. самовольные деяния, что предполагало, по его мнению, или насильственность действия, или обман потерпевшего [284, с. 94]. На отсутствие согласия потерпевшего как обязательный признак противоправного лишения свободы указывал и Н.А. Неклюдов, оговаривая при этом, что для действительности согласия необходимо, чтобы лицо имело возможность распоряжаться собой [168, с. 101]. Отмеченная характеристика исследуемых преступлений непосредственно вытекает и из используемой в названии гл. 22 УК юридической конструкции – «Преступления *против* личной свободы ... ». Поскольку последние совершаются вопреки волеизъявлению потерпевшего, исполнение характеризующих их деяний, как правило, тесно связано с применением того или иного способа осуществления посягательства, в связи с чем при отражении противоправности рассматриваемых преступлений законодатель в ряде случаев вводит данный признак в перечень обязательных. Особенно актуально использование данного приема в отношении преступлений, направленных против свободы принятия решения по поводу совершения или не совершения какого-либо действия (свободы волеизъявления), когда потерпевший принуждается к поведению, не являющемуся результатом его собственного, желаемого выбора. В этом случае деяние-исполнение приобретает противоправный (уголовно-правовой) характер лишь в совокупном действии со способом его совершения.

Как показывает изучение материалов уголовных дел, для исполнения основного деяния – ограничения или лишения личной свободы – применяются как насильственные, так и ненасильственные способы преступления, среди которых наиболее распространены такие, как обман, злоупотребление доверием, применение физического и (или) психического насилия и др.

Обман, по словам белорусского ученого Д.Г. Мороза, представляет собой способ совершения умышленного преступления, для которого характерно «сознательное введение лица в заблуждение путем искажения истины или умолчания о фактах, имеющих юридическое значение» [163, с. 5]. Примером применения обмана в ходе осуществления посягательства на личную свободу человека может служить уголовное дело в отношении К., который, вывешивая в районе железнодорожного

вокзала г. Ивацевичи объявление о трудоустройстве в качестве швеи, склонял потерпевших к выезду на территорию Польши, обещая при этом высокую заработную плату и хорошие условия проживания. Получив согласие от потенциальных потерпевших, он доставлял последних в Польшу, где за денежное вознаграждение передавал их сутенеру, который подвергал трудоустроенных таким образом женщин сексуальной эксплуатации. Деяние К. было квалифицировано как торговля людьми, совершенная путем обмана [16].

Для злоупотребления доверием в качестве способа совершения преступления характерно использование виновным лицом особых доверительных отношений с потерпевшим [255, с. 274]. Изучение следственно-судебной практики определенно указывает на высокую степень распространенности данного способа в случае совершения такого преступления, как торговля людьми: чтобы уменьшить риск разоблачения и при этом обеспечить гарантированный приток «живого товара», траффикеры обращаются к знакомым, родственникам и т.д. Так, по данным неправительственной организации «Ла Страда» большинство обратившихся в организацию жертв торговли были завербованы своими друзьями и знакомыми [215].

Не менее распространенным способом совершения исследуемых преступлений является использование насилия, угрозы его применения либо иных форм принуждения. Насилием, как правило, признается «противоправное воздействие на организм другого человека, совершенное против его воли» [54, с. 410]. Физическое насилие может проявляться в нанесении потерпевшему побоев, ударов, совершении иных насильственных действий, которые характеризуются непосредственным воздействием на организм человека, его тело и связаны с причинением потерпевшему физической боли. Особенно актуально применение данных способов в случае совершения посягательств на физическую свободу потерпевшего.

Помимо указанных проявлений насилия судебная практика таковым признает причинение потерпевшему телесных повреждений различной степени тяжести, что обоснованно подвергается критике в отечественной уголовно-правовой доктрине [24, с. 40; 25, с. 51], а также ограничение свободы потерпевшего, например в форме его удержания, связывания и т.д. [201, п. 5; 192, п. 4], которое в теории уголовного права классифицируется в качестве физического принуждения [253, с. 107; 67, с. 46–47], т.е. более широкого, нежели физическое насилие, уголовно-правового явления. Полагаем, что к физическому насилию следует относить и введение в организм человека наркотических средств, психотропных веществ, алкоголя, а также сильнодействующих

лекарственных препаратов, которые способны подавить его сопротивление.

Психическое насилие, как правило, реализуется информационным путем, а именно в форме угрозы применения физического насилия. При этом, как показывает изучение специальных источников, такое насилие может быть направлено не только в отношении потерпевшего, но и других лиц [90, с. 122].

Что касается психического принуждения, то оно может выражаться в подавлении сопротивления потерпевшего посредством высказывания угрозы уничтожения, повреждения имущества потерпевшего (его близких), распространения сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и т.д. Как представляется, психическим принуждением следует признавать и неинформационные способы воздействия на психику человека (гипноз и др.).

В ходе совершения исследуемых преступлений могут быть применены и иные способы исполнения основного деяния, например, использование состояния зависимости потерпевшего, стечения его тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств.

Следует отметить, что в теории уголовного права (главным образом, зарубежной) имеет место тенденция избирательного учета рассматриваемого признака преступлений против личной свободы человека. В качестве подтверждения можно привести следующие суждения авторов. По мнению В.И. Зубковой и И.М. Тяжковой, согласие лица «на его тайное похищение ... исключает состав этого преступления» [86, с. 55]. В то же время, как полагает И.Д. Измайлова, «при торговле людьми согласие человека на передачу его другим лицам» не должно влиять на квалификацию деяния по ст. 127-1 УК России [90, с. 82].

Подобная непоследовательность характерна и для отечественной следственно-судебной практики. Свидетельством тому может служить уголовное дело, рассмотренное судом Советского района г. Минска по обвинению Т. и К. в совершении деяния, предусмотренного п.п. 2, 3, 5, 8, 9 ч. 2 ст. 181 УК. Как следует из материалов уголовного дела и было установлено в ходе судебного разбирательства, виновные лица оказывали содействие потерпевшим в организации занятия проституцией на территории Российской Федерации. Потерпевшие показали, что они добровольно принимали предложение со стороны обвиняемых, были осведомлены относительно характера предстоящей работы, какое-либо воздействие в их отношении не применялось, а у них сохранялась возможность отказаться от поездки. Несмотря на представленные факты, органы предварительного следствия квалифицировали действия виновных лиц по ст. 181 УК. Суд, учитывая названные и иные обстоятельства,

признал такую квалификацию не соответствующей уголовному закону и заключил об отсутствии в содеянном К. и Т. признаков торговли людьми [19].

Искаженное представление о содержании противоправности проявилось и по делу К., рассмотренному судом Центрального района г. Минска. Как следует из материалов уголовного дела, потерпевшие, зная, что К. может оказать помощь в поездке за границу для занятия проституцией, сами настойчиво искали встречи с ней, добровольно изъявили желание заниматься такого рода деятельностью, при этом никакого принуждения и насилия со стороны обвиняемой не испытывали. Действия виновной были квалифицированы органами предварительного следствия по ч. 3 ст. 181 УК. Поскольку такая квалификация не соответствовала юридической природе торговли людьми, суд Центрального района г. Минска пришел к выводу о необходимости ее изменения на ч. 2 ст. 171 УК [22].

Признак совершения деяния, характеризующего то или иное посягательство на личную свободу человека, не в соответствии с волей потерпевшего является, в свою очередь, одним из существенных признаков насилия [35, с. 97; 289, с. 20–22; 232, с. 16–17], проявляющегося в отношении исследуемых преступлений следующим образом.

Во-первых, незаконное ограничение личной свободы само по себе является видом насилия (а именно насилия, не опасного для жизни или здоровья), что непосредственно вытекает из предписаний абз. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [192]. Судебное толкование юридической природы названного деяния соответствует его доктринальному пониманию [25, с. 51; 36, с. 97]. При этом необходимо подчеркнуть, что незаконное лишение свободы является не только самостоятельным посягательством на личную свободу (ст. 183 УК), но и характеризует признаки деяния в иных преступлениях исследуемой системы (например, ст.ст. 182, 184 УК).

Во-вторых, для деяния в системе преступлений против личной свободы характерно принудительное воздействие на потерпевшего, когда последний принуждается к тому или иному варианту поведения. Само по себе принуждение является особой формой проявления насилия в отношении человека [88, с. 8; 103, с. 79], что в контексте сказанного также свидетельствует о насильственном характере деяния в структуре исследуемых преступлений. При этом принуждение предусмотрено уголовным законом в качестве самостоятельного преступления против личной свободы (ст. 185 УК), а также учтено законодателем в качестве

признака иных преступлений рассматриваемой системы (например, ст.ст. 181-1, 182 УК).

Изучение материалов уголовных дел подтверждает вывод о том, что большинство преступлений против личной свободы характеризуется «некой системой взаимосвязанных действий, хотя бы одно из которых обязательно носит насильственный характер» [100, с. 53]. Учитывая сказанное, весьма информативной видится точка зрения А.А. Пионтковского: по его мнению, «посягательство на личную свободу есть умышленное и насильственное принуждение человека к определенному поведению. ... Лишь при наличии такого воздействия на личность в совершенном деянии есть элементы посягательства на свободу» [206, с. 82]. Несмотря на то, что перечень преступлений против личной свободы в действующем УК значительно расширился по сравнению с тем перечнем, о котором говорит автор, его суждение не утратило своей актуальности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что способы, которые используются виновным лицом для совершения исследуемых деяний, могут иметь как насильственный, так и ненасильственный характер.

Помимо названных выше особенностей преступления против личной свободы отличает сложное объективное содержание (исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 185 УК): одни из них сконструированы законодателем как преступления, формой осуществления которых являются альтернативные действия (ст.ст. 181, 184 УК); другие – относятся к категории длящихся преступлений (ст.ст. 182, 183 УК). Некоторые преступления исследуемой системы могут быть одновременно отнесены и к первой, и ко второй группе сложных преступлений (например, ст. 181-1 УК).

Специфика формулирования уголовно-правовых запретов, предусмотренных ст.ст. 181–185 УК, указывает на обоснованность отнесения криминализированных ими деяний к категории преступлений, не связанных с наступлением последствий, в связи с чем в юридической литературе распространенным является утверждение о формальной конструкции основных составов данных преступлений [7, с. 74, 77]. Как известно, подобная конструкция избирается законодателем на основе учета целого ряда факторов, к числу которых, по общему правилу, относятся: во-первых, сложность или невозможность законодательного описания общественно опасных последствий преступного деяния. Последнее имеет место в тех случаях, когда характер последствий таков, что «они трудно поддаются учету» [161, с. 34]. Во-вторых, высокая степень общественной опасности самого деяния [253, с. 111]. В этом случае выбор законодателем формальной конструкции, обеспечивая реализацию превентивной функции

уголовного закона, в большей степени отвечает задачам уголовно-правовой охраны соответствующего объекта. Нетрудно заметить, что названные основания конструирования формальных составов в полной мере применимы и к преступлениям против личной свободы человека. Однако, как представляется, определяющим фактором признания исследуемых преступлений юридически оконченными на стадии совершения противоправного деяния стала неразрывная связь такого деяния с наступлением общественно опасного последствия в виде ограничения (лишения) личной свободы. Используя слова Б.С. Никифорова, в подобных случаях следствие следует за действием «по естественному ходу вещей» [170, с. 31], наступая одновременно с ним.

В контексте сказанного специфической характеристикой деяний в системе преступлений против личной свободы следует признать их сопряженность с наступлением вредных последствий, что отчасти подтверждается и семантическим значением используемой законодателем терминологии (например, лишение свободы). Причем, говоря о такого рода последствиях, следует особо подчеркнуть влияние на их характер не только свойств объекта исследуемых преступлений, но и признаков самого деяния, в связи с чем преступные последствия в основном составе исследуемых преступлений могут иметь характер физического и (или) психического вреда. Последнее зависит от того, являлось ли физическое насилие признаком основного деяния соответствующего преступления. В тех случаях, когда имеет место посягательство в форме энергетического (физического) воздействия на объект уголовно-правовой охраны, например, захват потерпевшего, удержание его в каком-либо помещении и т.д., в результате чего происходит нарушение так называемой физической свободы человека, следствие будет классифицироваться как вред физический. Правда, и в таком случае использование законодателем каких-либо правовых конструкций для описания вредных последствий в тексте закона представляется крайне затруднительным.

В условиях отсутствия законодательно определенных количественно-качественных характеристик данных последствий единственно возможный способ установления их тяжести нам видится в соотнесении исследуемого признака с категорией соответствующего преступления, определяемой в контексте ст. 12 УК. Как справедливо отмечает В.В. Лунеев, в категориях преступлений «имплицитно присутствуют причиненные преступлением последствия» [136, с. 44–45]. В контексте сказанного последствия в системе преступлений против личной свободы могут быть определены следующим образом: 1) тяжкие – последствия преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 ст.ст. 181 и 182 УК; 2) менее тяжкие – последствия преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 ст.ст. 181-1, 183 и 184 УК; 3) не

представляющие большой общественной опасности – последствия преступления, предусмотренного ст. 185 УК.

Таким образом, исходя из содержания уголовного закона, преступления против личной свободы (ч.ч. 1 ст.ст. 181–185 УК) могут быть охарактеризованы при помощи следующих признаков: реализация деяния, как правило, в активной форме поведения (а именно в форме действия, которое может быть выражено как в энергетическом (физическом) воздействии на объект уголовно-правовой охраны, так и иметь информационный характер), незаконность ограничения (лишения) свободы потерпевшего, совершение деяния против либо помимо воли потерпевшего, насильственный характер деяния (главным образом, преступления, нарушающие физическую свободу человека), как правило, сложное объективное содержание и сопряженность деяния с наступлением вредных последствий, проблематичность определения которых предопределяет обоснованность признания данных преступлений окончанными на стадии совершения самого деяния.

Следует отметить, что нормативное описание исследуемых преступлений отличает активное использование законодателем так называемого негативного признака: условием наступления ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 181-1, 182, 183, 185 УК, является отсутствие в содеянном признаков иного преступного деяния (например, более тяжкого, должностного преступления либо деяния, предусмотренного конкретной нормой УК). В юридической литературе данный подход в силу «самоочевидности» закрепляемого им положения признается некоторыми белорусскими учеными «модным излишеством» [23, с. 46]. Действительно, следует согласиться с тем, что независимо от наличия или отсутствия в законодательном определении того или иного преступления негативного признака уголовно-правовая оценка содеянного в каждом конкретном случае должна осуществляться с учетом известных правил квалификации (в частности, правил разрешения конкуренции части и целого, общей нормы и нормы специальной и т.д.).

Вместе с тем, как представляется, использование негативного признака в законодательном определении указанных выше преступлений (за исключением деяния, предусмотренного ст. 183 УК, о чем будет сказано ниже) следует рассматривать в качестве дополнительной гарантии формирования правильного восприятия существенных признаков таковых, а также правовой основы (наряду с нормами Общей части УК) для реализации общепринятых правил квалификации преступных посягательств и разграничения деяний, сходных по своим внешним признакам.

2.2 Проблемные аспекты содержания противоправности отдельных преступлений против личной свободы

Торговля людьми (ст. 181 УК). Торговля людьми достаточно долгое время определяла состояние преступности в сфере посягательств на личную свободу человека, уступая по уровню регистрации лишь преступлению, предусмотренному ст. 186 УК. Правда, далеко не все деяния, квалифицируемые органами уголовного преследования в качестве торговли людьми, получали аналогичную уголовно-правовую оценку со стороны судебных органов [17; 18; 20]. При этом нельзя забывать о том, что указанное посягательство относится к категории высоко латентных деяний, в связи с чем статистические данные и о количестве зарегистрированных фактов торговли людьми, и о количестве лиц, осужденных за данное преступление, не всегда отражают действительное состояние этого вида преступности. Не случайно общемировые оценки количества потерпевших от торговли людьми варьируются от 4 млн. по заключению экспертов ОБСЕ [218, с. 4] до 27 млн. по результатам исследований некоторых неправительственных организаций [189].

Следует отметить, что Республика Беларусь является одним из первых государств постсоветского пространства, предусмотревшим в своем уголовном законе ответственность за торговлю людьми (ст. 181 УК). После ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и дополняющего ее Палермского Протокола норма об ответственности за данное преступление неоднократно претерпевала существенные изменения, последние из которых связаны с принятием и введением в действие Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178].

В отличие от предыдущей редакции ч. 1 ст. 181 УК, которая предусматривала противоправность двух форм торговли людьми, а именно: куплю-продажу или совершение иной сделки в отношении человека и вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение лица в целях его эксплуатации, в действующей редакции ч. 1 ст. 181 УК законодатель сохранил лишь последнюю форму торговли людьми, дополнив ее некоторыми способами совершения данного преступления. Указанные изменения ст. 181 УК были призваны обеспечить не только

соответствие данной нормы содержанию международно-правового запрета в исследуемой области (к слову, достаточно не бесспорная практика с точки зрения специфики норм международного уголовного права, в связи с чем не получившая широкого распространения в зарубежных уголовных законах), но и нивелировать те проблемные аспекты, которые затрудняли толкование и практическое применение ст. 181 УК.

В частности, одной из наиболее очевидных проблем закрепления в ч. 1 ст. 181 УК противоправности двух названных выше форм торговли людьми являлась проблема внутренней противоречивости признаков данного преступления, суть которой сводилась к следующему. В соответствии с ч. 1 ст. 424 ГК [62] содержание купли-продажи характеризуется передачей имущества продавцом и его принятием, а также оплатой стоимости покупателем. В случае если передача и получение имущества не подпадает под признаки купли-продажи, совершение данных действий (по смыслу ст. 154 ГК [62]) может непротиворечиво составлять содержание иной сделки в отношении соответствующего имущества. Несмотря на то, что уголовный закон не предусматривал каких-либо оговорок по поводу особого смыслового наполнения используемой гражданско-правовой терминологии, в предыдущей редакции ч. 1 ст. 181 УК передача и получение «живого товара» признавались самостоятельной относительно купли-продажи или совершения иной сделки формой исследуемого преступления, причем определяемой специальной целью – эксплуатацией потерпевшего. В контексте сказанного закономерно возникал вопрос о том, как следует квалифицировать действия виновного лица, когда передача и (или) получение человека составляли содержание совершаемой им сделки (например, купли-продажи), при этом такая сделка преследовала цель последующей эксплуатации потерпевшего. Поскольку квалифицирующим признаком торговли людьми признавалась лишь цель сексуальной эксплуатации человека, логично было предположить, что совершение деяний, характеризующих содержание той или иной сделки в отношении человека, в целях иной эксплуатации подлежало квалификации по ч. 1 ст. 181 УК. Однако подобная квалификация актуализировала проблему целесообразности одновременной криминализации указанных выше форм поведения.

В контексте сказанного исключение из законодательного определения торговли людьми одной из форм ее совершения имеет существенное практическое значение, в связи с чем заслуживает положительной оценки. Вместе с тем решение законодателя ограничиться именно международно-правовой («протокольной») формой рассматриваемого преступления

вызывает определенные сомнения, основанием для которых служат следующие обстоятельства.

Во-первых, как справедливо подчеркивает И. Алихаджиева, закрепление в норме о торговле людьми альтернативных деяний а priori предполагает, что такие деяния должны иметь равную степень общественной опасности [6, с. 5]. Вместе с тем совершенно очевидно, что при прочих равных условиях передача или получение человека, предполагающие не только уравнивание последнего с объектами гражданского оборота, но и установление в отношении него определенной (как правило, достаточно жесткой) системы контроля, характеризуются большей степенью общественной опасности, нежели вербовка человека в целях эксплуатации, для которой присуще сохранение у вербуемого лица свободы выбора дальнейшего варианта поведения («для признания вербовки оконченной даже не требуется, чтобы виновному удалось склонить кого-либо (завербовать)» [255, с. 203]). Не случайно вербовка людей для эксплуатации в качестве самостоятельного посягательства на личную свободу (ч. 1 ст. 187 УК по состоянию на 1999 г.) признавалась менее тяжким преступлением.

Во-вторых, представляется не совсем бесспорным прием детальной конкретизации форм преступного поведения (перечня деяний), характеризующих рассматриваемое преступление. Как справедливо отмечает Е.А. Кислова, «установление исчерпывающего перечня действий, связанных с торговлей людьми и способствующих ей, создает опасность пробела, поскольку такими действиями могут оказаться и те, которые не указаны в законодательном перечне» [100, с. 102]. Актуальность представленной позиции обуславливается изменчивостью форм проявления торговли людьми, которая, по сути, и вынуждает законодателя осуществлять постоянный поиск наиболее рациональной конструкции уголовно-правового запрета в данной области. С этой точки зрения используемый в предыдущей редакции ч. 1 ст. 181 УК юридический оборот «совершение иной сделки» в силу своего обобщающего характера, как представляется, позволял исключить возможную проблему ограниченности соответствующего уголовно-правового запрета.

В-третьих, криминализация «протокольной» формы торговли людьми создает угрозу возникновения проблемы конкуренции данного преступления с иными преступными деяниями. Действительно, совершение таких действий, как перевозка и укрывательство человека, а в некоторых случаях – и его получение, при определенных обстоятельствах могут быть признаками похищения человека в целях его эксплуатации, которое в отличие от соответствующей формы торговли людьми влечет повышенную уголовную ответственность (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК). Кроме

того, такое поведение может охватываться «другими преступлениями против личной свободы человека», например, незаконным лишением свободы (ст. 183 УК) или незаконным помещением в психиатрическую больницу (ст. 184 УК) [155, с. 23].

Наконец, следует отметить и такой аспект «протокольного» определения торговли людьми, как «некорректность» обозначения вербовки, укрывательства человека «в качестве торговых операций», на что обращается внимание в специальных исследованиях, посвященных проблематике уголовно-правовой борьбы с рассматриваемым преступлением [83, с. 110]. С этой точки зрения для преступного деяния, обозначаемого как «торговля людьми», действительно, более органичной представляется такая форма поведения, как купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека, ныне исключенная законодателем из формулировки исследуемого преступления. Подтверждением сказанного является не только законодательное определение понятия «торговля» (согласно Закону Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» торговля представляет собой деятельность, направленную на приобретение и продажу товаров с оказанием или без оказания услуг, связанных с их продажей [182]), но и доктринальная характеристика данного явления [93, с. 8; 303, с. 400], равно как его трактовка в современных словарях экономических и правовых терминов, в которых формами торговой деятельности (наряду с куплей-продажей) называются комиссия, поручение и другие гражданско-правовые сделки [235, с. 631].

Помимо того, что определение торговли людьми при помощи таких деяний, как купля-продажа и совершение иной сделки, в наибольшей степени соответствовало формальному обозначению данного преступления, указанные юридические конструкции, будучи категориями гражданского права, содержание которых раскрывается в нормах ГК, позволяли сформировать достаточно четкое представление относительно сущности тех деяний, которые совершаются или могут быть совершены в отношении потерпевшего, и, тем самым, способствовали повышению информативности соответствующего уголовно-правового запрета. Правда, как показывает изучение специальной литературы, именно данное обстоятельство стало основным предметом критики в теории уголовного права. Сущность большинства замечаний сводилась к утверждению, согласно которому «значение термина, установленное законодателем для одной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на терминологию уголовного закона» [117, с. 41]. Основываясь на такого рода суждениях, ученые делали вывод о нецелесообразности закрепления

названных выше терминов для определения признаков торговли людьми. Как представляется, проблема использования в УК гражданско-правовой терминологии актуальна только в том случае, когда наряду с содержательной характеристикой данной терминологии на сферу уголовно-правового регулирования распространяется и гражданско-правовой режим обозначаемых ею явлений (объектов и т.д.). Между тем, как верно подчеркивается в учебной литературе по уголовному праву, понятия «купля-продажа» и «сделка» должны были использоваться не для «установления соответствия или несоответствия действий лица гражданско-правовым нормам, а исключительно для уяснения характера совершаемых виновными лицами действий» [255, с. 196], что указывает на некоторую несостоятельность отмеченной выше критики.

Таким образом, обеспечивая соответствие уголовного закона Республики Беларусь (ч. 1 ст. 181 УК) международному праву (практика, присущая законодательству лишь немногих государств, что вызывает сомнение в обоснованности ее отражения в отечественном УК), законодатель исключил из дефиниции исследуемого преступления те деяния, которые в наибольшей степени соответствовали его терминологическому обозначению. Между тем, будучи категорией достаточно определенной отраслевой принадлежности, понятие «торговля» должно наполняться тем смысловым содержанием, которое вкладывается в него теорией и законодательством гражданского и хозяйственного права. В контексте сказанного заслуживает внимания позиция выдающегося русского ученого М.Д. Шаргородского: по его мнению, «правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение» [290, с. 130].

Если в части определения форм поведения, характеризующих торговлю людьми, рациональность избранного законодателем подхода, как представляется, пока не вполне очевидна, то пересмотр законодателем отношения к другому признаку рассматриваемого преступления – способу его совершения, заслуживает положительной оценки. Хотя и в данном случае следует признать, что ни предшествующие источники уголовного права (например, ст.ст. 1410, 1411 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [252], ст. 501 Уголовного Уложения 1903 г. [252]), ни, как правило, зарубежное уголовное законодательство (например, ст.ст. 240, 241 УК Китайской Народной Республики [264], ст. 274 УК Голландии [260], ст. 168 УК Сан-Марино [272], ч. 2 § 225 УК Норвегии [251], § 104 УК Австрии [257]) не связывают наступление ответственности за торговлю людьми с тем или иным способом совершения данного преступления.

Между тем, как показывают материалы уголовных дел, механизм преступного поведения, присущий исследуемому преступлению, характеризуется применением способов либо ограничивающих свободу волеизъявления потерпевшего, либо полностью ее подавляющих. Подтверждением сказанного может служить заключение Верховного комиссара ООН по правам человека, согласно которому «главнейший дополнительный фактор», характеризующий торговлю людьми, «заключается в присутствии элемента силы, принуждения и (или) обмана в ходе всего процесса или на определенной его стадии» [279, с. 61]. Аналогичная точка зрения изложена и польскими учеными в работе «Торговля людьми: предупреждение и преследование»: авторы заключают, что основным элементом рассматриваемого преступления является применение обмана, силы или использование слабости потерпевшего [302, с. 157]. Представленные суждения, действительно, весьма актуальны относительно «протокольной» формы торговли людьми: как справедливо подчеркивает В.В. Марчук, совершение такого рода деяний «всегда будет сопряжено с обманом, использованием уязвимого положения, насилием и так далее» [155, с. 23]. В контексте сказанного вполне объяснимо решение законодателя включить в число конструктивных признаков торговли людьми способ ее совершения.

Реализация данного подхода позволяет избежать не только необоснованного усиления уголовной ответственности, но и нарушения принципа ее дифференциации в связи с приданием разным по степени тяжести способам преступления одинакового уголовно-правового значения, что имело место в предыдущей редакции п. 10 ч. 2 ст. 181 УК. Не случайно в норме о похищении человека характер насилия, применяемого при совершении преступления, является одним из критериев дифференциации ответственности: похищение человека с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, влечет наступление ответственности по ч. 1 ст. 182 УК; использование же опасного насилия признается квалифицирующим признаком данного преступления (ч. 2 ст. 182 УК).

Следует отметить, что идея представленного направления реформирования УК неоднократно обосновывалась белорусскими учеными, например, В.В. Марчуком, Н.И. Ретневой, Э.А. Саркисовой. Так, в своем монографическом исследовании Н.И. Ретнева указывала на необходимость исключить «типичные способы совершения торговли людьми» из числа квалифицирующих признаков, предусмотрев их в ч. 1 ст. 181 УК [223, с. 58, 60]. Как представляется, основным препятствием для подобного изменения уголовного закона в рамках предыдущей редакции ст. 181 УК было закрепление в качестве средства дифференциации

ответственности за торговлю людьми такого признака, как совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего. Как известно, ст. 3 Палермского Протокола [197], равно как ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [194], ратифицированные Республикой Беларусь, определяют признаки торговли детьми безотносительно к способам ее совершения, в связи с чем закрепление способа преступления в ч. 1 ст. 181 УК повлекло бы за собой не только нарушение международных обязательств в данной области, но и декриминализацию торговли несовершеннолетним в случае ее совершения без применения каких-либо средств воздействия (учитывая особые качества потерпевшего, применение таковых во многих случаях не требуется).

Необходимо отметить, что с точки зрения устранения отмеченного проблемного аспекта достаточно прогрессивное решение предложено в действующей редакции ст. 181 УК. Дополнив основной состав торговли людьми наиболее распространенными способами совершения данного преступления, законодатель предусмотрел повышенную уголовную ответственность за его совершение в отношении заведомо несовершеннолетнего независимо от применения какого-либо из средств воздействия, характеризующих торговлю людьми.

Вместе с тем перечень способов, которые предложено признавать обязательным признаком торговли людьми (такowymi являются обман, злоупотребление доверием, насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, и угроза применения такого насилия), а также средством дифференциации ответственности за ее совершение (насилие, опасное для жизни или здоровья, и угроза применения такого насилия), определенно указывает на недостаточность уголовно-правового потенциала нормы об ответственности за торговлю людьми. В частности, за рамками уголовно-правового запрета оставлены случаи совершения данного преступления с использованием состояния зависимости потерпевшего от виновного лица, равно как путем использования стечения тяжелых личных, семейных или иных обстоятельств потерпевшего. Облегчая совершение исследуемого преступления, указанные обстоятельства в ряде случаев оказывают решающее воздействие на избрание виновным лицом преступного варианта поведения. Более того, совершение рассматриваемого преступления в отношении зависимого лица либо лица, находящегося в тяжелом личном, семейном или ином положении, как правило, исключает необходимость применения каких-либо иных средств воздействия, предусмотренных законодателем в качестве конструктивного признака торговли людьми, в связи с чем крайне нелогичным видится их

игнорирование при формулировании признаков данного преступления. Сказанное в полной мере относится и к другим достаточно распространенным способам совершения последнего. Таковыми являются угроза распространения сведений, которые лицо желает сохранить в тайне (например, сведений о занятии им проституцией), либо угроза уничтожения (повреждения) имущества потерпевшего или его близких и т.д., которые согласно предыдущей редакции п. 10 ч. 2 ст. 181 УК охватывались «иными формами принуждения» и влекли повышенную уголовную ответственность. В действующей редакции ст. 181 УК применение каких-либо иных (помимо указанных в ч. 1 данной статьи) средств воздействия не только не повлияет на дифференциацию ответственности виновного лица, но и в целом актуализирует вопрос о возможности квалификации содеянного по данной статье в силу закрытого перечня таковых.

Примечательно, что и международно-правовое определение торговли людьми, которое стало основой для реформирования ч. 1 ст. 181 УК, предусматривает более широкий перечень способов совершения данного преступления. Безусловно, не все из них (в силу специфики национальной системы уголовно-правовых запретов) могут быть признаны конструктивным признаком рассматриваемого преступления (например, похищение человека, мошенничество и др.). В то же время закрепление в ч. 1 ст. 181 УК таких характерных для «протокольного» определения торговли людьми и распространенных в практическом отношении способов ее совершения, как использование уязвимого положения потерпевшего, а также применение иных (помимо названных в указанной выше норме) форм принуждения, в превентивном аспекте способствовало бы устранению тех пробелов, о которых было сказано.

При этом под уязвимым положением, с нашей точки зрения, следует понимать не только факт пребывания потерпевшего в тяжелом личном, материальном или ином положении, не обусловленном предшествующим поведением субъекта рассматриваемого преступления, но и нахождение его в состоянии зависимости от виновного лица, например в силу финансовых (долговых) обязательств, трудовых отношений и т.д., что должно быть разъяснено в акте официального судебного толкования.

Следует отметить, что реализованный в ч. 1 ст. 181 УК подход, связанный с учетом криминообразующего влияния способов совершения торговли людьми, который непосредственно предопределен пониманием существенных признаков данного преступления в международном праве, требует корректировки отдельных положений в системе иных актов отечественного законодательства. Речь идет о содержании абз. 2 п. 5 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 декабря

2011 г. № Р-674/2011: оценивая конституционность ст. 27 Закона Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» [195] и ссылаясь на подпункт «b» ст. 3 Палермского Протокола, данный судебный орган указал на то, что согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию не принимается во внимание [198]. Между тем протокольная формулировка приведенного положения имеет одно важное – определяющее с точки зрения уяснения признаков торговли людьми – дополнение: «если было использовано любое из средств воздействия, указанных в подпункте (a)» Палермского Протокола [197], которое, с нашей точки зрения, должно получить отражение и в названном выше решении Конституционного Суда Республики Беларусь. Такого рода конкретизация будет способствовать укреплению системных связей между актами различной отраслевой принадлежности, которые непосредственно касаются вопросов понимания сущности и содержания торговли людьми.

В целях оптимизации нормы об ответственности за торговлю людьми законодатель дополнил ст. 181 УК примечанием, предусматривающим определение эксплуатации. Поскольку в контексте данного определения подлежат толкованию признаки и иных посягательств на личную свободу человека (ст.ст. 181-1, 182, 187 УК), видится более рациональным закрепление подобного определения в специальном примечании, которое могло бы открывать главу о рассматриваемых преступлениях.

В свою очередь целям устранения отмеченных выше недостатков нормативного определения торговли людьми могло бы служить, во-первых, исключение «протокольной» дефиниции данного преступления и возврат к такой форме его совершения, как купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека, и, во-вторых, представленная выше корректировка перечня способов, обеспечивающих выполнение деяния в составе данного преступления.

Использование рабского труда (ст. 181-1 УК). По данным ООН на пороге XXI в. в мире насчитывалось более 200 млн. человек [157, с. 29; 246], оказавшихся в состоянии рабства и подвергшихся той или иной форме эксплуатации. Безусловно, указанная цифра не является результатом строгого статистического обобщения, что объясняется и высоким уровнем латентности исследуемого явления, и множественностью субъектов такого обобщения, и, наконец, отсутствием в международном праве строгих критериев демаркации рабства и сопряженных с ним явлений. Тем не менее сообщения средств массовой информации, а также результаты специальных исследований определенно указывают на то, что число лиц, оказавшихся в состоянии рабства, подвергшихся той или иной форме эксплуатации, является достаточным, чтобы заключить о тенденции

«архаизации и деградации трудовых и в целом всех общественных отношений» [248, с. 64].

На основании Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» [177] гл. 22 УК была дополнена ст. 181-1 «Использование рабского труда». Появление в отечественном уголовном законе нормы, предусматривающей ответственность за указанную форму эксплуатации человека было продиктовано рядом причин, среди которых следует особо подчеркнуть реализацию на внутригосударственном уровне принятых Республикой Беларусь международных обязательств в области борьбы с торговлей людьми, рабством, эксплуатацией человека.

Внутригосударственная реализация международных обязательств в указанной сфере является существенной, однако далеко не единственной причиной криминализации использования рабского труда. Подтверждением, в частности, является то обстоятельство, что Беларусь еще до обретения статуса самостоятельного суверенного государства была носителем соответствующих международных обязательств [193; 196], однако норма об ответственности за данное деяние появилась в отечественном уголовном законе лишь в 2008 г. С нашей точки зрения, это свидетельствует не о запоздалом характере законодательного реагирования, а, скорее, является следствием отсутствия на определенном этапе развития нашего государства необходимых социальных оснований для криминализации такого рода посягательства на личную свободу.

Наконец, закрепление в уголовном законе нормы об ответственности за использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека, по нашему мнению, было продиктовано необходимостью придать характер формально-логической завершенности мерам уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми, которые реализовывались в Республике Беларусь. Как показывает анализ материалов уголовных дел, сообщений средств массовой информации, а также результатов доктринальных исследований [305, с. 206–207], обращение человека в рабство или подневольное состояние с последующим незаконным использованием его труда или физиологических возможностей организма, иная форма эксплуатации в большинстве случаев являются следствием совершения действий, связанных с торговлей людьми.

Говоря о качестве нормативного описания признаков деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, нельзя не отметить рациональность принятого законодательного подхода.

Во-первых, закрепление ответственности за использование рабского труда в рамках отдельной статьи указывает на то, что законодатель разграничивает понятия «торговля людьми» (в том числе в целях эксплуатации), «рабство» и «эксплуатация человека», смешение которых характерно для международного права, а также ряда доктринальных исследований [157, с. 30, 32].

Во-вторых, в уголовном законе Республики Беларусь (ч. 1 ст. 181-1 УК) в отличие от законодательства ряда зарубежных государств (например, ст. 127-2 УК Российской Федерации [111], ст. 167 УК Сан-Марино [272]) установлен запрет относительно всех форм эксплуатации человека, что позволяет говорить не только о большей степени уголовно-правовой охраны личной свободы от такого рода преступных посягательств, но и о более высокой интегрированности международных стандартов в данной области в национальный правопорядок.

В-третьих, видится обоснованным включение в нормативное описание исследуемого преступления (ч. 1 ст. 181-1 УК) так называемого негативного признака, а именно указания на отсутствие в содеянном признаков торговли людьми, что, по словам В.В. Марчука, является «важным условием применения статьи 181¹ УК» [148, с. 68].

В-четвертых, в процессе имплементации норм международного уголовного права, запрещающих рабский труд и иные формы эксплуатации человека, белорусский законодатель не воспользовался зарубежным опытом инкорпорации данных норм, а пошел по пути их модификации с учетом имеющихся уголовно-правовых запретов и принципов юридической техники отечественного уголовного закона. Как представляется, именно это обстоятельство позволило избежать тех недостатков, которые характерны для ст. 127-2 УК России [111] и которые стали предметом обоснованной критики на страницах специальных теоретико-правовых исследований (например, Ю.Ю. Акимовой [4, с. 4]).

Как указывалось выше, норма об ответственности за использование рабского труда появилась в уголовном законе Беларуси относительно недавно (по сравнению с традиционными запретами в рассматриваемой сфере), что отчасти объясняет незначительный объем научно обоснованных данных об эффективности ее применения. Вместе с тем логико-грамматический и системный анализ нормативного определения признаков данного преступления позволяет утверждать о наличии ряда недостатков, основными из которых мы склонны признавать следующие:

1) формальное обозначение рассматриваемого преступления не в полной мере соответствует содержательной характеристике признаков его деяния. Несмотря на то, что в названии ст. 181-1 УК достаточно четко определено функциональное назначение закрепленной в ней нормы –

установление под угрозой уголовной ответственности запрета на использование рабского труда, т.е. одной из форм эксплуатации человека, в диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК криминализации подвергнуты все формы ее проявления. Иными словами, законодателем предпринята попытка определения целого (родового признака) посредством конкретизации частного (видового признака): ошибка, которая, по утверждению В.В. Марчука, является типичной в отечественном уголовном законе [149, с. 61]. С тем чтобы устранить отмеченное логическое несоответствие, представляется целесообразным в названии данного преступления указать и на иную эксплуатацию человека.

Следует отметить, что предусмотренное в УК (как отечественном, так и зарубежных) обозначение исследуемого преступления заставило ряд авторов признать в качестве его основного непосредственного объекта общественные отношения в сфере реализации права человека на свободный труд, на выбор рода деятельности и профессии [4, с. 11; 248, с. 64; 210, с. 436]. В частности, отмеченная точка зрения изложена в диссертационном исследовании М.Ю. Буряк. По мнению данного автора, в уголовном законе «основной акцент делается не на рабский статус человека, ... а на использование, эксплуатацию его труда»; «поскольку статья сориентирована на незаконный труд», автор приходит к выводу об ошибочности признания данного преступления посягательством на свободу человека [37, с. 172]. Как представляется, эксплуатация потерпевшего независимо от ее формы является преступлением против личной свободы, в связи с чем сложно согласиться с предложенной М.Ю. Буряк трактовкой основной направленности рассматриваемого деяния. Учитывая же то обстоятельство, что по смыслу уголовного закона эксплуатация осуществляется в отношении лица, находящегося в особом положении – в рабстве или подневольном состоянии, есть все основания полагать, что незаконному воздействию подвергаются все составляющие личной свободы потерпевшего;

2) диспозиция ч. 1 ст. 181-1 УК по характеру описания признаков преступления является ссылочной: устанавливая запрет на все формы эксплуатации человека, законодатель адресует правоприменителя к содержанию примечания к ст. 181 УК. Однако, учитывая то обстоятельство, что рабство, формы эксплуатации человека в нормах уголовного закона, как, впрочем, и иных актах белорусского законодательства, не конкретизированы, для определения признаков данных явлений необходимо обращение правоприменителя к соответствующим нормам международного права. Последнее обстоятельство, в свою очередь, дает основание говорить не только о ссылочном, но и бланкетном характере диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК. Как

представляется, такая сложная по технике описания уголовно-правового запрета диспозиция ч. 1 ст. 181-1 УК существенно затрудняет понимание признаков рассматриваемого преступления. Последнее чревато серьезными правоприменительными погрешностями, которые могут стать следствием не столько неготовности сотрудников правоохранительных органов работать с международными документами (учитывая то, что нормы международного уголовного права, как правило, не имеют характера самоисполнимых норм, такая работа, в принципе, не обязательна), сколько недостатками международно-правового толкования сущности и содержания эксплуатации человека.

С тем чтобы устранить возможные правоприменительные ошибки, видится целесообразным конкретизировать содержание таких понятий, как рабство, подневольное состояние, формы эксплуатации, например, в специальном акте официального судебного толкования. При этом основой для такого рода конкретизации может служить международно-правовое понимание признаков указанных явлений, зарубежный законодательный опыт, а также эмпирические данные (сообщения средств массовой информации, материалы уголовных дел), обобщение которых позволяет предложить в качестве рабочего следующее определение названных явлений: а) *рабство* представляет собой состояние человека, в отношении которого осуществляются все или некоторые правомочия, присущие праву собственности, и который, пребывая в полной зависимости от другого лица, лишается возможности свободного перемещения и подвергается различным формам эксплуатации; б) *подневольное состояние* – это зависимое положение человека, который в силу долговой кабалы, крепостного состояния либо применения к нему иных институтов и обычаев, сходных с рабством, вынужден безвозмездно или за незначительное вознаграждение выполнять работу (оказывать услугу), не являющуюся предметом его свободного выбора и средством удовлетворения его личных (индивидуально значимых) потребностей и интересов;

3) дополнение гл. 22 УК нормой об ответственности за использование рабского труда и законодательное определение признаков данного преступления страдает определенной логической непоследовательностью: для того чтобы использовать труд человека, находящегося в рабском состоянии, необходимо создать такого рода состояние, т.е. обратить потерпевшего в рабство. Примечательно, что в уголовно-правовой доктрине (отечественной и зарубежной) неоднократно высказывалось суждение о целесообразности установления ответственности за совершение такого рода деяния [228, с. 38; 98, с. 215–216; 209, с. 150]. К слову, опыт его криминализации известен уголовному законодательству

ряда зарубежных государств (ст. 140 УК Аргентины [259], § 225 УК Норвегии [251], ч. 2 § 104 УК Австрии [257]).

Как показывают сообщения средств массовой информации, способом завладения человеком в целях его эксплуатации в ряде случаев является совершение действий, характеризующих торговлю людьми или похищение человека, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 181 и 182 УК, соответственно. Однако, как представляется, криминализация данных преступлений не позволяет охватить все возможные способы «порабощения» человека. Поскольку такое «порабощение», как правило, не является самоцелью поведения виновного лица – оно лишь создает необходимые условия для эксплуатации потерпевшего, можно заключить о наличии тесной связи между обращением человека в рабство или подневольное состояние и его последующей эксплуатацией, в связи с чем видится обоснованным обе формы противоправного поведения объединить в рамках единого уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, исключив из сферы его действия те деяния, которые содержат признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 181 и 182 УК;

4) определенные недостатки имеет законодательная формулировка криминализированных ст. 181-1 УК форм эксплуатации человека.

На основании обобщения теоретических и эмпирических данных возможные формы эксплуатации потерпевшего могут быть представлены следующим образом:

– эксплуатация физических и (или) интеллектуальных способностей человека, его знаний, умений, навыков для осуществления какой-либо деятельности (имеющей как законный, так и незаконный характер);

– эксплуатация физиологических свойств или функций организма человека, в том числе посредством использования современных медицинских (биомедицинских) технологий;

– сексуальная эксплуатация, которая в силу строго определенной целевой направленности и широкого распространения может быть выделена в качестве самостоятельной формы эксплуатации человека. До внесения изменений и дополнений в УК, обусловленных принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178], ч. 2 примечаний к ст. 181 УК предусматривала дефиницию указанной формы противоправного обращения с человеком. Сексуальной эксплуатацией признавалось «извлечение выгоды из

действий сексуального характера, осуществляемых другим лицом, в том числе использование занятия проституцией».

Не ставя под сомнение практическую значимость отдельного законодательного определения того или иного явления, следует тем не менее согласиться с решением законодателя исключить из УК представленную выше дефиницию. Основание для подобного заключения – недостатки уголовно-правовой характеристики указанной формы эксплуатации человека, которые могли стать препятствием для разграничения деяния, предусмотренного ст. 181-1 УК, со смежными преступлениями. Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что норма, которая определяла признаки рассматриваемой формы эксплуатации, во многом повторяла сложившийся в международном праве прием совместного использования понятий «сексуальная эксплуатация» и «эксплуатация проституции» (например, подпункт «а» ст. 3 Палермского Протокола [197]; ст. 1 Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека 2005 г. [238]). Бесспорно, предметом упрека в данном случае является не сам факт «следования» международно-правовым предписаниям, а их некритичное экстраполирование на сферу национального уголовно-правового регулирования, следствием которого, с нашей точки зрения, стало включение в признаки сексуальной эксплуатации такой формы поведения, как использование занятия проституцией. В итоге данное деяние, будучи одной из характеристик сексуальной эксплуатации и одновременно обладая качеством самостоятельного преступления, фактически охватывалось признаками нескольких составов преступлений, а именно: деяния, предусмотренного ст. 181-1 УК, и преступления, криминализованного в ст. 171 УК. Иными словами, следуя международно-правовой трактовке исследуемого явления, законодатель искусственно создавал основу для конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм.

Как представляется, интересы уголовного права, обусловленные потребностями квалификационно-разграничительного характера, диктуют необходимость проводить различие между такими явлениями, как «сексуальная эксплуатация» и «эксплуатация проституции». Так, сущность сексуальной эксплуатации, с нашей точки зрения, состоит в принуждении лица, в отношении которого осуществляются все или некоторые атрибуты права собственности (рабство) либо применяются институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние), к оказанию различных видов сексуальных услуг, потребителями которых могут быть не только третьи лица, но и собственно то лицо, которое эксплуатирует потерпевшего.

В контексте сказанного вторым недостатком уголовно-правовой характеристики сексуальной эксплуатации, получившей отражение в предыдущей редакции ч. 2 примечаний к ст. 181 УК, следует признать акцентирование в уголовном законе такой формы поведения, как извлечение выгоды из действий сексуального характера, фактически ориентирующей на опосредуемое лишь экономическими интересами участие субъекта преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, в процессе использования эксплуатируемого лица.

Возвращаясь к вопросу разграничения сексуальной эксплуатации и эксплуатации проституции, необходимо обратить внимание на такую важную характеристику первой из названных форм поведения, как отсутствие у потерпевшего возможности изменить свое положение и отказаться от оказания услуг сексуального характера без обоснованного опасения за свою жизнь и здоровье либо жизнь и здоровье близких лиц. Эксплуатация проституции, в свою очередь, не сопряжена с лишением потерпевшего личной свободы и не выражается в применении в отношении него каких-либо форм принуждения.

Следует отметить, что в теории уголовного права, равно как некоторых исследованиях международно-правового характера, уже обращалось внимание на специфику юридической природы указанных выше форм эксплуатации: по мнению К.А. Лукьяновой и С.Н. Потапкина, «сексуальная эксплуатация отличается от эксплуатации проституции третьими лицами тем, что в случае последней потерпевшим выплачивается некоторая часть заработанной суммы, а при первой – их используют как рабов» [135, с. 32; 212, с. 35], в связи с чем, по утверждению Л.В. Иногамовой-Хегай, эксплуатация проституции «не является рабством и сходными с ним институтами» [92, с. 242–243].

Поскольку эксплуатация проституции, как указывалось выше, сводится к использованию занятия данным видом деятельности, с точки зрения разграничения рассматриваемых явлений важное значение имеет дополнение ст. 171 УК примечанием следующего содержания: «Под использованием занятия проституцией понимается извлечение лицом материальной или иной выгоды от добровольного оказания другим лицом за вознаграждение услуг сексуального характера (половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера)». Однако, учитывая то обстоятельство, что данное примечание касается исключительно ст. 171 УК, а элементы принуждения лица к действиям сексуального характера не всегда могут быть признаком сексуальной эксплуатации, разъяснение сущности последней (например, в акте официального судебного толкования) придало бы завершенный характер действиям законодателя в сфере демаркации указанных явлений.

Постановочно целям такого рода разъяснения могло бы служить следующее определение сексуальной эксплуатации: «Под сексуальной эксплуатацией понимается принуждение к действиям сексуального характера, в том числе в целях извлечения выгоды, лица, которое находится в рабстве или подневольном состоянии и которое в силу опасений за свою безопасность или безопасность своих близких не может отказаться от выполнения таких действий».

Актуальность предложенного подхода особенно очевидна в свете нового определения эксплуатации в примечании к ст. 181 УК, через призму которого должны восприниматься запрещенные в ст. 181-1 УК формы поведения. Согласно данному определению одной из разновидностей эксплуатации человека является принуждение последнего к действиям сексуального характера. Исходя из того, что принуждение в теории уголовного права признается проявлением такой формы психического насилия, как понуждение [88, с. 9–10], элементы сексуальной эксплуатации будут характеризовать не только преступление, предусмотренное ст. 181-1 УК, но могут быть усмотрены в содержании противоправности деяния, криминализованного ст. 170 УК. К слову, одним из конструктивных признаков последнего является его совершение в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, что характерно и для состояния лица, пребывающего в рабстве или подневольном положении. Более того, поскольку совершение действий сексуального характера может характеризовать занятие проституцией, принуждение к такого рода поведению может свидетельствовать как о факте сексуальной эксплуатации потерпевшего, наказуемой по ст. 181-1 УК, так и выступать признаком одной из альтернативных форм деяния, криминализованного в ст. 171-1 УК.

По смыслу уголовного закона (ч. 1 ст. 181-1 УК) эксплуатация осуществляется в отношении лица, которое в силу пребывания в рабстве или ином зависимом состоянии не может отказаться от выполнения определенной субъектом преступления работы (услуги). В контексте сказанного, а также представленных выше форм эксплуатации человека становится очевидным то обстоятельство, что законодатель, уделяя особое внимание эксплуатации труда (ч. 1 ст. 181-1 УК), в то же время необоснованно сузил ее содержание, ограничившись запретом использования только рабского труда. Рабство, определяемое в международном праве как состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них (ст. 1 Конвенции ООН о рабстве 1926 г. [193]), характеризует положение потерпевшего, подвергающегося эксплуатации, и раскрывает степень зависимости от субъекта преступления. Помимо рабства

отношения зависимости могут быть обусловлены применением к потерпевшему обычаев, сходных с рабством, к числу которых ст. 1 Дополнительной Конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г. [196] относит долговую кабалу, крепостное состояние, а также любой институт или обычай, в силу которых: а) женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; б) муж женщины, его семья или его клан имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; в) женщина после смерти мужа передается по наследству другому лицу; любой институт или обычай, в силу которого ребенок или подросток моложе восемнадцати лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда. Как и рабство, такие институты и обычаи предполагают «некоторое зависимое положение лица от воли другого» [146, с. 183] и, как и рабство, по своей сути формой эксплуатации не являются.

Таким образом, конкретизируя уголовно-правовой запрет в части описания статуса потерпевшего относительно одной из форм эксплуатации (использования рабского труда) и применяя для характеристики остальных проявлений эксплуатации человека конструкцию «иная форма эксплуатации» (надо полагать, не связанная с принуждением к труду), законодатель фактически исключил из сферы действия ст. 181-1 УК случаи использования труда человека, находящегося в подневольном состоянии. По всей видимости, подобный пробел УК является исключительно дефектом юридической техники, устранение которого возможно путем закрепления в уголовном законе следующей юридической конструкции: «использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии», дополненной указанием на запрещенность такой формы поведения, как обращение человека в рабство или подневольное состояние при отсутствии признаков торговли людьми или похищения человека.

При всем многообразии теоретико-правовых определений рабства, равно как и подневольного состояния, авторы солидарны в том, что человек, оказавшийся в таком состоянии, попадает в полную зависимость от субъекта преступления. В частности, по мнению А.А. Жинкина, рабством следует признавать особую форму «социально-психологической связи между субъектами, в рамках которой одно лицо в результате принуждения получает фактический контроль над действиями другого лица с целью его эксплуатации, а потерпевший лишается фактической

возможности реализовать свое право на личную свободу, свободу передвижения, выбора места жительства и пребывания, свободу труда и вынужден без соответствующего вознаграждения выполнять в пользу иных лиц определенную работу (оказывать услуги), не имея возможности самостоятельно отказаться от выполнения данной работы (оказания услуг)» [83, с. 141].

Подобные характеристики рабства, хотя и не достигают необходимого для законодательного закрепления уровня обобщения, тем не менее достаточно точно раскрывают юридическую природу и форму зависимости потерпевшего от субъекта преступления. В контексте представленной характеристики рабства вполне обоснованным видится мнение тех авторов, которые в качестве одного из признаков исследуемого преступления называют незаконное удержание (лишение свободы) потерпевшего (И.Д. Измайлова [90, с. 144], М.Ю. Карасева [96, с. 116] и др.). Как представляется, именно данная форма поведения и является основой осуществления в отношении последнего всех или некоторых атрибутов права собственности (владения, пользования и распоряжения), присущих рабству.

Вторым признаком деяния в составе исследуемого преступления является принуждение потерпевшего к определенному варианту поведения. При этом в большинстве случаев принуждение «означает предъявление человеку, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, требования заниматься каким-либо трудом ... » [4, с. 12]. Следует отметить, что для квалификации деяния по ст. 181-1 УК характер труда (иной деятельности), к выполнению которого принуждается потерпевший, не имеет юридического значения.

Как представляется, сочетание указанных характеристик деяния в составе исследуемого преступления раскрывает сущность последнего и позволяет отграничивать его от смежных посягательств (в частности, от принудительного труда, не предполагающего утраты потерпевшим личной свободы в части внешних форм ее проявления). Кроме того, отмеченные признаки исследуемого преступления дают основание заключить о насильственном характере последнего, что, в свою очередь, актуализирует проблему пересмотра уголовно-правовой оценки данного преступления, выраженной в санкциях ст. 181-1 УК.

Похищение человека (ст. 182 УК). В исследуемой системе преступлений похищение человека может быть признано относительно распространенным деянием, характеризующимся достаточно устойчивым уровнем динамики (Приложение А). Вместе с тем, как отмечается в специальных исследованиях, официальные данные не в полной мере отражают действительное состояние данного вида преступности.

Причиной тому является, прежде всего, высокая латентность похищения человека, обусловленная, с одной стороны, нежеланием близких потерпевшего обращаться в правоохранительные органы в связи с опасением за его безопасность [100, с. 36], а с другой, – распространенностью данного вида преступного поведения в сфере деятельности организованных преступных групп, посягательства которых, как известно, отличает высокий уровень конспиративности. К сказанному следует добавить слова Е.А. Кисловой относительно того, что «в последнее время похищение человека превратилось в прелюдию к обращению похищенного в рабство либо к его продаже» [100, с. 36]. В этой связи можно предположить, что такого рода факты совершения рассматриваемого преступления не всегда охватываются отдельным статистическим учетом.

В отличие от уголовного законодательства ряда государств постсоветского пространства (ст. 130 УК Таджикистана [273], ст. 144 УК Азербайджана [258], ст. 137 УК Узбекистана [274]) уголовный закон Беларуси достаточно детально определяет признаки похищения человека (ч. 1 ст. 182 УК), что с точки зрения правоприменения имеет существенное практическое значение. Вместе с тем содержание исследуемой нормы определенно указывает на наличие ряда технико-юридических недостатков, необходимость устранения которых предопределяет актуальность теоретико-правового исследования юридической природы и сущности криминализируемого данной нормой деяния.

Прежде всего несколько замечаний относительно отмечаемой в теории уголовного права (как правило, российской) дефинитивной связи между похищением человека и хищением имущества. Примером доктринального отождествления указанных явлений могут, в частности, служить результаты диссертационного исследования С.М. Кулушева, в котором автор, подчеркивая внешнее сходство названных выше явлений, проводит параллель между формами хищения как обобщающей характеристикой ряда преступлений против собственности и возможными вариантами похищения человека (как посягательства на личную свободу). По мнению ученого, в случае, «когда взрослому лицу вверяется под присмотр ребенок или душевно больной человек и в нарушение доверия этот человек похищает вверенного ребенка или больного, здесь налицо сходство с присвоением вверенного имущества. В событиях открытого похищения человека, сопряженного с неопасным для жизни и здоровья потерпевшего насилием, прослеживается сходство с грабежом имущества» [126, с. 17–18]. Подобного рода аналогия проводится автором и относительно иных форм хищения.

Признаки последнего усматриваются в похищении человека и такими исследователями, как Г.В. Овчинникова, М.Ю. Павлик, О.Н. Коршунова. Опираясь на утверждение И.В. Платонова, сформулированное на рубеже XIX–XX вв., согласно которому похищение возможно только в отношении движимой вещи, авторы приходят к следующему выводу: «похищение – завладение, получение вещи, в нашем случае человека, в свое полное распоряжение. Следовательно, человек, являющийся «вещью» движимой, может быть похищен» [180, с. 89].

Как представляется, сходство названных уголовно-правовых явлений допускают и те ученые, которые в качестве ключевой характеристики похищения человека называют изъятие потерпевшего либо из «естественной микросоциальной среды его обитания» (Г.В. Габибова [52, с. 14], др.), либо у близких и иных заинтересованных в судьбе похищенного лиц (М.Р. Снахова [237, с. 121]).

Действительно, с точки зрения этимологии исходные понятия имеют тождественное смысловое наполнение, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что еще в древнеславянских источниках права термины «хыщение» и «похытити» в равной мере использовались в значении «хватать», «унести» [285, с. 336, 341]. Аналогичная содержательная характеристика термина «похищение» является традиционной и для словарей современного русского языка: по мнению В.И. Даля, похитить – значит «хищнически захватить, унести, пограбить, украсть, отнять, отбить, завладеть воровски» [72, с. 366]. Следует отметить, что и уголовному закону термин «похищение» известен, прежде всего, как признак корыстных преступлений против собственности, связанных с изъятием имущества (например, ч.ч. 1 ст.ст. 205 и 206 УК). Между тем, как представляется, характеристика исследуемого преступления через призму формальных признаков хищения имущества является не только не корректной, но и не соответствующей логике уголовного закона: то обстоятельство, что в названии преступления, предусмотренного ст. 182 УК, используется понятие «похищение», а не «хищение», дает основание заключить, что белорусский законодатель не отождествляет признаки похищения человека с хищением имущества. Определение последнего в примечании к гл. 24 УК «Преступления против собственности» является дополнительным тому подтверждением.

Некоторое формальное сходство между похищением человека и хищением имущества мы допускаем лишь в части того, что и в первом, и во втором случае имеет место фактическое завладение (человеком или объектом собственности), которое сопровождается установлением со стороны виновного лица полного контроля относительно «объекта» такого завладения, исключающего свободу волеизъявления либо самого

похищенного, либо лица, имеющего законные права в отношении изъятого имущества. При этом сам «объект завладения» (человек или имущество) исчезает из поля зрения третьих лиц, так или иначе заинтересованных в его судьбе.

Механизм преступного поведения при похищении человека, за редким исключением (в частности, исследования Н. Беляевой [30, с. 15], Л. Гаухмана [55, с. 45] и др.), раскрывается через призму последовательных и взаимосвязанных деяний [50, с. 35; 66, с. 117; 101, с. 70; 153, с. 37; 298, с. 26], из которых, пожалуй, только перемещение потерпевшего практически единодушно признается авторами в качестве обязательного признака рассматриваемого преступления. Относительно же содержания иных деяний суждения ученых варьируются. Прежде всего, предметом научных дискуссий продолжает оставаться вопрос о том, какой термин – завладение или захват, в наибольшей степени отражает сущность рассматриваемого преступления. Примечательно, что в отечественной теории уголовного права понятие «завладение», которым оперирует уголовный закон Беларуси (ч. 1 ст. 182 УК), раскрывается через призму такого деяния, как «захват» [255, с. 184–185], что актуализирует необходимость обращения к указанному вопросу.

Тенденция характеристики похищения человека при помощи понятия «захват» имеет историческую предпосылку: еще И.Я. Фойницкий определял данное преступление как физический захват личности в различных целях [284, с. 95]. В современной зарубежной доктрине уголовного права предпочтение термину «захват» отдают такие авторы, как А.Г. Блажнов [31, с. 112], Д.Г. Бауськов [29, с. 100], К.А. Волков [50, с. 35] и др. По мнению указанных и некоторых иных исследователей, термин «захват», понимаемый в русском языке как овладение кем-нибудь (чем-нибудь) силой [184, с. 194], в наибольшей степени соотносится с насильственным характером рассматриваемого преступления. Принимая за основу исключительно насильственный способ совершения исследуемого деяния, ученые между тем упускают из виду то обстоятельство, что похищение человека может быть осуществлено путем обмана либо злоупотребления доверием. В контексте сказанного конструкция «завладение человеком» представляется более удачной, причем не только с содержательной, но и технико-юридической стороны: как известно, термин «захват» применяется законодателем для характеристики смежного деяния – захвата заложника (ч. 1 ст. 291 УК), в связи с чем его использование для характеристики похищения человека может актуализировать проблему разграничения данных преступлений. Кроме того, с точки зрения семантики завладение означает взятие кого-нибудь в полное свое распоряжение, захват, привлечение к себе, подчинение своему

влиянию [184, с. 172], из чего закономерно следует вывод о том, что помимо захвата указанное понятие предполагает и иные формы деяния, свойственные похищению человека. Последнее исключает необходимость подробного описания в норме УК механизма преступного поведения, характерного данному преступлению.

Признавая, таким образом, оправданной позицию белорусского законодателя, в то же время полагаем возможным указать на некоторые недостатки законодательного определения похищения человека. Как было показано выше, понятие «завладение» фактически означает установление контроля относительно поведения потерпевшего, подчинение последнего волеизъявлению виновного лица. Учитывая то обстоятельство, что похищение человека является, прежде всего, посягательством на физическую свободу человека (внешнюю форму проявления его личной свободы), установление такого рода контроля касается, главным образом, невозможности реализации потерпевшим свободы территориального перемещения, в том числе свободы покинуть место своего нахождения, в связи с чем закономерно следует вывод о том, что завладение предполагает различные формы удержания потерпевшего. Последнее, в свою очередь, характерно и незаконному лишению свободы: незаконное удержание потерпевшего в месте его нахождения составляет сущность деяния, предусмотренного ст. 183 УК, в связи с чем можно сделать вывод о том, что завладение человеком в известной мере присуще и данному преступлению. Для того чтобы разграничить названные посягательства на личную свободу, представляется целесообразным дополнить диспозицию ч. 1 ст. 182 УК указанием на изменение места нахождения похищенного. Тем самым признак перемещения потерпевшего, единодушно признаваемый теорией уголовного права в качестве конструктивной характеристики похищения человека, получит законодательное закрепление и позволит более четко проводить разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 182 и 183 УК, что, к сожалению, по-прежнему весьма актуально для следственно-судебной практики. Подтверждением сказанному может служить уголовно-правовая оценка действий Р., Б. и К., которые в целях обеспечения признания долга, применяя физическую силу, вывели потерпевшую Ч. из ее квартиры, водворили в салон своего автомобиля, чем лишили потерпевшую личной свободы, и стали передвигаться на нем по городу, требуя от потерпевшей выдачи соответствующей расписки. При этом осужденными не только высказывалась угроза применения насилия в отношении Ч., но и было применено такое насилие. Получив расписку, осужденные отпустили потерпевшую. Действия Р., Б. и К. в части лишения личной свободы Ч. были квалифицированы судом Советского района г. Минска по пп. 3, 6 ч. 2

ст. 182 УК, однако в последующем президиум Минского городского суда принял решение изменить приговор суда и переквалифицировать деяние виновных на ч. 1 ст. 183 УК [213].

Следует отметить, что предложенная конкретизация признаков исследуемого преступления во многом соответствует восприятию его юридической природы судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь. В частности, в одном из своих определений данная судебная инстанция указала на то, что одним из признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 182 УК, является изъятие и перемещение потерпевшего с места постоянного или временного пребывания вопреки его воле [191, с. 21].

Помимо указанного признака подлежит уточнению и характер насилия, применение которого является одним из способов совершения похищения человека (ч. 1 ст. 182 УК). Как справедливо отмечает М.Д. Шаргородский, «если для формулировки диспозиции принимается какой-либо определенный признак, то он должен быть учтен во всех родственных случаях» [290, с. 124]. Представленное суждение ученого, с одной стороны, вполне применимо к преступлениям против личной свободы, «родственность» которых обусловлена общностью родового объекта, а с другой стороны, может быть трактуемо в контексте необходимости закрепления одинаковых юридических конструкций для определения однородных признаков данных преступлений. Исходя из того, что при определении признаков торговли людьми (ч. 1 ст. 181 УК) законодатель воспользовался (причем совершенно обоснованно) приемом конкретизации степени насилия как способа совершения данного преступления, видится оправданным использовать этот же прием и в норме о похищении человека. Последнее, с нашей точки зрения, будет в большей степени отвечать требованиям системно-функционального подхода при отражении противоправности исследуемых деяний.

Как известно, уголовно-правовая охрана прав, свобод человека, иных объектов осуществляется не только путем криминализации общественно опасных деяний, но и посредством закрепления в нормах УК института деятельного раскаяния. Учитывая функциональное назначение данного института (стимулирование раскрытия преступлений, предупреждение наступления тяжких последствий и т.д.), уголовное законодательство ряда зарубежных государств (ст. 130 УК Таджикистана [273], ст. 144 УК Азербайджана [258], ст. 125 УК Казахстана [270] и др.) предусматривает специальный вид освобождения от уголовной ответственности и в норме о похищении человека. Как отмечается в юридической литературе, закрепление в УК указанной поощрительной нормы способствует повышению раскрываемости данного преступления, позволяет избежать

проблем, связанных с освобождением потерпевших, а также предотвратить наступление дополнительных (в том числе более тяжких) преступных последствий [131, с. 150–151].

Следует отметить, что подобный юридический прием используется и в уголовном законе Республики Беларусь. Так, в норме об ответственности за смежное с похищением человека преступление – захват заложника – предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности в случае добровольного или по требованию власти освобождения заложника. Лицо, виновное в незаконном лишении свободы, т.е. в совершении преступления, предусмотренного общей по отношению к ст. 182 УК («Похищение человека») нормой (ст. 183 УК), может быть также освобождено от ответственности в связи с деятельным раскаянием, что допускается положениями Общей части уголовного закона (ст. 88 УК).

Несмотря на отмеченные выше положения, представляется преждевременной постановка вопроса о возможности закрепления в норме о похищении человека специального основания освобождения от уголовной ответственности. Реализация такого подхода, с нашей точки зрения, может повлечь за собой нарушение одного из основных принципов уголовной ответственности – ее неотвратимости, в отношении тех случаев, когда похищенное лицо вопреки его волеизъявлению перемещается в другой город, лес и т.д. и там освобождается; при этом данная форма поведения полностью охватывается умыслом виновного лица и применяется, например, в целях формирования у потерпевшего состояния страха, боязни повторения такого рода ситуации, что, в свою очередь, может использоваться для достижения определенной управляемости поведением последнего. Следует отметить, что и результаты проведенного нами социологического опроса не позволяют говорить о поддержке сотрудниками правоохранительных органов представленного зарубежного законодательного подхода.

Незаконное лишение свободы (ст. 183 УК). Несмотря на то, что в общем массиве преступлений против человека незаконное лишение свободы имеет незначительный удельный вес, данное деяние занимает особое место в системе преступлений против личной свободы:

во-первых, именно незаконное лишение свободы (в форме задержания и заключения) стало основой формирования исследуемой системы в ретроспективном аспекте;

во-вторых, незаконное лишение свободы характеризует признаки объективной стороны ряда иных посягательств на личную свободу, выступая либо свойством их деяния (например, похищение человека, незаконное помещение в психиатрический стационар), либо способом, обеспечивающим совершение соответствующего преступления (например,

преступления, предусмотренного ст. 181 УК). Последнее, в частности, подтверждается материалами уголовного дела, рассмотренного судом Барановичского района и г. Барановичи по факту торговли людьми. В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства было установлено, что потерпевшие по данному делу подвергались незаконному лишению свободы: дверь квартиры, в которой они находились, была постоянно закрыта на замок, а выходить в магазин за продуктами можно было только в определенное время [14].

С точки зрения юридической техники норма УК о незаконном лишении свободы в отличие от уголовного законодательства ряда зарубежных государств (ст. 145 УК Азербайджана [258], ст. 131 УК Таджикистана [273], ст. 127 УК России [111], ст. 124-3 УК Эстонии [278], ст. 143 УК Грузии [261], ст. 146 УК Украины [167] и др.) имеет ряд преимуществ, основным из которых следует признать описательный характер ее диспозиции. Последнее имеет важное значение для реализации превентивного потенциала ст. 183 УК, равно как для снижения возможных правоприменительных ошибок в ходе квалификации содеянного по данной статье. Вместе с тем законодательное определение признаков незаконного лишения свободы не лишено некоторых недостатков. Прежде всего, обращает на себя внимание непоследовательность уголовного закона в части формального обозначения исследуемого преступления и содержательной характеристики признаков его деяния. Данное замечание касается двух существенных аспектов.

Первый аспект. В юридической литературе традиционно подчеркивается, что лишение свободы, наказуемое по ст. 183 УК, должно иметь незаконный характер [229, с. 94]; этого же требует и принятое в уголовном законе обозначение данного преступления. Однако, вопреки законам формальной логики, диспозиция ч. 1 ст. 183 УК определяет признаки деяния безотносительно к названной характеристике (в отличие от уголовных законов государств постсоветского пространства, например, ст. 146 УК Литвы [267], ст. 152 УК Латвии [266], ст. 125 УК Кыргызстана [265], ст. 126 УК Казахстана [270], ст. 145 УК Азербайджана [258], ст. 124-3 УК Эстонии [278], а также Модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ (ст. 139) [187]). Как представляется, конкретизация незаконности лишения свободы должна получить закрепление и в законодательном определении признаков последнего.

Второй аспект. Сущность деяния в составе незаконного лишения свободы законодатель раскрывает, используя термин «ограничение». Даже не обращаясь к исследованию его семантической природы, совершенно очевидно, что данное понятие не является тождественным понятию «лишение». В основе их различий – разный характер обозначаемого

насильственного воздействия на человека, различный объем вреда, причиняемого объекту данного преступления. Не случайно в ст. 48 УК такие формы реализации уголовной ответственности, как ограничение свободы и лишение свободы, названы в качестве самостоятельных видов наказания, которые в санкциях уголовно-правовых норм Особенной части УК предусматриваются исключительно как альтернативные меры принуждения.

Отмеченная непоследовательность уголовного закона обоснованно стала предметом критических замечаний на страницах юридической печати. Так, по словам Н.А. Бабия, термины «лишение» и «ограничение» являются взаимоисключающими и «находятся между собой в соотношении части и целого: лишение является целым, а ограничение его частью. ... Если ограничение достигает 100 %, то оно как понятие самоуничтожается, перестает быть ограничением и превращается в лишение. В то же время неполное лишение перестает быть лишением и превращается в ограничение. Иными словами, лишение исключает ограничение, а ограничение исключает лишение» [23, с. 44].

В контексте изложенного суждения представляется сомнительной позиция М.Р. Снаховой и Р.Д. Шарапова, которые в рамках лишения свободы различают абсолютную (полную) ее утрату и частичную потерю: «примером частичной несвободы (ограничения свободы) является удержание потерпевшего в запертом помещении» [237, с. 101]; в свою очередь, «полная несвобода означает, что человек лишен всех возможностей совершать значимые активные движения и избирать свое местонахождение. ... в состоянии полной несвободы находится потерпевший со связанными конечностями и кляпом во рту, привязанный к дереву, столбу или другому предмету, который не позволяет ему передвигаться ползком» [289, с. 134].

Очевидно, что в подобных случаях речь идет о применении разных способов удержания потерпевшего (соответственно, разном уровне интенсивности насильственного воздействия) при неизменном характере последствий такого удержания – утрате потерпевшим возможности свободного перемещения в пространстве и выбора места своего нахождения. Не случайно, говоря о полной и частичной потере личной свободы в рамках рассматриваемого преступления, авторы для характеристики состояния потерпевшего оперируют понятием «несвобода». Однако несвобода – это отсутствие свободы, что, в свою очередь, является закономерным следствием ее утраты или, иными словами, лишения.

Помимо того, что использование законодателем термина «ограничение» не соответствует формальному обозначению и сущности

рассматриваемого преступления, юридическая характеристика последнего при помощи данного понятия может создать предпосылку для расширительного толкования уголовного закона: исходя из доктринального понимания ограничения свободы в качестве «отсутствия возможности войти в определенное место» [23, с. 44], закрепление данного понятия в определении незаконного лишения свободы может повлечь за собой распространение сферы действия ст. 183 УК и на случаи запрета посещать то или иное место, что не соответствует функциональному назначению указанной нормы. Действительно, обозначая стеснение «определенными условиями», поставление «в какие-нибудь рамки» [184, с. 380], термин «ограничение» не позволяет раскрыть предполагаемую по смыслу уголовного закона (ст. 183 УК) изоляцию потерпевшего.

В контексте сказанного представляется целесообразным привести и иные акты законодательства Республики Беларусь в соответствие с принятым в уголовном законе обозначением рассматриваемого вида насилия. В данном случае речь идет о необходимости внесения в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь [192; 200; 201] редакционных изменений, связанных с заменой формулировки «ограничение свободы» понятием «лишение свободы» при характеристике соответствующего вида насилия.

Таким образом, признавая оправданность закрепления понятия «лишение» в названии преступления, предусмотренного ст. 183 УК, полагаем целесообразным в диспозиции ч. 1 данной статьи использовать прием законодательной конкретизации признаков деяния, присущего незаконному лишению свободы, что, с одной стороны, позволит избежать нарушения правил построения определений, а с другой, – создаст основу для правильного понимания и применения ст. 183 УК. С этой точки зрения заслуживает внимания то обстоятельство, что в отечественной уголовно-правовой доктрине для описания сущности деяния в составе незаконного лишения свободы предпочтение, как правило, отдается понятию «удержание» [23, с. 46; 255, с. 189]. В качестве обобщающей конструкции этот же термин используется в специальных исследованиях и ряда российских авторов (в частности, О. Михалы [160, с. 48], Н. Беляевой, Т. Орешкиной [30, с. 15], М. Филина [281, с. 10] и др.), хотя УК Российской Федерации (ст. 127 УК России) [111] в отличие от уголовного закона Беларуси указанным термином не оперирует.

Признавая обоснованность закрепления понятия «удержание» в законодательном определении незаконного лишения свободы, мы в то же время полагаем, что данное понятие по своей сути характеризует лишь завершающий этап и конечную цель поведения виновного лица.

Достижение же последней обеспечивается посредством создания различного рода физических препятствий на пути реализации потерпевшим свободы движения (прежде всего, свободы перемещения). В этом отношении (а именно с точки зрения отражения механизма совершения незаконного лишения свободы, который, исходя из конструкции объективной стороны данного преступления, подлежит особому акцентированию) видится более предпочтительным закрепление в ч. 1 ст. 183 УК понятия «воспрепятствование». Предложенное понятие в большей мере соответствует формальной конструкции исследуемого преступления, поскольку ориентировано преимущественно на его характеристику как акта поведения виновного лица. Кроме того, сущностным признаком воспрепятствования является элемент удержания, предпочтение которому отдается в теории уголовного права. Так, в словаре С.И. Ожегова препятствием признается: 1) помеха, задерживающая какие-нибудь действия или развитие чего-нибудь, стоящая на пути осуществления чего-нибудь; 2) преграда на пути, задерживающая передвижение [184, с. 505].

По смыслу ст. 183 УК формами воспрепятствования реализации личной свободы может быть не только изоляция потерпевшего в месте его изначального нахождения (запирание в комнате, гараже, другом помещении, где потерпевший находился на момент совершения преступления) или задержание потерпевшего посредством его связывания, сковывания, отобрания инвалидной коляски, приведения в бессознательное состояние, но и водворение потерпевшего в какое-либо помещение (иное место) в пределах той территории, куда он прибыл без насильственного или обманного воздействия (например, вталкивание в комнату, перемещение потерпевшего из дома в гараж в рамках приусадебного участка и т.д.).

В контексте названных форм поведения, характеризующих незаконное лишение свободы, мы не можем в полной мере согласиться с мнением тех авторов (Е.А. Марахтанова [146, с. 129], Т.Н. Нуркаева [175, с. 186] и др.), которые исключают элемент перемещения потерпевшего из механизма совершения рассматриваемого преступления. Вместе с тем необходимо учитывать, что в отличие от похищения человека перемещение потерпевшего при незаконном лишении свободы возможно лишь в пределах места его изначального нахождения, избранного им по собственной воле, без какого-либо внешнего воздействия.

Учитывая сказанное, следует признать обоснованной позицию судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда, выразившуюся в оценке деяний К., характеризующихся перемещением потерпевшего К-ко из дома в гараж, расположенный во дворе этого дома, с

целью водворения его в находящийся там погреб, как незаконное лишение свободы [12]. Напротив, ошибочной видится квалификация по ст. 183 УК действий В., который совместно с двумя другими лицами с целью лишения свободы М. напал на него, избил и, насильственно усадив в принадлежащее ему транспортное средство, привез в дачный дом Г., где связал М. и удерживал его с 5 по 8 сентября 2002 г. [13]. Как представляется, в данном случае судом не было учтено то обстоятельство, что незаконное лишение свободы в форме удержания характеризовало лишь последний этап совершения данного преступления, которому предшествовало завладение потерпевшим и его насильственное перемещение в то место, куда потерпевший не выразил своего желания прибыть добровольно.

Представленные выше формы поведения, раскрывающие сущность незаконного лишения свободы, дают основание заключить о возможности использования как насилия, так и ненасильственных способов (обмана, злоупотребления доверием) для воспрепятствования свободному перемещению потерпевшего. Последнее подтверждается и результатами теоретико-правовых исследований [30, с. 16; 33, с. 12; 87, с. 191; 242, с. 200]. Вместе с тем наиболее распространенными способами совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 183 УК, являются насильственные способы удержания потерпевшего. Исходя из принятой в теории уголовного права классификации таких способов на физическое и психическое насилие, особого внимания заслуживает вопрос о возможности использования различных видов угроз в качестве способа противоправного лишения свободы.

Общепризнанно, угроза независимо от ее вида и формы высказывания, дабы оказать ограничивающее воздействие на процесс реализации личной свободы, должна быть сопряжена с предъявлением требований относительно линии поведения потерпевшего. Соответственно, признавая угрозу способом совершения незаконного лишения свободы, следует подразумевать те ситуации, при которых виновное лицо адресует потерпевшему требование не покидать место своего нахождения. Однако, как представляется, такого рода требование является разновидностью принуждения (ст. 185 УК). В этой связи признание угрозы способом совершения деяния, предусмотренного ст. 183 УК, чревато тем, что «может стереться грань между незаконным ограничением свободы в смысле незаконного воздействия на волю потерпевшего и незаконным ее лишением в смысле утраты потерпевшим возможности покинуть место пребывания» [7, с. 74].

Несмотря на данное обстоятельство, мы а priori не исключаем возможность совершения незаконного лишения свободы посредством

применения психического насилия, реализуемого в форме угрозы, однако полагаем целесообразным использовать дифференцированный подход при оценке данного способа воспрепятствования свободе перемещения. С этой точки зрения заслуживают внимания предложенные в зарубежной доктрине уголовного права критерии оценки угрозы в качестве способа удержания потерпевшего (способа его незаконного лишения свободы), которыми называются момент предполагаемого осуществления угрозы и восприятие угрозы потерпевшим [237, с. 97]. В силу того, что реализация подобного подхода неизбежно повлечет формирование казуальной практики квалификации соответствующих посягательств, потребуется принятие руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда по данному вопросу (такого рода разъяснения могут быть изложены в постановлении Пленума Верховного Суда «О применении судами уголовного законодательства по делам о преступлениях против личной свободы»). Как представляется, в акте официального судебного толкования следует закрепить положение, согласно которому угроза признается способом совершения деяния, наказуемого по ст. 183 УК, в том случае, если ее содержание создает опасность причинения вреда наиболее значимым интересам потерпевшего (угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения), а обстоятельства высказывания угрозы свидетельствуют о намерении виновного лица ее немедленно реализовать.

Следует отметить, что буквальное толкование ч. 1 ст. 183 УК дает основание заключить о наказуемости лишь насильственного (речь идет о насилии как способе совершения данного преступления) лишения свободы потерпевшего. Учитывая изложенные выше положения, уместно привести суждение Н.А. Бабия, который полагает, что «основной состав незаконного лишения свободы должен быть сформулирован без указания на его способы» [23, с. 43]. В контексте сказанного представляется целесообразным в ч. 1 ст. 183 УК исключить указание на насильственный характер удержания. Одновременно в специальном акте официального судебного толкования следует определить объем и характер насилия как способа совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 183 УК. Таковым следует признавать применение психического насилия, реализуемого в форме угрозы причинения вреда жизни или здоровью человека, а также физического насилия, которое не является опасным для жизни или здоровья потерпевшего.

В доктринальном мире появилась точка зрения, согласно которой «вероятны и иные способы воздействия на волю человека, ограничивающие его в передвижении (например, гипноз или другие формы психопрограммирования). При таком воздействии лицо может находиться абсолютно в любом месте, но не будет способно принимать

самостоятельно решения перемещаться в пространстве» [31, с. 79]. Как представляется, автор приведенного суждения чрезмерно расширяет границы предполагаемого смыслового наполнения нормы об ответственности за незаконное лишение свободы, допуская смешение противоправного ограничения «свободы в смысле незаконного воздействия на волю потерпевшего» и незаконного лишения ее внешней составляющей – свободы перемещения [7, с. 74]. По ч. 1 ст. 183 УК наказуемо такое лишение свободы, которое сопряжено с наличием осязаемых, доступных для восприятия препятствий, способных обеспечить удержание потерпевшего в каком-либо месте.

В контексте сказанного весьма актуальной видится рекомендация белорусских авторов конкретизировать объект незаконного лишения свободы посредством указания на физическую свободу человека [23, с. 46]. С практической точки зрения подобная конкретизация, действительно, могла бы выполнить упреждающую функцию, позволяющую исключить негативное влияние на практику применения ст. 183 УК теоретических воззрений, подобных представленному выше.

Как указывалось ранее, законодательное определение преступления, предусмотренного ст. 183 УК, включает так называемый негативный признак, предполагающий отсутствие в содеянном «признаков должностного или другого более тяжкого преступления». Отмечая в целом рациональность использования в уголовном законе подобного технико-юридического приема, следует, однако, согласиться с мнением Н.А. Бабия относительно того, что формулировка указанного признака открывает «простор» для неоднозначной его трактовки правоприменителем и, как следствие, для возможных квалификационных ошибок. При этом одним из наиболее очевидных недостатков, на которые обращает внимание белорусский ученый, является закрепление в формулировке негативного признака рассматриваемого деяния юридического оборота «должностное преступление» [23, с. 45]. Помимо того, что действующий УК данным понятием не оперирует, содержание указанного признака, по словам Н.А. Бабия, не способствует уяснению того, каким образом категории «должностное преступление» и «другое более тяжкое преступление» соотносятся друг с другом, а также влияют на содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 183 УК.

Однако если для нивелирования проблемы соотнесения признаков «более тяжкого» и «должностного» преступления в контексте квалификации содеянного по ст. 183 УК было бы достаточным изменить порядок законодательного закрепления «исключаемых» деяний в диспозиции данной нормы (с пониманием того, какое посягательство является более тяжким относительно преступления, предусмотренного

ст. 183 УК, сложностей, как правило, не возникает), то с категорией так называемых «должностных» преступлений, действительно, требуется бóльшая определенность. Достижению последней могли бы способствовать следующие редакционные изменения уголовно-правовой характеристики признаков рассматриваемого преступления.

Во-первых, поскольку с квалификационно-разграничительной точки зрения речь идет, главным образом, о деяниях, предусмотренных ст.ст. 392, 393, 397, 424, 426, 455 УК, то при законодательном определении признаков незаконного лишения свободы можно было бы воспользоваться способом их перечисления, как это сделано, например, в ст.ст. 169, 229, 255, 369-3, 375 УК.

Во-вторых, несмотря на то что указанные выше преступления рассредоточены по различным разделам и главам УК, для них характерно одно важное, объединяющее их качество (помимо того, что характеристикой данных деяний может быть незаконное лишение свободы) – наличие признаков специального субъекта в составе указанных преступлений: таковым является должностное лицо, которое совершает соответствующее преступление с использованием своих служебных полномочий. Следовательно, для того чтобы не прибегать к приему конкретизации «исключаемых» деяний, негативный признак незаконного лишения свободы можно было бы изложить в следующей редакции: «при отсутствии признаков более тяжкого преступления либо преступления, совершаемого должностным лицом с использованием своих служебных полномочий». При этом учитывая динамику развития современного уголовного закона Беларуси, тенденцию постоянно происходящих изменений и дополнений УК, изложенный прием представляется более перспективным.

Несмотря на известную степень обоснованности каждого из представленных выше подходов, мы тем не менее склонны использовать сослагательное наклонение, говоря о возможности их практической реализации в норме УК, определяющей признаки незаконного лишения свободы (ст. 183 УК). Поясним нашу позицию.

Уголовный закон Республики Беларусь закрепляет достаточно широкий круг преступлений, криминообразующие признаки которых включают в себя элементы незаконного лишения свободы. При этом далеко не все из них могут быть классифицированы как более тяжкие посяательства либо предполагают признаки специального субъекта – должностного лица. Одним из примеров такого рода преступлений является деяние, предусмотренное ст. 388 УК («Насилие в отношении судьи или заседателя»). Исходя из официального понимания насилия, изложенного в абз. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда

Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» [192], содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 388 УК, могут непротиворечиво составлять различные формы незаконного лишения свободы (связывание, запираение и т.д.) тех лиц, которые указаны в данной норме (судьи, заседателя или их близких). При этом конструкция ст. 388 УК определенно указывает на то, что предусмотренное ею преступление является, с одной стороны, менее тяжким по сравнению с деянием, криминализированным в ст. 183 УК, а с другой стороны, для наступления ответственности по данной норме УК не требуется наличия признаков специального субъекта – должностного лица, использующего свои служебные полномочия для совершения соответствующего преступления. Налицо ситуация конкуренции уголовно-правовых норм, разрешение которой должно и будет осуществляться по общим правилам разрешения конкуренции между статьями УК (например, правила соотношения части и целого, общей нормы и специальной и т.д.). Требования таковых, в свою очередь, определенно указывают на то, что в случае незаконного лишения свободы судьи или заседателя (равно как их близких), обусловленного целью воспрепятствования законной деятельности данных лиц, принуждения к изменению характера этой деятельности или из мести за осуществление ими правосудия, подлежит применению ст. 388 УК, хотя сама формулировка признаков незаконного лишения свободы гипотетически позволяет допустить и иной вариант правоприменения. Логика суждений в подобной ситуации может быть следующей. Согласно буквальному пониманию ст. 183 УК данная норма (к слову, она не предусматривает каких-либо ограничений относительно круга возможных потерпевших) должна применяться во всех случаях, когда содеянное содержит признаки незаконного лишения потерпевшего физической свободы и при этом отсутствуют признаки более тяжкого преступления либо преступления, предусмотренного конкретно определенными в ст. 183 УК нормами (преступления, совершаемого должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, – при условии закрепления в ч. 1 ст. 183 УК указанной выше обобщающей характеристики «исключаемых» деяний).

В контексте изложенных суждений, полностью разделяя позицию законодателя относительно закрепления негативного признака в ст.ст. 181-1, 182 и 185 УК, в случае нормативного определения преступления, предусмотренного ст. 183 УК, представляется более рациональной точка зрения Н.А. Бабия, по мнению которого признаки незаконного лишения свободы должны быть сформулированы без указания на отсутствие в содеянном признаков иного (более тяжкого, должностного)

преступления [23, с. 46]. Правда, с нашей точки зрения, основанием для реализации подобного технико-юридического решения является не столько избыточность данного приема, сколько проблематичность поиска юридически правильной конструкции для формулировки негативного признака рассматриваемого преступления, которая бы позволила точно обозначить пределы соответствующего уголовно-правового запрета. В силу множественности форм проявления незаконного лишения свободы в признаках иных составов преступлений ст. 183 УК может быть признана одной из немногих норм уголовного закона, закрепление в которой так называемого негативного признака может стать предпосылкой для необоснованного расширения сферы ее применения и повлечь за собой игнорирование общих правил квалификации преступлений. Вместе с тем для формирования правильного представления относительно признаков преступления, предусмотренного ст. 183 УК, в акте официального судебного толкования следует особо акцентировать вопросы отграничения данного преступления от смежных преступных деяний, в том числе обратить внимание судов на то обстоятельство, что ст. 183 УК подлежит применению в случае отсутствия в содеянном признаков более тяжкого преступления, равно как преступления, совершаемого должностным лицом с использованием служебных полномочий, которые имманентно включают признаки незаконного лишения свободы (таковы отдельные преступления против правосудия (например, ст.ст. 392, 397 УК), против интересов службы (например, ст.ст. 424, 426 УК)).

Учитывая изложенное выше, диспозиция нормы о незаконном лишении свободы может быть сформулирована следующим образом: *«Незаконное водворение человека в какое-либо помещение (иное место) либо удержание в нем, связывание человека или иное воспрепятствование возможности покинуть место нахождения (незаконное лишение свободы)».*

Незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК). Несмотря на то, что основной задачей криминализации преступления, предусмотренного ст. 184 УК, является защита личной свободы, которая подвергается ограничению в связи с незаконным помещением человека в психиатрический стационар, установление уголовной ответственности за данное преступление способствует охране и здоровья лица, госпитализируемого в указанную организацию здравоохранения. Как отмечалось ранее, бесосновательное применение к человеку мер медицинского воздействия, связанного с лечением в условиях психиатрического стационара, сопряжено с угрозой причинения вреда его здоровью. Отмеченные обстоятельства подчеркивают важное значение

ст. 184 УК в системе норм об ответственности за преступления против личной свободы.

Следует отметить, что в настоящее время судебная практика по данной категории преступлений отсутствует, в связи с чем ст. 184 УК выполняет исключительно превентивную функцию. Тем не менее логико-грамматический анализ ч. 1 ст. 184 УК, равно как изучение научно-практических рекомендаций, а также обобщение результатов социологического опроса сотрудников правоохранительных органов доказывают целесообразность совершенствования уголовного закона в части описания признаков указанного преступного деяния.

В соответствии с ч. 1 ст. 184 УК содержание рассматриваемого преступления раскрывают следующие альтернативные формы поведения: 1) помещение в психиатрический стационар заведомо психически здорового лица; 2) незаконное удержание в психиатрическом стационаре такого лица. Уголовно-правовая характеристика исследуемого преступления заставляет обратить внимание на отсутствие в определении первой формы его проявления указания на «незаконность» совершения соответствующего деяния – помещения лица в психиатрический стационар. В специальной литературе по этому поводу отмечается, что осуществление такого деяния в отношении заведомо психически здорового человека само по себе является незаконным [255, с. 192–193]. При этом незаконным помещением лица в психиатрический стационар, равно как и незаконным удержанием в нем, следует признавать нарушение установленного законодательством порядка госпитализации или выписки из психиатрического стационара, которое привело к помещению (удержанию) в данное лечебное учреждение лица, не нуждающегося в стационарной психиатрической помощи, совершенное против либо помимо его воли. Как представляется, не добровольность помещения лица в психиатрический стационар следует рассматривать в качестве обязательного признака, подлежащего установлению при квалификации содеянного по ст. 184 УК. Понимание данного обстоятельства имеет важное практическое значение с точки зрения разграничения актов незаконной изоляции человека, выражающейся в его водворении в психиатрический стационар и являющейся посягательством на его личную свободу, и случаев незаконного, но добровольного помещения лица в указанную организацию здравоохранения, преследующего иные цели, не связанные с лишением личной свободы (например, стремление лица призывного возраста освободиться от обязанности нести воинскую повинность).

В соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи» [176]

незаконным помещением в психиатрический стационар следует признавать госпитализацию не только психически здорового лица, но и лица, имеющего психическое расстройство (заболевание), которое по своему характеру не требует его помещения в условия психиатрического стационара. Нетрудно заметить, что случаи незаконного помещения в данное лечебное учреждение последней категории граждан либо их последующее удержание в нем фактически исключаются из сферы действия ст. 184 УК. В контексте сказанного представляется целесообразным в норме об ответственности за рассматриваемое преступление сущностные признаки последнего изложить следующим образом: *«Помещение в психиатрический стационар лица, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре, либо незаконное удержание в нем такого лица»*. Предложенная формулировка уголовного закона позволит избежать полемики вокруг понятия «психически здоровое лицо» и, тем самым, предотвратит возможные правоприменительные погрешности. Следует отметить, что подобный подход к определению круга лиц, которые могут быть признаны потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 184 УК, характерен для теории уголовного права и получил отражение в научно-практических комментариях [110, с. 472; 167, с. 381]. Совершенно очевидно, что тенденция расширительного толкования положений ч. 1 ст. 184 УК является обоснованной как с теоретической, так и практической точки зрения. Однако представляется, что до изменения редакции ч. 1 ст. 184 УК подобная практика противоречит принципу законности.

На основании Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи» [176] ст. 184 УК подверглась изменению в части обозначения места совершения исследуемого преступления: вместо юридически не определенного понятия «психиатрическая больница» в уголовном кодексе получила закрепление конструкция «психиатрический стационар», которой оперирует не только специальный источник регулирования отношений в сфере оказания психиатрической помощи – Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З, но и некоторые иные законодательные акты (например, Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» [186]). Как представляется, указанное изменение уголовного закона в большей степени соответствует сущности деяний, характеризующих рассматриваемое преступление, и позволяет избежать ограниченности сферы действия ст. 184 УК в предыдущей редакции.

Принуждение (ст. 185 УК). Исходя из числа зарегистрированных на территории Республики Беларусь фактов принуждения (за период 2003–

2015 гг. – 179 случаев), а также количества лиц, осужденных по ст. 185 УК (за тот же период – 69 человек), исследуемое преступление имеет незначительный удельный вес в общем массиве посягательств на личную свободу человека. Вместе с тем отмеченное расхождение в статистических данных отчасти может свидетельствовать о наличии некоторых проблем в понимании признаков данного преступления.

В отличие от УК ряда зарубежных государств (в частности, ст. 150 УК Грузии [261], ст. 148 УК Литвы [267]) белорусский законодатель для определения признаков принуждения воспроизводит в диспозиции ст. 185 УК название самого преступления, что не вполне приемлемо с технико-юридической точки зрения. Использование подобного приема в уголовном законе неоднократно становилось предметом критических замечаний (например, Н.А. Бабия [23, с. 46]).

Для устранения отмеченного недостатка уголовно-правового определения принуждения видится целесообразным использование в ст. 185 УК юридического приема, избранного законодателем для описания признаков преступления, предусмотренного ст. 208 УК («Вымогательство»). Как представляется, характеристика последнего при помощи категории «требование» позволяет наиболее полно раскрыть сущность данного преступления. Учитывая то обстоятельство, что вымогательство является разновидностью принуждения, не совсем понятно, почему законодатель не использовал названный прием при характеристике родового преступления, предусмотренного ст. 185 УК. Примечательно, что и в отечественной теории уголовного права сущность принуждения, как правило, раскрывается через призму такой формы поведения, как предъявление виновным лицом требования совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, сопровождаемое высказыванием угрозы [255, с. 198].

Бесспорно, с точки зрения семантики понятия «требование» и «принуждение» не являются тождественными: требование представляет собой выраженную в решительной, категоричной форме просьбу о том, что должно быть выполнено, на что есть право [184, с. 701]; принудить – значит заставить сделать что-нибудь; приневолить, силовать, заставлять [185, с. 596; 72, с. 431]. Однако в качестве характеристики деяния, предусмотренного ст. 185 УК, требование должно восприниматься в контексте способа его предъявления – психического насилия в форме угрозы. Сопровождаемое угрозой причинения вреда такое требование приобретает свойство воздействия, подавляющего свободу волеизъявления потерпевшего, в связи с чем, по сути, становится психическим давлением, или принуждением.

Как представляется, формулировка признаков деяния при помощи категории «требование» в превентивном аспекте позволит исключить возможные правоприменительные ошибки, связанные с определением момента окончания исследуемого преступления: термином «принуждение» может быть обозначен не только сам процесс насильственного ограничения свободы волеизъявления, но и собственно тот результат, к достижению которого стремится принуждающий. Не случайно в зарубежной доктрине уголовного права принуждение в ряде случаев характеризуется как «состав результата», в связи с чем юридическое значение для оценки деяния в качестве принуждения приобретает последствие принудительного воздействия, а именно: претерпевание действий, действие или бездействие потерпевшего [82, с. 406–407].

Анализ признаков рассматриваемого преступления позволяет сделать вывод о том, что законодатель криминализировал принуждение, обеспечиваемое высказыванием угрозы совершения неправомерных действий. Как следует из материалов уголовных дел, такой подход, действительно, имеет социально обусловленный характер. Вместе с тем уголовные законы ряда зарубежных государств в качестве способа принуждения дополнительно предусматривают угрозу обвинения или разоблачения наказуемого деяния принуждаемого или правдивого обвинения его в бесчестном поведении (ч. 2 § 260 УК Дании [262]), угрозу заявления о совершении принуждаемым уголовно наказуемого преступления (ч. 2 § 222 УК Норвегии [251]) и т.д. Как представляется, общественная опасность принуждения зависит не столько от того, правомерным или неправомерным действием угрожают потерпевшему, сколько от содержания требований виновного лица, а также реальности угрозы как способа воздействия на волеизъявление потерпевшего. Между тем, учитывая факт закрепления в ст. 185 УК в качестве одного из конструктивных признаков принуждения угрозы оглашения сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, следует заключить об опосредованном учете в белорусском УК отмеченного законодательного опыта.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Противоправность преступлений против личной свободы выражается в установлении запрета относительно деяний, предусмотренных уголовным законом и характеризующихся следующими общими признаками: реализацией деяния, как правило, в активной форме поведения (в форме действия), незаконностью ограничения (лишения) свободы потерпевшего, совершением деяния против либо помимо воли потерпевшего, насильственным характером деяния (главным образом, преступления, нарушающие физическую свободу человека), как правило,

сложным объективным содержанием и сопряженностью деяния с наступлением вредных последствий, сложность определения которых предопределяет обоснованность признания данных преступлений оконченными на стадии совершения самого деяния.

2. В целях оптимизации отдельных норм о преступлениях против личной свободы видится целесообразным:

1) в диспозиции нормы УК об ответственности за торговлю людьми закрепить следующее определение данного преступления: *«Купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека с использованием его уязвимого положения, либо обмана, либо злоупотребления доверием, либо с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, либо соединенные с иными формами принуждения (торговля людьми)»;*

2) конкретизировать криминообразующие признаки использования рабского труда при помощи следующей дефиниции: *«Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, либо обращение человека в рабство или подневольное состояние при отсутствии признаков торговли людьми или похищения человека»;* в целях приведения названия данного преступления в соответствие с содержанием уголовно-правового запрета, им обозначаемого, закрепить в УК следующее название последнего: *«Использование принудительного труда или иная эксплуатация человека»;*

3) уточнить уголовно-правовые признаки похищения человека путем закрепления следующего определения данного преступления: *«Тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, или иными формами принуждения противоправное завладение человеком, связанное с его перемещением в другое место, при отсутствии признаков захвата заложника (похищение человека)»;*

4) в диспозиции нормы УК о незаконном лишении свободы признаки данного преступления определить следующим образом: *«Незаконное водворение человека в какое-либо помещение (иное место) либо удержание в нем, связывание человека или иное воспрепятствование возможности покинуть место нахождения (незаконное лишение свободы)»;*

5) диспозицию нормы УК об ответственности за незаконное помещение в психиатрический стационар изложить в следующей редакции: *«Помещение в психиатрический стационар лица, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в*

госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре, либо незаконное удержание в нем такого лица»;

б) уголовно-правовое определение принуждения сформулировать следующим образом: *«Требование выполнить какое-либо действие или воздержаться от его выполнения под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления (принуждение)».*

ГЛАВА 3

ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ, МОТИВА И ЦЕЛИ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

3.1 Умышленная вина как субъективное основание уголовной ответственности за преступления против личной свободы

По справедливому утверждению А.Ф. Мицкевича, виновность в качестве признака преступления выступает «в узком, уголовно-правовом значении», в связи с чем «опирается на понятие вины», практически совпадая с ним [162, с. 37]. В теории уголовного права данное понятие раскрывается преимущественно через призму психологической концепции [56, с. 100; 132, с. 16; 233, с. 9–10; 297, с. 69], применение которой, по мнению И.О. Грунтова, позволяет избежать широкого усмотрения суда при разбирательстве уголовных дел и отказа от принципа субъективного вменения [65, с. 61]. По всей видимости, в силу отмеченного обстоятельства основная идея данной концепции реализована и в уголовном законе Республики Беларусь: согласно ч. 1 ст. 21 УК вина определяется как «психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». В представленном определении отчетливо проявляется так называемый психологический аспект вины, который между тем не является исчерпывающим для ее характеристики, на что акцентирует внимание И.О. Грунтов. По мнению ученого, правомерно говорить не только о психологической, но и о социально-психологической сущности вины, содержание которой составляет «отрицательное (характерное для умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (свойственное для неосторожности) отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном посягательстве» [65, с. 62]. В случае совершения исследуемых преступлений «отрицательное отношение» виновного лица направлено против одной из основополагающих социальных ценностей – личной свободы, и выражается в различных формах незаконного ограничения (лишения) человека данной свободы.

Исходя из того, что вина является свойством психики, ее познание, по верному замечанию К.Ф. Тихонова, возможно через другие «более доступные» признаки преступления [244, с. 76], к числу которых относятся в первую очередь свойства деяния. Исследование таковых в системе преступлений против личной свободы позволяет в полной мере

согласиться с распространенной в теории уголовного права классификацией данных преступлений в качестве умышленных преступных посягательств [217, с. 102; 255, с. 186–203; 298, с. 32], совершаемых исключительно с прямым умыслом. Вместе с тем следует отметить, что в ряде специальных исследований, посвященных проблематике уголовно-правовой охраны названного объекта, излагается и иная характеристика субъективной составляющей отдельных посягательств на личную свободу. В частности, Д.Я. Зайдиева допускает возможность совершения торговли людьми не только с прямым, но и косвенным умыслом. В качестве обоснования своей позиции автор приводит следующие аргументы: «в восьми случаях из десяти продавец «живого товара» руководствуется исключительно корыстными мотивами, ... дальнейшая судьба проданного им человека ему не интересна. Другими словами, он осознает, что его действия могут привести к ограничению свободы проданного им человека, но относится к этому безразлично» [84, с. 113–114]. Бесспорно, в части указания на превалирование корыстной мотивации при совершении торговли людьми следует в полной мере согласиться с представленной точкой зрения. В остальном же доводы автора противоречат догмам уголовного права: при совершении преступления, момент окончания которого переносится законодателем на более раннюю стадию – стадию выполнения деяния (торговля людьми таковым и является), интеллектуальный и волевой моменты умысла лица устанавливаются относительно самого деяния, в связи с чем косвенный умысел для таких преступлений а priori не характерен.

Сказанное не позволяет нам согласиться и с Ю.Н. Аргуновой: по мнению автора, «норма о незаконном помещении в психиатрический стационар ... дает возможность предположить, что субъект преступления может сознавать незаконность своих действий, однако не желать, а сознательно допускать наступления преступного результата, что означает совершение деяния с косвенным умыслом ... » [10, с. 60]. Подвергая критике позицию Ю.Н. Аргуновой, И.М. Тяжкова в качестве основного контраргумента указывает на то, что виновный в совершении данного преступления в силу осознания незаконного характера своего деяния «предвидит неизбежность такого последствия как лишение свободы потерпевшего и желает этого. Это желание может быть и на грани безразличия, быть весьма «смазанным», однако предвидение неизбежности последствия свидетельствует о наличии только прямого умысла» [250, с. 53]. Как и в случае заключения Д.Я. Зайдиевой, основной недостаток приводимых авторами суждений – игнорирование специфики законодательной конструкции названного преступления (УК Российской

Федерации, как и уголовный закон Республики Беларусь, закрепляет формальную конструкцию последнего).

В контексте сказанного заслуживает внимания позиция С.Н. Потапкина, по мнению которого «элементы косвенного умысла при криминальном лишении человека свободы скорее свидетельствуют о том, что оно используется в качестве способа совершения иного преступления» [212, с. 130].

Доктринальное обоснование прямого умысла в системе исследуемых преступлений, как представляется, имеет нормативную предпосылку. Поясним наше суждение. По общему правилу, форма вины непосредственно в нормах Особенной части уголовного закона не конкретизируется: по верному утверждению А.Н. Трайнина, каждая диспозиция представляет собой «совокупность элементов, характеризующих объективную сторону преступления» [247, с. 79]. Вместе с тем используемые в законодательной дефиниции преступлений юридические конструкции позволяют в большинстве случаев достаточно определенно заключить о форме вины как признаке соответствующего преступления. Применительно к исследуемой системе деяний нормативными «индикаторами» прямого умысла служат следующие их характеристики.

Во-первых, формальная конструкция составов данных преступлений: поскольку такие преступления признаются оконченными с момента совершения деяния, то косвенный умысел, волевой элемент которого устанавливается в отношении общественно опасного последствия, по своей сути не может определять содержание виновного отношения лица к совершаемому деянию. Как верно заключает А.И. Рарог, в случае формальных составов преступлений «воля человека мобилизована на совершение или несвершение действий, являющихся объективно опасными для общества»; при этом такое действие «всегда желанно, если только оно не совершено под влиянием непреодолимой силы или физического принуждения» [219, с. 148].

Следует отметить, что ч. 3 ст. 24 УК допускает возможность совершения преступлений, не связанных с наступлением общественно опасных последствий, не только умышленно, но и по неосторожности. С этой точки зрения заслуживает внимания тот факт, что уголовное законодательство ряда зарубежных государств (например, § 262 УК Дании [262], ст. 283 УК Голландии [260] и др.) дифференцирует ответственность за некоторые преступления против личной свободы (в частности, за незаконное лишение свободы) в зависимости от формы вины, предусматривая дополнительно норму об ответственности за совершение соответствующего преступления по неосторожности. Как представляется,

юридическая природа исследуемых деяний исключает возможность совершения последних с неосторожной формой вины: на это указывает, с одной стороны, используемая законодателем терминология, а с другой, – включение в перечень признаков, влияющих на повышение типовой степени общественной опасности ряда исследуемых преступлений, групповой формы их совершения. Согласно предписаниям уголовного закона (ч. 1 ст. 16 УК) и положениям уголовно-правовой доктрины [253, с. 198] соучастие возможно только в преступлениях, совершаемых умышленно.

Во-вторых, закрепление в нормах об ответственности за отдельные преступления исследуемой системы (ст. 181 УК, ч. 2 ст. 182 УК) специальной цели и (или) мотива их совершения: целенаправленное и определенно мотивированное деяние не только осознается лицом, но и является для него желаемым, поскольку сознательно избирается им для удовлетворения какой-либо потребности, лежащей в основе его мотивации. Отмеченное влияние мотива и цели преступления на форму вины подчеркивается и в юридической литературе. В частности, по мнению А.И. Рарога, все преступления, которые с субъективной стороны характеризуются специальной целью (специальным мотивом), совершаются только с прямым умыслом [220, с. 46, 42].

В-третьих, включение способа в число признаков (конструктивных или квалифицирующих) исследуемых преступлений: избрание того или иного способа, обеспечивающего исполнение преступного деяния (особенно физического или психического насилия), свидетельствует не только о повышении степени общественной опасности последнего, но и определенно указывает на желание лица добиться своей цели посредством совершения такого деяния, устойчивую направленность его воли на преступное поведение.

Наконец, «индикатором» прямого умысла в системе исследуемых преступлений могут служить и те термины, которые использованы законодателем для описания признаков данных преступлений: в частности, указание на незаконный характер деяния (незаконное лишение свободы (ст. 183 УК), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК)), закрепление признака «заведомо» (ст. 184 УК), содержание действий, характеризующих соответствующее преступление (например, похищение человека, принуждение, эксплуатация человека), которые сами по себе предполагают умышленное отношение к их совершению.

Таким образом, виновность как признак исследуемых преступлений состоит в том, что присущее им деяние совершается лицом умышленно, причем исключительно с прямым умыслом.

Общее определение прямого умысла раскрывается в ч. 2 ст. 22 УК; в ч. 2 ст. 24 УК данное понятие конкретизируется относительно

преступлений, не связанных с наступлением последствий, к числу которых принято относить и преступления против личной свободы. Исходя из положений названных статей закона, психологическое содержание вины при совершении исследуемых преступных посягательств составляют, во-первых, интеллектуальный компонент умысла, который заключается в осознании виновным общественной опасности (социальной вредности) своего деяния – лишения или ограничения свободы другого лица в той или иной форме (захват, удержание и т.д.), во-вторых, волевой признак умысла, проявляющийся в желании совершить такое деяние.

Следует отметить, что помимо понимания социальной вредности своего поведения содержанием умысла субъекта преступления охватывается и осознание «всех фактических обстоятельств», из которых «складывается общественно опасное деяние» и которые «определены в уголовном законе», на что обращают внимание белорусские ученые А.В. Барков [253, с. 141] и И.О. Грунтов [66, с. 59; 67, с. 43], равно как обращали внимание советские ученые-криминалисты (например, А.И. Рарог [219, с. 11], П.С. Дагель [71, с. 83]). Данное обстоятельство, как представляется, предполагает не что иное, как понимание виновным лицом противоправности избранной формы поведения. В контексте сказанного весьма информативной видится позиция А.А. Пионтковского, по мнению которого «общественная опасность и противоправность деяния связаны в уголовном праве как содержание и форма. Едва ли возможно сознавать содержание – степень общественной опасности, требуемой для признания деяния преступным, и не сознавать правового выражения этого содержания – противоправности деяния в смысле уголовного права» [205, с. 355]. Суждение автора особенно актуально относительно общеизвестных преступлений, среди которых особое место занимают деяния, направленные против основополагающих ценностей, в том числе личной свободы.

Действительно, сущность рассматриваемых преступлений такова, что субъекту доступна для восприятия не только асоциальная значимость совершаемых действий, но и очевидна их противоправность. Не случайно в юридической литературе преступления против личной свободы, наряду с посягательствами на жизнь, здоровье, общественную безопасность и т.д., относятся к числу деяний, «осознание общественной опасности и противоправности которых не вызывает сомнений» [294, с. 55]. Данное обстоятельство объясняется как объективной очевидностью незаконности соответствующей формы поведения, так и высокой степенью информированности общества о существующих уголовно-правовых запретах (особенно это касается сферы охраны прав и свобод человека), о распространенных формах и способах совершения преступлений и т.д.

Причем, говоря о понимании противоправности исследуемых деяний, мы имеем в виду не столько осознание виновным лицом содержания конкретного уголовно-правового запрета, сколько понимание того факта, что избранная им форма поведения в принципе запрещена уголовным законом, поскольку нарушает определенные правила, установленные государством (т.е. понимание юридического значения своих действий). Правда, в силу того, что деятельность правоохранительных органов по-прежнему подчиняется принципу «*ignorantia juris nocet*», элемент осознания противоправности деяния, как правило, не включается теорией уголовного права в содержание умысла виновного лица. Не требует этого и уголовный закон Республики Беларусь (ч.ч. 2 ст.ст. 22, 24 УК). Вместе с тем, по верному утверждению В.В. Кулыгина, «если лицо в конкретной ситуации не осознает противоправности своих действий, то никаким иным образом оно не может адекватно оценить их антиобщественную сущность» [127, с. 21], в связи с чем следует согласиться с мнением автора относительно того, что незнание закона может иметь место лишь в отношении преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Помимо того, что исследуемые преступления таковыми не являются (исключение составляет принуждение (ст. 185 УК)), в их системе следует особо выделить такое деяние, как незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184 УК), совершение которого предполагает нарушение специальных правил, знание, понимание и соблюдение которых непосредственно связано с трудовой деятельностью субъекта этого преступления, в связи с чем противоправность соответствующего деяния не может не осознаваться последним. Таким образом, с практической точки зрения осознание запрещенности избранной формы поведения, как правило, характерно для лица, виновного в совершении посягательства на личную свободу, хотя юридически такое осознание не является необходимым признаком интеллектуального компонента его умысла.

Следует отметить, что при характеристике содержания интеллектуального элемента умысла виновного лица авторы традиционно обходят вниманием проблему осознания факта отсутствия согласия потерпевшего на ограничение (лишение) его свободы. Между тем вопрос относительно того, является ли такое осознание обязательным признаком виновного отношения субъекта преступления, имеет ключевое значение при квалификации содеянного в качестве преступления против личной свободы. С этой точки зрения видится не случайным включение законодателем в число криминообразующих признаков ряда исследуемых деяний такого элемента, как способ их совершения. Использование субъектом преступления того или иного способа воздействия на

потерпевшего определенно указывает на то, что виновное лицо не только осознает несоответствие характера совершаемого им деяния волеизъявлению потерпевшего (в связи с чем им, собственно, и избирается определенный способ воздействия на последнего), но и понимает, что без применения такого средства воздействия невозможно выполнение самого преступления.

В целом же, поскольку исследуемые преступления совершаются против или помимо воли потерпевшего, в содержание интеллектуального элемента умысла виновного лица аксиоматично должно входить и осознание факта отсутствия согласия потерпевшего относительно ограничения (лишения) его личной свободы. Исключение составляют случаи совершения соответствующих деяний в отношении лиц, которые по состоянию здоровья или в силу возраста не способны в полной мере понимать характер и возможные последствия совершаемых ими или в отношении них действий, а также лиц, находящихся в зависимом от виновного лица положении, согласие которых, если таковое имеется, нельзя признать полностью добровольным и свободным, что также не может не осознаваться субъектом преступления.

Как отмечается в юридической литературе, при умышленной форме вины определение ее степени зависит «от процесса формирования умысла» [233, с. 158]. Изучение материалов уголовных дел по исследуемой категории преступлений позволяет сделать вывод о том, что большинство преступлений против личной свободы человека совершаются с заранее обдуманым умыслом. Последнее, по мнению российского автора С.В. Складова, может свидетельствовать о повышении степени вины в качестве признака данных преступлений. Вместе с тем в системе исследуемых посягательств можно назвать и такие деяния, которые нередко совершаются под влиянием внезапно возникшего умысла (например, незаконное лишение свободы, принуждение).

С нашей точки зрения, способность лица незамедлительно реализовать в своем поведении решение совершить преступление против человека в форме ограничения (лишения) его свободы указывает не только на высокую степень общественной опасности такого лица, но и свидетельствует о повышении степени его вины, в связи с чем видится необоснованной попытка градации рассматриваемого признака на основе названного выше критерия. Сказанное, в частности, подтверждается отсутствием в ст. 62 УК указания на степень вины как основания индивидуализации наказания.

3.2 Мотивы и цели, влияющие на дифференциацию уголовной ответственности за преступления против личной свободы

Как показывают результаты специальных исследований, виновное отношение лица к совершаемому деянию не исчерпывает психологическую составляющую преступной активности человека [49, с. 75]. Последняя характеризуется сложными потребностно-мотивационными процессами, в структуре которых особое место занимает формирование мотива и цели соответствующего поведения. Не случайно появлению названных психических элементов традиционно отводится роль начального этапа в механизме индивидуального преступного поведения [120, с. 60–61].

Несмотря на столь существенное значение мотива и цели преступления, уголовный закон Республики Беларусь, как правило, не связывает наступление ответственности за преступления против личной свободы с наличием у виновного лица строго определенного мотива и (или) цели (исключение составляет преступление, предусмотренное ст. 181 УК). Вместе с тем некоторые из них оказывают непосредственное влияние на дифференциацию уголовной ответственности за отдельные посягательства исследуемой системы, будучи учтенными в качестве квалифицирующих признаков данных преступлений.

В теории уголовного права мотивом признается «осознанное побуждение, которым руководствуется лицо, совершая преступление, обусловленное желанием достичь определенной цели» [253, с. 156]. В свою очередь, цель определяется как «идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления» [220, с. 45]. Поскольку, как отмечалось выше, мотив и цель обязательными признаками преступлений против личной свободы не являются, авторы, занимающиеся проблематикой уголовно-правовой охраны личной свободы, по общему правилу, указывают на их факультативный характер, хотя встречается и обратная точка зрения (главным образом, в работах российских ученых). Так, по мнению А.В. Клименко, «лицо, похитившее человека, преследует такую цель, как дальнейшее его удержание. Следовательно, для этого состава преступления цель – конструктивный признак» [101, с. 84]. Аналогичной точки зрения придерживается и Е.А. Кислова [100, с. 75]. А.Г. Блажнов, проводя различие между целями первого (нажива, месть и т.д.) и второго порядка («прогнозируемое виновным состояние ограничения передвижения в пространстве потерпевшего»), признает последние в качестве обязательного признака преступлений против личной свободы даже в том случае, когда в диспозиции статьи отсутствует

специальное указание на цель совершения соответствующего преступления [31, с. 96]. Существование подобных точек зрения объясняется сложностью структуры потребностно-мотивационной сферы человека: в зависимости от того, какой элемент данной сферы принимается за основу – доминирующие или промежуточные потребности, цели, мотивы и т.д. – варьируется и представление о характере и роли мотивов и целей в структуре преступного поведения.

Поскольку диспозиции норм о преступлениях против личной свободы, по общему правилу, не связывают наступление ответственности за их совершение с наличием у субъекта строго определенных мотивов и (или) целей, указанные субъективные составляющие не могут оцениваться как конструктивные признаки исследуемых преступлений (за исключением торговли людьми, противоправность которой обусловлена специальной целью – эксплуатацией человека (ч. 1 ст. 181 УК)). Однако в силу того, что данные преступления относятся к категории умышленных деяний, совершаемых исключительно с прямым умыслом, немотивированными и нецеленаправленными такие деяния быть не могут. С этой точки зрения установление подлинных мотивов и целей совершения данных преступлений имеет существенное значение для уяснения их сущности, выявления подлинного содержания умысла виновного лица, определения степени деформации его личности и на этой основе избрания справедливой меры уголовной ответственности. Как отмечает Д.А. Плетенева, мотив «одновременно характеризует и степень общественной опасности деяния, и важнейшие свойства личности виновного» [208, с. 122–123]. Аналогичная оценка может быть дана и цели преступления. В силу отмеченных обстоятельств установление мотивов и целей исследуемых преступлений должно иметь место в каждом случае их совершения. Вместе с тем, как показывает изучение материалов уголовных дел по данной категории преступлений, сведения относительно мотивов и целей их совершения фактически отсутствуют, что свидетельствует о реализации в деятельности правоохранительных органов ограничительного подхода к оценке названных субъективных признаков преступления.

Как следует из содержания уголовных дел, превалирующим мотивом при совершении преступлений против личной свободы являются корыстные побуждения, что, в принципе, совершенно естественно: по верному заключению Б.С. Волкова, корысть – это не только распространенный, но и один из самых сильных «по силе своего казуального воздействия на личность» побудительный мотив [49, с. 42]. Для введения его в систему признаков исследуемых преступлений законодателем использованы различные технико-юридические приемы. Так, закрепление в названии преступления, предусмотренного ст. 181-1

УК, словосочетания «использование рабского труда» позволяет предположить о наличии у субъекта данного преступления корыстной мотивации в качестве одного из существенных признаков названного посягательства. На данное обстоятельство указывает и используемая в уголовно-правовом определении последнего терминология: с этимологической точки зрения понятие «эксплуатация» (от франц. – использование, извлечение выгоды), которое законодатель закрепляет в ч. 1 ст. 181-1 УК для характеристики запрещенных форм поведения, означает присвоение результатов чужого труда собственниками средств производства [34, с. 9], что само по себе подразумевает наличие у виновного лица корыстной заинтересованности в выборе такого варианта поведения. Правда, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК отсутствует упоминание о данном мотиве, последний может лишь предполагаться.

До внесения изменений и дополнений в ст. 181 УК, обусловленных принятием Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178], сказанное в полной мере относилось и к такому преступлению, как торговля людьми. Использование в названии данного преступления понятия «торговля», закрепление в качестве его криминообразующих признаков таких форм поведения, как купля-продажа и совершение иной сделки в отношении человека, а также отсутствие в перечне средств дифференциации ответственности за данное деяние признака «из корыстных побуждений» позволяло допустить наличие корыстного мотива в качестве одной из характеристик указанного преступления.

Согласно действующей редакции ст. 181 УК совершение деяний, характеризующих торговлю людьми, из корыстных побуждений признается основанием повышения ответственности за данное преступление (п. 3 ч. 2 ст. 181 УК). В отличие от белорусского законодателя превалирование корыстной мотивации при совершении торговли людьми подтолкнуло законодателей ряда зарубежных государств включить в норму об ответственности за указанное преступление элементы корысти в качестве конструктивного признака этого преступления (например, § 236 УК ФРГ [275], ст. 147 УК Литвы [267], ст. 165 УК Молдовы [271] и др.). Мы солидарны с теми авторами, которые полагают, что корыстный мотив, как правило, является доминирующей побудительной силой в отношении поведения лица, передающего «живой товар» (например, продавца [79, с. 97]). Учитывая наличие в

законодательном определении торговли людьми (ч. 1 ст. 181 УК) указания на специальную цель совершения данного преступления – эксплуатацию потерпевшего, корыстный мотив может быть признан основным (преобладающим) мотивом и в случае получателя такого товара. Что касается иных форм торговли людьми, то они могут направляться как корыстными, так и иными мотивами. В контексте сказанного представляется не совсем обоснованным прием введения корыстных побуждений в систему обязательных признаков торговли людьми. Вместе с тем отмеченные выше положения не позволяют в полной мере согласиться и с позицией отечественного законодателя в части уголовно-правовой оценки указанного субъективного признака.

Как было сказано ранее, действующая редакция ст. 181 УК в качестве конструктивного признака торговли людьми предусматривает наличие у субъекта преступления специальной цели – эксплуатации потерпевшего. Нацеленность субъекта на эксплуатацию человека, исходя из семантического и законодательного определения таковой, фактически означает, что лицо, виновное в торговле людьми, должно осознавать подчиненность совершаемых им действий стремлению извлечь какую-либо выгоду, пользу за счет другого человека. Иными словами, сама по себе цель последующей эксплуатации потерпевшего в составе торговли людьми может в ряде случаев служить своего рода «индикатором» корыстной заинтересованности субъекта данного преступления в выборе соответствующей формы поведения. Особенно актуально это замечание относительно фактов совершения характеризующих торговлю людьми деяний, когда такого рода деяния становятся для субъекта рассматриваемого преступления начальным этапом криминальной эксплуатации потерпевшего. Однако даже в тех случаях, когда собственно эксплуатация человека не охватывается волевым компонентом умысла субъекта торговли людьми и характеризует поведение третьих лиц, превалирующим мотивом совершения преступления, предусмотренного ст. 181 УК, все же остаются корыстные побуждения, что непосредственно следует из материалов уголовных дел, возбужденных по факту торговли людьми.

Сказанное позволяет предположить, что в практическом отношении при квалификации содеянного в качестве торговли людьми правоприменитель в большинстве случаев (если не во всех) будет вынужден применять ч. 2 ст. 181 УК. Подобная практика, к сожалению, уже известна истории применения данной нормы: речь идет о предыдущей редакции ст. 181 УК, когда наиболее типичные способы совершения торговли людьми были выведены за рамки основного состава рассматриваемого преступления, что фактически исключало квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 181 УК. Исходя из того, что новая

формулировка криминообразующих признаков торговли людьми охватывает наиболее распространенные способы совершения данного преступления, устранение отмеченного недостатка стало одной из причин принятия новой редакции ст. 181 УК. В контексте сказанного вполне вероятно ситуация, когда по причине неэффективности ч. 1 ст. 181 УК законодатель будет вынужден исключить и «корыстные побуждения» из перечня средств дифференциации ответственности за торговлю людьми. Как справедливо отмечает Т.А. Плаксина, существуют определенные требования к «максимально допустимой для дифференциации ответственности распространенности тех вариантов каких-либо деяний, которые характеризуются повышенной степенью общественной опасности: преступления, сопровождаемые любым из обстоятельств, претендующих на статус квалифицирующих ... не должны составлять абсолютного большинства совершаемых преступлений данного вида» [207, с. 34].

Наконец, говоря о необоснованности включения корыстных побуждений в систему средств дифференциации ответственности за торговлю людьми, необходимо указать и на характер уголовно-правовых последствий за совершение данного преступления, которые определены в санкции ч. 1 ст. 181 УК и которые, по сути, служат своего рода нормативным показателем корыстной направленности исследуемого деяния. Дело в том, что наряду с лишением свободы указанная часть ст. 181 УК в качестве обязательного дополнительного наказания предусматривает конфискацию имущества. При этом согласно прямому указанию уголовного закона (ч. 2 ст. 61 УК) данная мера ответственности устанавливается лишь за те преступные деяния (тяжкие и особо тяжкие), которые совершаются из корыстных побуждений. В контексте сказанного логично предположить, что, формулируя санкцию ч. 1 ст. 181 УК, законодатель исходил из того, что сущностным признаком преступления, предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 181 УК, являются корыстные побуждения. Изложенное позволяет сделать вывод о целесообразности исключения мотива «из корыстных побуждений» из перечня средств дифференциации ответственности за торговлю людьми (п. 3 ч. 2 ст. 181 УК).

Аналогичный принятому в ст. 181 УК подход к закреплению корыстного мотива получил отражение и в норме об ответственности за похищение человека (п. 3 ч. 2 ст. 182 УК), что в целом соответствует законодательной практике многих зарубежных государств (хотя и в данном случае, формулируя санкцию ч. 1 ст. 182 УК, законодатель допустил возможность применения конфискации имущества в качестве дополнительного наказания, что не в полной мере соотносится с положениями ч. 2 ст. 61 УК). Следует отметить, что в отличие от уголовного закона Республики Беларусь зарубежное уголовное

законодательство, как правило, закрепляет более широкий перечень преступлений против личной свободы, квалифицирующим признаком которых является корыстный мотив. В частности, помимо похищения человека данный мотив повышает типовую степень общественной опасности таких посягательств на личную свободу, как незаконное помещение в психиатрический стационар (больницу) (п. «а» ч. 2 ст. 127 УК Казахстана [270], п. «а» ч. 2 ст. 133 УК Таджикистана [273]), незаконное лишение свободы (ч. 2 § 261 УК Дании [262], ч. 2 ст. 146 УК Украины [167], ст. 184 УК Швейцарии [277], п. «з» ч. 2 ст. 126 УК Казахстана [270], п. «з» ч. 2 ст. 131 УК Таджикистана [273]) и др.

Содержание корысти раскрывается в п. 10 ст. 4 УК: корыстными побуждениями признаются «мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат». Корыстная заинтересованность в выборе преступного варианта удовлетворения потребности в материальном благополучии свидетельствует о существенной деформации системы ценностных ориентиров и механизмов внутреннего контроля виновного лица, о его асоциальной направленности, что, в свою очередь, влечет повышение степени общественной опасности как самого лица, так и преступления, им совершаемого. Кроме того, поскольку корыстные побуждения, по общему правилу, связаны со стремлением виновного лица извлечь выгоду имущественного характера, например в форме завладения имуществом, денежными средствами потерпевшего, то корысти, как правило, корреспондирует появление дополнительного объекта преступления – отношений собственности, что может быть признано фактором, влияющим на степень общественной опасности соответствующего деяния. Отмеченные обстоятельства, с одной стороны, подтверждают рациональность законодательной оценки названного мотива в качестве квалифицирующего признака отдельных преступлений против личной свободы, а именно похищения человека (п. 3 ч. 2 ст. 182 УК). С другой стороны, они свидетельствуют об отсутствии единообразного подхода к уголовно-правовой оценке влияния данного мотива на степень общественной опасности деяния: если торговля людьми и похищение человека из корысти признаются тяжкими преступлениями, то использование рабского труда, для которого корыстный мотив является существенной характеристикой деяния, отнесено законодателем к категории менее тяжких преступлений, что в очередной раз актуализирует проблему пересмотра санкций ст. 181-1 УК.

Помимо мотива к числу признаков, оказывающих влияние на уголовную ответственность за отдельные преступления против личной

свободы, относится и цель их совершения. Одной из таких целей является цель эксплуатации потерпевшего, с наличием которой действующий УК связывает возможность квалификации содеянного в качестве торговли людьми (ч. 1 ст. 181 УК) и которая является средством дифференциации ответственности за похищение человека (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК). Законодательная дефиниция эксплуатации изложена в примечании к ст. 181 УК. После внесения изменений и дополнений в УК, связанных с введением в действие Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178], уголовно-правовое определение эксплуатации подверглось существенным редакционным изменениям. Новая дефиниция эксплуатации, предложенная законодателем, содержательно включает в себя и сексуальную эксплуатацию, что, с одной стороны, отразилось на структуре примечания к ст. 181 УК – в нем отсутствует часть, определяющая признаки данной формы обращения с человеком, а с другой стороны, повлекло за собой исключение цели сексуальной эксплуатации из перечня средств дифференциации ответственности за торговлю людьми. Кроме того, указанное изменение уголовного закона предопределило использование обобщенной формулировки для обозначения соответствующего признака в норме об ответственности за похищение человека (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК).

Действующий уголовный закон (примечание к ст. 181 УК) предусматривает следующее определение эксплуатации: «Под эксплуатацией в настоящей статье, статьях 181-1, 182 и 187 настоящего Кодекса понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством».

Прежде чем говорить о качественной составляющей нового законодательного определения эксплуатации, несколько слов об обоснованности признания специальной цели (эксплуатации потерпевшего) конструктивным признаком деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК. Подобный подход к определению сущности данного преступления, отражая его международно-правовое понимание, известен уголовному законодательству отдельных государств, в числе которых и Российская Федерация. С точки зрения развития отечественного

уголовного закона отмеченное обстоятельство имеет особое практическое значение, поскольку указывает на наличие у соответствующего уголовно-правового запрета определенной правоприменительной «истории», позволяющей судить об эффективности нормы, сконструированной с учетом названного субъективного признака. Однако исходя из того, что нормативное определение торговли людьми в части закрепления специальной цели не перестает быть предметом острой критики на страницах российской юридической печати, реализация данного законодательного подхода в отечественном уголовном законе (ч. 1 ст. 181 УК) вызывает вполне обоснованные опасения относительно его рациональности.

Как показывает изучение специальных источников, наиболее распространенные замечания в рассматриваемой области касаются следующих моментов.

Во-первых, указание на цель эксплуатации в качестве обязательного признака торговли людьми снижает уголовно-правовой потенциал соответствующей нормы, поскольку лишает возможности привлечения к ответственности лица, действующего в иных, не менее опасных, чем последующая эксплуатация, целях [43, с. 24]. С нашей точки зрения, закрепление специальной цели в ч. 1 ст. 181 УК ориентировано либо на «классическую» форму совершения торговли людьми, предполагающую поэтапное выполнение лицом, намеревающимся осуществлять эксплуатацию потерпевшего, большинства указанных в диспозиции ч. 1 ст. 181 УК деяний, либо на групповую форму совершения данного преступления, характеризующуюся наличием предварительного сговора, когда деяния всех соучастников охватываются единством умысла, подчинены соответствующей цели и предопределяются высокой степенью информированности об обстоятельствах совершения рассматриваемого преступления. В действительности же в целях эксплуатации потерпевшего действует вербовщик людей, поведение которого следует признать самостоятельным посягательством на личную свободу, о чем было сказано в главе первой настоящей работы; цели эксплуатации, как правило, подчинены действия лица, получающего «живой товар». Наконец, цель эксплуатации, даже если она не является определяющей, может осознаваться субъектом, передающим человека. Что касается лиц, совершающих такие действия, как укрывательство, перевозка, а в ряде случаев и передача человека, то их поведение, как показывает изучение материалов уголовных дел, направляется, главным образом, целью извлечения определенной выгоды, прежде всего, материального характера.

Во-вторых, как подчеркивается в исследованиях ряда российских авторов, заключение которых – надо полагать – основывается на изучении

практики применения соответствующей уголовно-правовой нормы, «даже при наличии у виновного специальной цели доказать ее ... практически невозможно» [43, с. 24]. Сказанное особенно актуально относительно случаев торговли младенцами, проблематичность доказывания эксплуатации которых обусловлена и «объективной невозможностью получения показаний жертвы предполагаемой эксплуатации» [6, с. 5]. При этом, по верному утверждению Е.Е. Шалимова, если цель «не будет доказана в ходе следствия, действия лица исключают основания уголовной ответственности» [287, с. 9].

В-третьих, признание специальной цели конструктивным признаком торговли людьми не учитывает наличие в системе квалифицирующих признаков данного преступления его совершение в отношении несовершеннолетнего (п. 9 ч. 2 ст. 181 УК) и малолетнего лица (ч. 3 ст. 181 УК). Как отмечается в специальных источниках, практике известны ситуации, когда такие лица передаются «продавцом», равно как приобретаются покупателем, из соображений обеспечить ребенку «лучшее будущее, из-за невозможности его содержать» и т.д. [75, с. 15]; в большинстве случаев торговля несовершеннолетними осуществляется с целью их последующего усыновления [279, с. 58]. Совершенно очевидно, что подобные обстоятельства не подпадают под признаки эксплуатации, предусмотренные действующим уголовным законом. По обоснованному заключению отдельных авторов, данный факт может свидетельствовать о «незаметной частичной декриминализации общественно опасных посягательств на несовершеннолетних» [279, с. 58], что не только не отвечает требованиям белорусского законодательства в области обеспечения повышенной защиты прав детей, но и противоречит логике формулирования законодателем квалифицированного и особо квалифицированного составов торговли людьми в части закрепления таких средств дифференциации ответственности, как совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. 9 ч. 2 ст. 181 УК) и заведомо малолетнего (ч. 3 ст. 181 УК) лица.

Помимо отмеченных проблемных аспектов, введение в основной состав торговли людьми специальной цели – эксплуатации потерпевшего, с нашей точки зрения, неизбежно повлечет за собой искусственное уменьшение степени общественной опасности соответствующего деяния и, как следствие, смягчение уголовной ответственности. Поясним наше суждение. Эксплуатация человека, исходя из предложенных в новой редакции примечания к ст. 181 УК признаков, в числе которых следует выделить незаконное принуждение лица к забору органов и (или) тканей, сопряжена с причинением вреда дополнительным объектам уголовно-правовой охраны, прежде всего, здоровью человека. Как следствие,

действия, подчиненные цели эксплуатации, будучи изначально направленными на причинение вреда как основному (личная свобода), так и дополнительным объектам, характеризуются более высокой степенью общественной опасности, что, в свою очередь, должно отразиться на уголовно-правовой оценке соответствующего деяния. Не случайно в норме о похищении человека цель изъятия у него органов или тканей для трансплантации (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК) учитывается законодателем в качестве средства дифференциации ответственности, призванного отразить изменение типовой степени общественной опасности названного преступления.

Указанные выше положения заставляют усомниться в правильности избранного законодателем подхода в части признания цели эксплуатации конструктивным признаком торговли людьми. Однако исключение данного признака из определения рассматриваемого преступления, как представляется, возможно лишь при условии изменения законодательного подхода к характеристике противоправности последнего, а именно возврата к такой известной для УК форме торговли людьми, как купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека.

Определенные недостатки имеет и предложенная законодателем дефиниция эксплуатации, которая характеризует не только содержание специальной цели в основном составе торговли людьми (ч. 1 ст. 181 УК) и является квалифицирующим признаком похищения человека (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК), но и определяет сущность деяния в составе преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК. В отличие от предыдущей редакции примечания к ст. 181 УК новая дефиниция исследуемого явления дополнена указанием на некоторые виды работ (услуг), принуждение к которым должно рассматриваться в качестве эксплуатации человека. На первый взгляд, такого рода конкретизация призвана исключить оценочный аспект дефинируемого явления, в связи с чем заслуживает положительной оценки. Однако, учитывая то обстоятельство, что в предложенной формулировке эксплуатации перечень действий, к которым может принуждаться потерпевший, остается открытым, используемый в уголовном законе подход с практической точки зрения ничего принципиально нового не дает. Более того, содержание и характер уголовно-правовых норм предопределяют обоснованность закрепления такого рода конкретизирующих положений преимущественно в специальных актах официального судебного толкования (например, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами уголовного законодательства по делам о преступлениях против личной свободы», актуальность разработки которого отмечалась ранее). Однако и в этом случае более перспективным

видится прием обобщенной формулировки возможных форм эксплуатации человека.

Помимо сказанного новая формулировка эксплуатации обращает на себя внимание и с точки зрения содержания деяний, к которым может принуждаться потерпевший. Во-первых, включив в их перечень действия сексуального характера, законодатель распространил понятие эксплуатации и на такую ее разновидность, как сексуальная эксплуатация, которой предыдущая редакция примечаний к ст. 181 УК уделяла повышенное внимание. Подтверждением служила не только отдельная дефиниция данного явления (ч. 2 примечаний к ст. 181 УК), но и особое его акцентирование в предшествующей редакции п. 4 ч. 2 ст. 182 УК. Несмотря на то, что с точки зрения общественной опасности (равно как масштабов распространенности) иные формы эксплуатации не уступают сексуальной эксплуатации, разъяснение сущности последней имеет большое практическое значение. Поясним наше суждение.

Под сексуальной эксплуатацией в теории уголовного права понимается «противоправное и наказуемое использование сексуальности как особого физиологического свойства человека помимо или против его воли, в целях получения финансовой или иной выгоды» [236, с. 8]. Рассматривая данную форму эксплуатации как разновидность эксплуатации труда в сфере проституции и иных смежных сферах [167, с. 374], авторы традиционно связывают ее проявления с такими актами поведения, как использование занятия проституцией, использование потерпевшего для производства порнографической продукции (например, Ю.П. Смирнов [236, с. 8], Ю.В. Трунцевский, А.В. Сумачев [249, с. 99–100]) и т.д. По сходному пути идет и международно-правовая трактовка указанных явлений, о чем, в частности, свидетельствует общее определение эксплуатации человека, получившее закрепление в Палермском Протоколе. Поскольку подобные формы поведения при определенных обстоятельствах могут быть квалифицированы и как самостоятельные преступления (например, по ст.ст. 170, 171-1 УК), и как деяния, охватываемые признаками преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, разъяснение содержания сексуальной эксплуатации позволило бы раскрыть сущностные признаки данного явления и, тем самым, способствовало бы предупреждению конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм.

Во-вторых, видится не вполне обоснованным включение в общее определение эксплуатации и такого деяния, как незаконное принуждение к забору у человека органов и (или) тканей. В данном случае основные недостатки предлагаемого подхода сводятся к следующему:

1) не в полной мере учитывается повышенная степень общественной опасности деяний, характеризующих торговлю людьми, которые предопределяются целью изъятия у потерпевшего органов и (или) тканей, в связи с чем направлены на причинение вреда не только личной свободе, но и здоровью человека, его личной неприкосновенности. Не случайно действующий УК признает цель изъятия органов или тканей для трансплантации средством дифференциации ответственности за похищение человека; такой же подход к оценке данного субъективного признака получил закрепление и в нормах об ответственности за иные преступления, например, убийство (п. 9 ч. 2 ст. 139 УК), умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (п. 4 ч. 2 ст. 147 УК);

2) актуализируется вопрос о дифференциации ответственности при сопоставлении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК, со смежными преступными деяниями. В частности, цель эксплуатации, равно как цель изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, в норме о похищении человека сохранены законодателем в качестве признака, влияющего на повышение типовой степени общественной опасности данного преступления, в связи с чем совершение последнего в указанных целях будет влечь более строгую меру ответственности, нежели совершение с той же целью еще более циничного посягательства – торговли людьми;

3) возникает проблема избыточности средств дифференциации ответственности за похищение человека: признавая незаконное принуждение к забору органов и (или) тканей человека элементом возможной эксплуатации, уголовный закон при этом сохраняет в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков совершение данного преступления как в целях эксплуатации (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК), так и в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК);

4) создается конкуренция нормы об ответственности за использование рабского труда (ст. 181-1 УК), которая криминализирует все формы эксплуатации человека, подлежащие трактовке в контексте примечания к ст. 181 УК, и нормы о принуждении к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163 УК).

Наконец, следует обратить внимание и на проблему внутренней противоречивости юридического оборота «принуждение к забору у человека органов и (или) тканей», используемого для характеристики содержания эксплуатации человека и заставляющего задуматься о том, в какой роли должен выступить принуждаемый (т.е. потерпевший): в роли лица, у которого насильственно изымаются органы и (или) ткани (в таком случае правильнее использовать конструкцию «принуждение к даче»

указанных биоматериалов по аналогии со ст. 163 УК), либо в роли лица, которое принуждается к забору органов или тканей у иного человека, что, в свою очередь, ориентирует направленность определения эксплуатации в этой части в отношении узкого круга потерпевших, а именно медицинских работников, так или иначе связанных с трансплантацией органов и тканей человека. В контексте указанных выше проблемных аспектов видится не случайным решение российского законодателя исключить из общего определения эксплуатации признак изъятия органов и тканей человека (изменения в УК Российской Федерации 2004 г.).

Как представляется, законодательное определение эксплуатации должно предусматривать обобщенную дефинитивную формулу данного явления, позволяющую охватить все возможные варианты его проявления. При этом следует принимать во внимание сущностные признаки эксплуатации, к числу которых могут быть отнесены следующие: наличие системы принуждения в отношении потерпевшего, которое обеспечивается применением к нему физического и (или) психического насилия, равно как мер экономического воздействия; осуществление потерпевшим трудовой или иной деятельности (оказание сексуальных и иных услуг), не связанной с удовлетворением его индивидуальных потребностей и интересов; отсутствие законных оснований для присвоения результатов трудовой или иной деятельности (оказанных услуг) потерпевшего третьими лицами; ограничение (лишение) личной свободы потерпевшего, закономерно влекущее за собой нарушение иных, помимо права на свободу, субъективных прав человека; невозможность лица прекратить состояние эксплуатации по причинам, от него не зависящим. В качестве таковых законодатель называет рабство и обычаи, сходные с рабством, которые (по смыслу уголовного закона) не исчерпывают возможный перечень данных причин, в связи с чем закономерно возникает вопрос о том, следует ли относить к их числу обстоятельства объективной действительности, заставляющие человека принимать дискриминационные условия труда (иной деятельности), возникновение которых не зависит от воли виновного лица. К таким обстоятельствам можно отнести тяжелое материальное положение, отсутствие работы либо проблематичность ее получения и иные подобные факторы, которые значительно облегчают возможность установления системы принуждения и контроля в отношении лица, оказавшегося в таком положении.

Названные и иные подобные обстоятельства, не затрагивая общего статуса человека, свидетельствуют лишь об уязвимости его положения, однако не лишают свободы и, тем самым, не исключают возможности инициировать прекращение дискриминационных трудовых или других аналогичных отношений (в отличие от рабства и сходных с ним обычаев).

В контексте сказанного следует предположить, что в норме уголовного закона (примечание к ст. 181 УК) речь идет исключительно о причинах, обусловленных неправомерным поведением субъекта преступления, которые не позволяют потерпевшему без опасения за безопасность своей жизни, здоровья, имущества и т.д. отказаться от требуемого варианта поведения.

С тем чтобы усилить отмеченную составляющую эксплуатации и не допустить расширительного толкования уголовного закона в этой части, а также учитывая изложенные выше недостатки новой уголовно-правовой дефиниции данного явления (примечание к ст. 181 УК), понятие эксплуатации постановочно может быть определено следующим образом: *«Под эксплуатацией понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию сексуальных и иных услуг в случае, если он не может без опасения за собственную безопасность или безопасность близких ему лиц отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство либо институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние)».*

Помимо эксплуатации содержание специальной цели, влияющей на дифференциацию ответственности за отдельные преступления против личной свободы, характеризует и изъятие у потерпевшего органов или тканей для трансплантации. Как отмечалось ранее, действующий уголовный закон придает указанной цели статус основания повышения ответственности за похищение человека (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК); этот же признак служил средством дифференциации ответственности за торговлю людьми до принятия Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [178].

Несмотря на возникновение проблемы соотношения квалифицирующих признаков, предусмотренных п.п. 4 и 5 ч. 2 ст. 182 УК, которая предопределяется действующей редакцией примечания к ст. 181 УК, принятое законодательное определение эксплуатации, будучи не вполне удачным с точки зрения характеристики самой эксплуатации, в то же время заслуживает внимания с позиции возможного совершенствования нормативного описания такого основания повышения ответственности, как «с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации» (п. 5 ч. 2 ст. 182 УК). Поясним наше суждение.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» трансплантация представляет собой процедуру замещения у реципиента путем проведения медицинского вмешательства

отсутствующих или поврежденных органов и (или) тканей человека, не способных выполнять свои жизненно важные функции, органами и (или) тканями, которые были получены в результате забора органов и (или) тканей человека [202]. С точки зрения функционального назначения трансплантация является средством обеспечения нормальной жизнедеятельности реципиента, способом охраны его здоровья и, по сути, основой выздоровления. Отмеченное обстоятельство дает основание заключить, что сама по себе цель изъятия биоматериалов для трансплантации не может быть оценена в качестве фактора, влияющего на степень общественной опасности соответствующего преступного деяния, в связи с чем при законодательном описании рассматриваемого признака основной и, по сути, единственный акцент должен быть сделан исключительно на первичную цель, а именно на цель незаконного принудительного изъятия органов или тканей у потерпевшего безотносительно к цели дальнейшего распоряжения ими (отчасти этот подход и реализован в новом определении эксплуатации при конкретизации составляющих ее действий). Как представляется, лишь данная цель совершения преступления, детерминируя появление дополнительного объекта – отношений по поводу обеспечения здоровья потерпевшего, и предопределяет повышение степени общественной опасности совершаемого деяния. Кроме того, закрепление в уголовном законе цели последующего использования биоматериалов чревато значительным сужением пределов криминализации, поскольку исключает из сферы действия п. 5 ч. 2 ст. 182 УК случаи совершения данного преступления в целях изъятия органов или тканей человека для проведения научных экспериментов, культовых (религиозных) ритуалов, изготовления лекарственных препаратов, в целях получения материальной выгоды и др.

Следует отметить, что уголовное законодательство некоторых зарубежных государств (например, ч. 3 ст. 149 УК Украины [167]), наряду с целью изъятия органов или тканей для трансплантации, предусматривает и цель насильственного донорства крови в качестве средства дифференциации ответственности за торговлю людьми. Несмотря на то, что дефинитивная характеристика указанных биоматериалов и правовое регулирование процесса их изъятия (забора) обеспечивается различными правовыми актами, а именно Законом Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» [202] и Законом Республики Беларусь «О донорстве крови и ее компонентов» [183] (при этом отношения, связанные с процессом воспроизводства крови (ее компонентов), прямо исключены из сферы регулятивного воздействия первого из названных актов законодательства), мы полагаем необоснованным представленный выше законодательный прием.

Безусловно, донация крови (ее компонентов), как и изъятие органов и тканей у потерпевшего, сопряжена с угрозой причинения здоровью последнего существенного вреда, в связи с чем должна оказывать влияние на повышение типовой степени общественной опасности того посягательства на личную свободу, которое совершается для достижения цели такого рода донации. Не случайно круг лиц, которые могут быть донорами крови (ее компонентов), ограничен на законодательном уровне (ст. 19 Закона Республики Беларусь «О донорстве крови и ее компонентов»). Однако правовое определение органов и тканей человека в качестве анатомических образований, в числе которых названы и комбинации клеток (ст. 1 Закона Республики «О трансплантации органов и тканей человека»), дает основание сделать вывод о правомерности распространения качества данного биоматериала и на кровь человека: в медицине кровь традиционно признается жидкой тканью человека; такое же понимание крови характерно и для русского языка [185, с. 308].

Учитывая отмеченные ранее недостатки законодательного определения эксплуатации, предопределяющие необходимость дальнейшего совершенствования уголовного закона в данной области, представляется обоснованным восстановление в перечне средств дифференциации ответственности за торговлю людьми признака, аналогичного предусмотренному в п. 5 ч. 2 ст. 182 УК и изложенному в следующей редакции: «с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей».

Статус средства дифференциации ответственности за торговлю людьми, согласно предыдущей редакции п. 8 ч. 2 ст. 181 УК, имела и цель вывоза потерпевшего за пределы государства. Необходимость ужесточения уголовной ответственности за такого рода деяние была продиктована, с одной стороны, распространением данной формы поведения, что закономерно вытекает из «статуса» Республики Беларусь в качестве государства-поставщика «живого товара» [296, с. 41; 130, с. 9; 80, с. 261, 264; 154, с. 41]. С другой стороны, торговля людьми, сопровождающаяся вывозом потерпевшего за пределы государства, сопряжена с поставлением последнего в особо уязвимое положение: оказавшись на территории иностранного государства, потерпевшие, как правило, попадают в полную зависимость от виновных лиц, что значительно упрощает последним возможность дальнейшей эксплуатации или иного распоряжения потерпевшими. Подтверждением сказанного могут служить материалы уголовного дела, рассмотренного судом Центрального района г. Минска. В ходе предварительного следствия было установлено, что у потерпевших от торговли людьми, оказавшихся на территории Ливана, Кипра, Австрии, виновные лица забирали паспорта, их связывали обязательствами по контракту и долговыми расписками,

создавая, тем самым, условия, не позволяющие потерпевшим отказаться от выполнения различного рода работ. При этом потерпевшие претерпевали разнообразные ограничения, а требования виновных лиц должны были выполняться ими независимо от желания и состояния здоровья [21].

Следует отметить, что после принятия Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» ст. 181 УК предусматривает новую формулировку рассматриваемого признака: согласно п. 8 ч. 2 ст. 181 УК вывоз потерпевшего за пределы государства характеризует не цель поведения виновного лица, а деяние-способ торговли людьми. С нашей точки зрения, предложенный подход актуализирует проблему внутренней противоречивости нормы об ответственности за названное преступление: сохраняя за указанным признаком статус средства дифференциации ответственности (по сути, основания ее повышения), законодатель предлагает формулировку данного признака, которая чревата необоснованным смягчением уголовной ответственности. Поясним наше суждение. Для признания деяния, предусмотренного п. 8 ч. 2 ст. 181 УК, оконченным преступлением требуется не только установление направленности действий виновного лица на вывоз потерпевшего за пределы Республики Беларусь (свидетельством может быть подготовка необходимых документов, приобретение билетов, реализация попытки пересечь государственную границу), но и наличие факта действительного перемещения «живого товара» на территорию иностранного государства. При этом задержание виновного в процессе пересечения государственной границы с точки зрения стадии реализации преступного намерения свидетельствует лишь о наличии факта неоконченного преступления, которое может быть квалифицировано как покушение на преступное деяние, предусмотренное п. 8 ч. 2 ст. 181 УК. И хотя, как подчеркивается в учебной литературе, уголовный закон Беларуси не содержит прямого указания на смягчение наказания за неоконченное преступление, это вытекает из ряда статей Общей части УК [253, с. 337].

Сказанное позволяет заключить о нерациональности предложенного редакционного изменения рассматриваемого средства дифференциации ответственности за торговлю людьми и необходимости дальнейшего совершенствования уголовного закона в данной области. При этом направления такого совершенствования предопределяются требованиями объективной действительности. Речь идет о ситуациях, когда в поисках

работы, равно как и по иным причинам, потерпевшие по своей воле оказываются за пределами территории Республики Беларусь и, уже находясь в чужой стране, попадают в поле зрения торговцев «живым товаром». Поскольку в таких случаях совершение действий, связанных с торговлей людьми, не сопряжено с вывозом потерпевшего за пределы государства, наступление повышенной уголовной ответственности по п. 8 ч. 2 ст. 181 УК исключается (речь идет только о преступлениях, подпадающих под действие уголовного закона Республики Беларусь). Между тем и по своей юридической природе, и по степени общественной опасности такого рода преступное поведение имеет много общего с преступлением, предусмотренным названной нормой. Действительно, как указывалось выше, факт пребывания за пределами территории своего государства предполагает большую уязвимость правового статуса человека, что, во-первых, значительно упрощает возможность совершения незаконных сделок в отношении такого лица, а во-вторых, сопряжено с повышенным риском наступления неблагоприятных последствий для потерпевшего. Данное замечание особенно актуально относительно тех ситуаций, когда потерпевшие находятся на территории иностранного государства без законных к тому оснований. Как справедливо отмечает В.В. Марчук, в случае нелегального пребывания на территории такого государства потерпевшие опасаются обращаться за помощью к правоохранительным органам этого государства [152, с. 52], что не может не осознаваться лицами, занимающимися торговлей людьми. В подобных ситуациях не только значительно упрощается механизм установления контроля в отношении потерпевшего, но и исключаются возможные риски, связанные с его перемещением через государственную границу. В контексте сказанного представляется целесообразным дополнить ч. 2 ст. 181 УК таким средством дифференциации ответственности за торговлю людьми, как совершение данного деяния с целью незаконного удержания потерпевшего за границей. В силу отмеченного сходства и определенной взаимосвязи предлагаемого квалифицирующего признака с признаком, закрепленным в п. 8 ч. 2 ст. 181 УК, полагаем возможным их объединение в рамках п. 8 ч. 2 ст. 181 УК.

Для сравнения: аналогичный признак предусмотрен уголовным законом Российской Федерации (п. «г» ч. 2 ст. 127-1 УК России); получил он отражение и в уголовном законе Украины, правда, в качестве особо квалифицирующего признака торговли несовершеннолетними (ч. 3 ст. 149 УК Украины).

Системный анализ норм о торговле людьми и похищении человека позволяет заключить о целесообразности дополнения перечня оснований повышения ответственности за похищение человека таким признаком, как

«с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Вина в преступлениях против личной свободы характеризует внутреннее, психическое отношение человека к совершаемому им деянию, которое может быть реализовано исключительно в виде прямого умысла. Содержание последнего составляют интеллектуальный компонент, предполагающий понимание виновным лицом как общественной опасности своего поведения, так и тех обстоятельств, которые характеризуют его деяние, а также осознание факта отсутствия согласия потерпевшего относительно ограничения (лишения) его личной свободы, и волевой компонент, выражающийся в желании совершить соответствующее посягательство на личную свободу человека. Процесс формирования умысла не влияет на характер и степень общественной опасности исследуемых преступлений.

2. Умышленный характер рассматриваемых деяний указывает на то, что немотивированными и нецеленаправленными они быть не могут. Установление подлинных мотивов и целей совершения данных преступлений имеет существенное значение для уяснения их сущности, выявления подлинного содержания умысла виновного лица, определения степени деформации его личности и на этой основе избрания справедливой меры уголовной ответственности. Поскольку сведения о мотивах и целях совершения преступлений против личной свободы в материалах уголовных дел, как правило, отсутствуют, существует необходимость ориентирования следственно-судебных органов на установление названных признаков по каждому факту противоправного нарушения личной свободы.

С наличием некоторых мотивов и целей в системе исследуемых преступлений законодатель связывает наступление повышенной уголовной ответственности. Для оптимизации их законодательного определения видится целесообразным:

1) формулировку эксплуатации изложить следующим образом: *«Под эксплуатацией понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию сексуальных и иных услуг в случае, если он не может без опасения за собственную безопасность или безопасность близких ему лиц отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство либо институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние)».*

В силу того, что эксплуатация является признаком ряда преступлений против личной свободы (как основного, так и квалифицированного их составов), определение эксплуатации следует изложить в специальном

примечании к главе, систематизирующей исследуемые деяния, обеспечив соответствующие изменения в ст. 181 УК;

2) исключить из перечня средств дифференциации ответственности за торговлю людьми такой признак, как *«из корыстных побуждений»* (п. 3 ч. 2 ст. 181 УК);

3) признак, предусмотренный п. 5 ч. 2 ст. 182 УК, изложить в следующей редакции: *«с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей»*; дополнить ч. 2 ст. 181 УК аналогичным основанием повышения ответственности за совершение торговли людьми;

4) признак *«с вывозом лица за пределы государства»*, являющийся средством дифференциации ответственности за торговлю людьми (п. 8 ч. 2 ст. 181 УК), дополнить указанием на *цель незаконного удержания потерпевшего за границей* и изложить в следующей редакции: *«с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства»*;

5) дополнить перечень признаков, являющихся основанием повышения ответственности за похищение человека (ч. 2 ст. 182 УК), таким признаком, как *«с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование вопросов уголовно-правовой охраны личной свободы позволило сделать следующие выводы:

1. Системный анализ конституционных норм, положений международных актов, отраслевого законодательства, а также результатов доктринальных исследований по рассматриваемой проблематике дает основание определять *личную свободу* как состояние независимости человека, позволяющее ему на основе собственных интересов и потребностей и с учетом правовых и нравственных ограничений самостоятельно или при помощи других лиц, действующих в его интересах, принимать и реализовывать решения относительно своего поведения. В таком качестве личная свобода характеризует, с одной стороны, возможность человека беспрепятственно осуществлять свою физиологическую функцию движения, а с другой, – состояние независимости от чужой воли, отсутствие незаконного изоляционного, иного принудительного воздействия, препятствующего волеизъявлению человека относительно направленности и формы своего поведения.

Исходя из сущностной характеристики личной свободы, а также характера воздействия, способного ограничить данное состояние, в содержании личной свободы следует выделять такие формы ее проявления, как физическая свобода (свобода от физического принуждения, в том числе свобода перемещения и оставления места нахождения) и свобода принятия решения относительно совершения или не совершения какого-либо действия (свобода от психического принуждения, препятствующего независимому выбору варианта своего поведения).

В качестве объекта уголовно-правовой охраны личная свобода представляет собой *социальную ценность*, гарантированную Конституцией и поставленную под защиту УК. Исходя из места личной свободы в системе прав и свобод человека, предусмотренных в Основном Законе Республики Беларусь, равно как в основополагающих международных актах, личная свобода может быть признана второй по значимости (после права на жизнь) социальной ценностью, гарантирование которой обеспечивается как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Исходя из содержания наиболее значимых с технико-юридической точки зрения законодательных актов, можно выделить следующие этапы становления уголовно-правовой охраны данного объекта:

- 1) дифференцирование правовой охраны личной свободы в зависимости от сословной принадлежности человека (XI в. – середина XIX в.);
- 2) формирование элементов системного подхода к построению перечня

преступлений против личной свободы (середина XIX в. – начало XX в.); 3) юридическое оформление ограничительного подхода в сфере уголовно-правовой охраны личной свободы (20-е гг. XX в. – конец XX в.); 4) современный период, отражающий стремление законодателя обеспечить всестороннюю охрану исследуемого объекта (с начала XXI в.).

С ретроспективной точки зрения все посягательства на личную свободу могут быть подразделены на две группы: 1) преступления, известные предшествующим актам отечественного уголовного законодательства и вошедшие в модифицированном виде в УК; 2) преступления, появившиеся в УК в результате современного правотворчества, в том числе на основе принятых международных обязательств. Большинство предусмотренных УК преступлений против личной свободы могут быть отнесены к первой классификационной группе, что, с одной стороны, подчеркивает преемственность уголовного закона в сфере криминализации исследуемых деяний, а с другой, – указывает на постоянство основных форм посягательств на личную свободу, их «приспосабливаемость» к изменяющимся условиям, дополнительно подтверждая высокую степень их общественной опасности.

Сравнительно-правовое исследование преступлений против личной свободы позволяет сделать вывод о значительной степени унификации зарубежного законодательства в данной области. При этом общность правового регулирования наиболее отчетливо проявляется относительно следующих аспектов: во-первых, круга деяний, признаваемых зарубежными законодателями преступлениями против личной свободы; во-вторых, места норм об ответственности за их совершение в системе Особенной части УК; в-третьих, технико-юридических приемов конструирования соответствующих уголовно-правовых норм

2. Поскольку круг преступлений, совершение которых сопряжено с ограничением или лишением личной свободы, весьма обширен, нами предложен системный подход к построению перечня деяний, направленных против исследуемого объекта уголовно-правовой охраны. В основе данного подхода лежит, во-первых, формирование целостного представления относительно понятия и существенных признаков данных преступлений, во-вторых, исследование деяний, признаваемых УК посягательствами на личную свободу, с точки зрения их соответствия общим (интегративным) свойствам, характеризующим данные преступления в качестве системного образования.

Под *преступлениями против личной свободы* предлагается понимать общественно опасные деяния (действие или бездействие), направленные против личной свободы человека, совершаемые исключительно с прямым умыслом, характеризующиеся применением способов, ограничивающих

или подавляющих свободу волеизъявления потерпевшего, и запрещенные УК под угрозой уголовной ответственности.

Основные признаки преступлений против личной свободы: общественная опасность (данные деяния имеют относительно однородный характер и высокую степень общественной опасности), виновность (исследуемые преступления совершаются с прямым умыслом), противоправность и наказуемость (деяния, характеризующиеся предусмотренными УК признаками, запрещаются им под угрозой уголовной ответственности). Существенной характеристикой исследуемых преступлений следует признавать их совершение против или помимо волеизъявления потерпевшего, что с практической точки зрения связано с применением тех или иных способов воздействия на человека (обман, злоупотребление доверием, угроза насилием, равно как фактическое применение насилия и др.). Исключения составляют случаи совершения рассматриваемых деяний в отношении несовершеннолетних лиц и лиц с так называемым «пороком воли», ограничение или лишение свободы которых возможно и без применения какого-либо способа воздействия.

Рассмотрение преступлений против личной свободы через призму общесистемных свойств (свойства единства, организационной формы, иерархичности, последовательности расположения и преемственности) позволяет определить *систему преступлений против личной свободы* как целостную, социально обусловленную и структурно обособленную в рамках уголовного закона упорядоченную совокупность однородных умышленных преступлений, направленных против личной свободы, которая включает в себя следующие группы деяний: 1) деяния, направленные против физической свободы; 2) деяния, посягающие на свободу принятия человеком решения относительно своего поведения; 3) деяния, ограничивающие личную свободу в целом (в совокупности всех форм ее проявления).

3. Системный подход к преступлениям против личной свободы указывает на необходимость реформирования УК по нескольким направлениям:

3.1. Закрепление ответственности за вербовку людей для эксплуатации в отдельной норме УК. В представленной работе обосновывается вывод о том, что данное деяние имеет иную юридическую природу, нежели торговля людьми, и может выступать начальным этапом совершения ряда других преступлений, в связи с чем его самостоятельное закрепление усилит превентивный и охранительный потенциал УК. Отдельная криминализация вербовки людей для эксплуатации будет служить и целям осуществления двойной превенции: предусматривая ответственность за менее тяжкое деяние (вербовку), УК способствовал бы предупреждению более опасных посягательств на личную свободу.

Изложенное дает основание сделать вывод о необходимости исключения из определения торговли людьми такого деяния, как вербовка, и восстановления нормы об ответственности за это преступление в редакции ст. 187 УК (по состоянию на 1999 г.) с учетом следующих изменений: 1) в качестве его конструктивного признака целесообразно предусмотреть такой способ, как злоупотребление доверием (основание для подобной корректировки – высокая степень его распространенности при совершении данного преступления); 2) при обозначении цели вербовки исключить отдельное указание на сексуальную эксплуатацию, поскольку она охватывается общим понятием эксплуатации человека.

3.2. Содержание противоправности отдельных преступлений против личной свободы указывает на наличие недостатков в формулировании соответствующих уголовно-правовых норм. Изучение материалов уголовных дел, зарубежного законодательства, а также логико-грамматический и системный анализ норм об ответственности за данные преступления позволили сформулировать следующие *рекомендации по совершенствованию уголовно-правового определения их признаков*:

– в целях обеспечения сбалансированности характера и степени общественной опасности деяний, составляющих торговлю людьми, предупреждения ограниченности соответствующего уголовно-правового запрета, а также коллизии с признаками иных преступлений предлагается исключить определение торговли людьми, позаимствованное из Палермского Протокола, и закрепить противоправность такой формы поведения, как купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека, а также дополнить криминообразующие признаки данного преступления такими способами, как использование уязвимости потерпевшего, а также применение иных, помимо названных в ч. 1 ст. 181 УК, форм принуждения;

– в норме об использовании рабского труда необходимо: 1) привести название преступления в соответствие с объемом предусмотренного в данной норме уголовно-правового запрета; 2) криминализировать обращение человека в рабство или подневольное состояние; 3) расширить содержание негативного признака данного преступления посредством указания на отсутствие в содеянном признаков похищения человека; 4) для исключения ограниченности сферы действия указанной нормы определить запрещаемые ею формы эксплуатации следующим образом: «использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии»;

– для оптимизации признаков похищения человека видится обоснованным: 1) дополнить определение данного преступления указанием на перемещение потерпевшего в другое место, закрепление

которого позволит более четко проводить разграничение похищения человека и незаконного лишения свободы; 2) конкретизировать характер насилия в качестве способа похищения человека посредством указания на насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, что будет способствовать обеспечению системного подхода в части формулирования одинаковых юридических признаков исследуемых деяний;

– в целях совершенствования нормы об ответственности за незаконное лишение свободы целесообразны следующие изменения: 1) указание в диспозиции данной нормы на незаконный характер деяния и исключение из нее понятия «ограничение»; 2) закрепление термина «воспрепятствование» для обобщающей характеристики возможных форм незаконного лишения свободы и конкретизация признаков его основного непосредственного объекта посредством указания на возможность лица покинуть место нахождения; 3) исключение положения о насильственном удержании лица и негативного признака данного преступления;

– для оптимизации признаков незаконного помещения в психиатрический стационар и предупреждения ограниченности соответствующего уголовно-правового запрета предложено использовать в УК вместо понятия «психически здоровое лицо» юридическую конструкцию: «лицо, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре»;

– в норме об ответственности за принуждение предлагается воспользоваться опытом конструирования признаков видовых составов данного преступления (например, вымогательства) и определить признаки деяния при помощи понятия «требование».

Предложенные изменения законодательного определения признаков отдельных преступлений против личной свободы призваны исключить ограниченность соответствующих уголовно-правовых запретов, предупредить неправильное их понимание и применение правоохранительными органами, а также устранить имеющиеся технико-юридические недостатки норм об ответственности за данные преступления.

3.3. Вина как субъективное основание уголовной ответственности за преступления против личной свободы раскрывает внутреннее, психическое отношение человека к совершаемому им деянию, которое реализуется исключительно в виде прямого умысла. Умышленный характер данных преступлений определенно указывает на то, что немотивированными и нецеленаправленными они быть не могут. Установление их подлинных мотивов и целей способствует не только уяснению содержания и направленности умысла виновного лица, но и определению степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

С наличием некоторых мотивов и целей в системе исследуемых преступлений законодатель связывает наступление повышенной уголовной ответственности. Для оптимизации законодательного определения данных средств дифференциации ответственности могут быть полезны следующие изменения уголовного закона:

1) исключение корыстных побуждений из перечня квалифицирующих признаков торговли людьми (п. 3 ч. 2 ст. 181 УК);

2) дополнение п. 8 ч. 2 ст. 181 УК указанием на цель незаконного удержания потерпевшего за границей и изложение его в следующей редакции: «с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства»;

3) изложение п. 5 ч. 2 ст. 182 УК следующим образом: «с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей»; дополнить ч. 2 ст. 181 УК аналогичным основанием повышения ответственности;

4) дополнение ч. 2 ст. 182 УК признаком «с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства».

Поскольку эксплуатация является признаком ряда преступлений против личной свободы, ее определение рационально изложить в специальном примечании к главе, систематизирующей исследуемые деяния, обеспечив соответствующие изменения в ст. 181 УК. При этом видится целесообразным закрепить следующую дефиницию эксплуатации: «Под эксплуатацией в настоящей главе Кодекса понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию сексуальных и иных услуг в случае, если он не может без опасения за собственную безопасность или безопасность близких ему лиц отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство либо институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние)».

Предложенные изменения норм действующего УК о преступлениях против личной свободы отражены в подготовленном проекте Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь» (Приложение Б).

4. В целях повышения значимости уголовно-правовой охраны личной свободы, обеспечения структурно-функционального единства УК в данной области и отражения в нем конституционных и международно-правовых основ соотношения фундаментальных прав и свобод человека видится целесообразным принятие новой модели главы УК «Преступления против личной свободы», в основу которой могут быть положены следующие направления совершенствования уголовного закона:

4.1. Систематизация преступлений против личной свободы в рамках структурно обособленной главы УК «Преступления против личной

свободы». Структурное обособление данных преступлений позволит обеспечить однородность соответствующей рубрикации с точки зрения юридической природы объединяемых деяний, будет в большей степени отражать содержание и значение личной свободы в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а также позволит правильно определять родовую принадлежность преступных деяний. Кроме того, системное обособление преступлений против личной свободы будет способствовать решению таких прикладных задач, как повышение качества осуществляемого статистического учета исследуемых преступлений и лиц, осуждаемых за их совершение, придание мерам борьбы с данными преступлениями комплексного характера.

Особое значение личной свободы обуславливает необходимость размещения главы о преступлениях против данного объекта после гл. 19 УК «Преступления против жизни и здоровья».

4.2. С точки зрения содержания основного критерия систематизации преступлений (общности их родового объекта), а также сущности личной свободы и специфики основных форм ее проявления актуальным видится пересмотр перечня деяний, составляющих исследуемую систему, а именно:

– исключение из данного перечня таких преступлений, как угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, а также незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей.

По нашему мнению, сущность угрозы заключается в воздействии на психоэмоциональную сферу лица (адресата угрозы), что приводит к переживанию им сильного душевного беспокойства, страха за свою жизнь, здоровье или имущество. Сам по себе факт переживания чувства страха и возникновение в этой связи негативного эмоционального состояния (стресса) свидетельствует о причинении потерпевшему психической травмы. Наступление такого рода последствия, с одной стороны, полностью охватывается направленностью умысла виновного лица (оно же исчерпывает содержание его волевого компонента), что непосредственно следует из материалов уголовных дел, а с другой стороны, является подтверждением (в том числе законодательно обусловленным) непосредственного воздействия данного преступления на здоровье человека. Изложенное позволяет сделать вывод о целесообразности отнесения угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества к системе преступлений, ставящих здоровье человека в опасность причинения вреда (гл. 19 УК).

Анализ ч. 1 ст. 187 УК дает основание заключить, что содержание преступления, предусмотренного данной статьей, составляют деяния, выражающиеся в трудоустройстве белорусских граждан за границей с

нарушением установленного порядка, в результате чего трудоустроенные лица подвергаются эксплуатации со стороны третьих лиц. При этом сама эксплуатация, которая, безусловно, нарушает личную свободу, признаками рассматриваемого преступления не охватывается и характеризует волевой компонент умысла лица, выполняющего соответствующие действия за рамками данного преступления. Таким образом, основной характеристикой преступления, предусмотренного ст. 187 УК, является нарушение отношений в сфере реализации потерпевшим гарантированного ст. 41 Конституции права на свободный труд, в связи с чем представляется обоснованным помещение нормы об ответственности за названное преступление в гл. 23 УК;

– с точки зрения юридической техники видится рациональным дополнение исследуемой системы преступлений таким деянием, как захват заложника (ст. 291 УК). Поскольку содержание основного непосредственного объекта данного преступления в каждом конкретном случае зависит от характера требований виновного лица, определение родовой принадлежности захвата заложника должно осуществляться на основе следующих положений.

Как показывают теоретические и эмпирические данные, а также логико-грамматическое толкование ч. 1 ст. 291 УК, наиболее общей характеристикой всех актов захвата заложника и каждого деяния, составляющего содержание данного преступления, является незаконное лишение (ограничение) свободы потерпевшего (потерпевших). При этом если нарушение личной свободы заложника касается, прежде всего, внешних форм проявления данной свободы и характеризует признаки деяния в составе рассматриваемого преступления, то адресаты требований виновных лиц, исходя из специальной цели захвата заложника, претерпевают ограничения в свободе принятия волевого решения. Именно незаконное лишение (ограничение) свободы потерпевшего (потерпевших), проявляющееся в системе объективных и субъективных характеристик исследуемого преступления, должно быть признано той константой, которая подлежит учету при определении родовой принадлежности захвата заложника.

Таким образом, учитывая изложенные выше рекомендации, в главе УК об ответственности за преступления против личной свободы (в аспекте *de lege ferenda*) следует объединить такие деяния, как: захват заложника; похищение человека; незаконное лишение свободы; незаконное помещение в психиатрический стационар; использование принудительного труда или иная эксплуатация человека; торговля людьми; вербовка людей для эксплуатации; принуждение.

Реализация системного подхода в отношении исследуемых преступлений требует корректировки и их внутрисистемного расположения на основе предложенного в настоящей работе подхода, а именно перехода от более тяжкого деяния к менее тяжкому в рамках каждой из выделенных нами групп исследуемых преступлений. Фактической реализацией такого подхода следует признать расположение преступлений против личной свободы в названном выше порядке.

Кроме того, рассматриваемые преступления (особенно на уровне видовых групп) должны характеризоваться однородной системой средств дифференциации ответственности, что предполагает использование одинаковых юридических конструкций для их обозначения, а также обеспечение единообразного подхода относительно последовательности их закрепления в соответствующих нормах УК. Предложенные изменения уголовного закона отражены в теоретической модели главы УК «Преступления против личной свободы» (Приложение В).

5. В целях совершенствования следственной и судебной практики в области уголовно-правовой охраны личной свободы и обеспечения единообразного терминологического обозначения насилия, соответствующего признакам незаконного лишения свободы, необходимо:

– абзац 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» от 21 декабря 2001 г. № 15 изложить в следующей редакции: «Под насилием, не опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 206 УК), следует понимать причинение легких телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с лишением его свободы»;

– абзац 1 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» от 24 марта 2005 г. № 1 изложить в следующей редакции: «Разъяснить судам, что применение насилия при хулиганстве означает физическое воздействие на потерпевшего в любой форме – нанесение побоев, причинение телесных повреждений, лишение свободы путем связывания, удержания и т.п.»;

– в абзаце 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)» от 27 сентября 2012 г. № 7 слова «или ограничении» исключить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абсатаров, Х. Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Х. Х. Абсатаров ; Уфим. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. – Челябинск, 2005. – 25 с.
2. Авдеева, Е. В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Авдеева ; Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.
3. Авдеенкова, М. П. Право на физическую свободу / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 13–22.
4. Акимова, Ю. Ю. Использование рабского труда: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. Ю. Акимова ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2010. – 17 с.
5. Алексеев, С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. – М. : НОРМА, 1998. – 336 с.
6. Алихаджиева, И. Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми / И. Алихаджиева // Уголов. право. – 2006. – № 5. – С. 4–7.
7. Амосов, А. Е. Незаконное лишение свободы в уголовном праве России: виды и характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Е. Амосов. – Владимир, 2008. – 199 л.
8. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М., 1981. – С. 36–86.
9. Антипова, Г. В. Система личных прав человека: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Г. В. Антипова. – М., 2002. – 198 л.
10. Аргунова, Ю. Н. Незаконное помещение в психиатрический стационар в оценке нового уголовного законодательства / Ю. Н. Аргунова // Независимый психиатр. журн. – 1996. – № 4. – С. 59–61.
11. Арзуманян, А. Б. Нематериальные блага как объекты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Б. Арзуманян. – Ростов н/Д, 2008. – 201 л.
12. Архив Брестского областного суда за 2003 г. – Уголовное дело № 2-23 2003 г.

13. Архив суда Барановичского района и г. Барановичи за 2003 г. – Уголовное дело № 02022050317/2003.
14. Архив суда Барановичского района и г. Барановичи за 2006 г. – Уголовное дело № 04012051384/2006.
15. Архив суда Жабинковского района Брестской области за 2005 г. – Уголовное дело № 1-7 2005 г.
16. Архив суда Ивацевичского района Брестской области за 2006 г. – Уголовное дело № 1-141 2006 г.
17. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2004 г. – Уголовное дело № 0301192947.
18. Архив суда Московского района г. Бреста за 2006 г. – Уголовное дело № 05012210090/2006.
19. Архив суда Советского района г. Минска за 2007 г. – Уголовное дело № 0704108014/2007.
20. Архив суда Центрального района г. Минска за 2006 г. – Уголовное дело № 05011110482.
21. Архив суда Центрального района г. Минска за 2006 г. – Уголовное дело № 1-1047.06.
22. Архив суда Центрального района г. Минска за 2007 г. – Уголовное дело № 1-21/07.
23. Бабий, Н. Доктринальное толкование незаконного лишения свободы / Н. Бабий // Юстыцыя Беларусі. – 2006. – № 11. – С. 41–46.
24. Бабий, Н. Насильственный способ совершения преступления и конкуренция уголовно-правовых норм / Н. Бабий // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 3. – С. 39–43.
25. Бабий, Н. Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н. Бабий // Суд. весн. – 2005. – № 4. – С. 50–53.
26. Балабанов, М. Личная свобода. (Неприкосновенность личности, жилища, частной переписки и свобода передвижения) / М. Балабанов. – 2-е, доп. изд. – [СПб.] : Новый Миръ, [1906?]. – 48 с.
27. Барков, А. В. Преступления против личной свободы [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.04.2010 г.] / А. В. Барков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
28. Барков, А. В. Проблемы имплементации норм международного права в национальном уголовном законодательстве Беларуси / А. В. Барков // Развитие и перспективы национальной правовой системы в контексте европейских интеграционных процессов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 июня 2005 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – С. 262–263.

29. Бауськов, Д. Г. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственного похищения человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Г. Бауськов. – М., 2003. – 166 л.
30. Беляева, Н. Квалификация преступлений, посягающих на личную свободу человека / Н. Беляева, Т. Орешкина // Законность. – 1994. – № 11. – С. 14–19.
31. Блажнов, А. Г. Незаконное лишение свободы: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Блажнов. – Омск, 2005. – 165 л.
32. Бойко, А. И. Преступное бездействие = Criminal omission / А. И. Бойко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 318 с.
33. Бойко, Н. В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Бойко ; Харьк. юрид. ин-т. – Харьков, 1989. – 24 с.
34. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1969–1981. – Т. 30. – 1978. – 632 с.
35. Борщев, Ю. А. Преступное насилие: сущность и характеристика основных признаков / Ю. А. Борщев // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 94–98.
36. Браусов, А. М. О классификации видов физического насилия / А. М. Браусов // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2004. – № 1. – С. 95–100.
37. Буряк, М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Ю. Буряк. – Владивосток, 2005. – 246 л.
38. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Кн. Дом, 2010. – 768 с.
39. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Г. А. Василевич. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2005. – 487 с.
40. Василевич, Д. Г. Конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Д. Г. Василевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 22 с.
41. Васильева, Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Г. Васильева. – Уфа, 2002. – 193 л.
42. Введение в философию : учеб. для вузов : в 2 ч. / И. Т. Фролов [и др.] ; под общ. ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1990. – Ч. 2. – 639 с.

43. Вельмезева-Марахтанова, Е. К вопросу об усилении уголовно-правовой охраны свободы личности / Е. Вельмезева-Марахтанова // Уголов. право. – 2009. – № 3. – С. 23–26.
44. Вершинина, Ю. В. Свобода личности в конституционном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ю. В. Вершинина. – Тюмень, 2006. – 172 л.
45. Викторов, О. С. К вопросу о телесном повреждении и психической травме в советском уголовном праве / О. С. Викторов // Изв. вузов. Правоведение. – 1958. – № 4. – С. 63–69
46. Витушко, В. А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие : в 5 т. / В. А. Витушко. – Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2001–2002. – Т. 2. – 2002. – 717 с.
47. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.
48. Воеводин, Л. Д. О формах конституционного закрепления свободы личности в СССР / Л. Д. Воеводин, М. А. Краснов // Совет. государство и право. – 1982. – № 4. – С. 3–11.
49. Волков, Б. С. Мотивы преступлений: уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.
50. Волков, К. А. Преступления против личной свободы человека в судебной практике Верховного Суда РФ / К. А. Волков // Рос. судья. – 2009. – № 7. – С. 34–37.
51. Володіна, О. О. Кримінальна відповідальність за викрадення людини (аналіз складу злочину) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. О. Володіна. – Харків, 2003. – 229 л.
52. Габибова, Г. В. кызы. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспекты: на материалах Азербайджанской Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. В. кызы Габибова ; Моск. ин-т МВД Рос. Федерации. – М., 2002. – 24 с.
53. Гаухман, Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л. Д. Гаухман. – М. : Юрид. лит., 1969. – 120 с.
54. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2005. – 457 с.
55. Гаухман, Л. Об ответственности за захват заложников и похищение человека / Л. Гаухман, С. Максимов, С. Сауляк // Законность. – 1994. – № 10. – С. 43–46.
56. Геворгян, В. М. Понятие «преступление» в российском уголовном праве / В. М. Геворгян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 2007. – № 5. – С. 95–104.

57. Глистин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) / В. К. Глистин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 128 с.
58. Гомиен, Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека / Д. Гомиен. – Страсбург : Совет Европы, 1994. – 136 с.
59. Горелик, И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И. И. Горелик. – Минск : Выш. шк., 1973. – 318 с.
60. Государственное право Германии : сокр. пер. нем. семитом. изд. : в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права ; редкол.: Б. Н. Топорнин, Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс. – М. : ИГПАН, 1994. – Т. 2. – 320 с.
61. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / П. В. Анисимов [и др.] ; под ред. Ф. М. Рудинского. – 2-е изд. – М. : МИР, 2006. – 475 с.
62. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп.: текст по состоянию на 9 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
63. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000–2002. – Ч. 1 / В. Н. Годунов [и др.]. – 2000. – 976 с.
64. Гребенкин, Ф. Объективные элементы состава ст. 119 УК РФ / Ф. Гребенкин // Уголов. право. – 2004. – № 4. – С. 18–19.
65. Грунтов, И. История и современные подходы в понимании содержания вины в отечественной науке уголовного права и законодательстве / И. Грунтов // Суд. весн. – 2007. – № 4. – С. 58–62.
66. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.
67. Грунтов, И. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель умысла / И. Грунтов // Суд. весн. – 2008. – № 4. – С. 42–48.
68. Гуляева, Е. Е. Правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Е. Е. Гуляева. – Саратов, 2011. – 221 л.
69. Гусейнов, А. И. Проблема ценностей в праве / А. И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14–22.
70. Давидович, В. Е. Грани свободы / В. Е. Давидович. – М. : Молодая гвардия, 1969. – 224 с.

71. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
72. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – Т. 3 : П. – 555 с.
73. Демидов, Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 184 с.
74. Дмитриев, Д. Н. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика незаконного лишения свободы: по материалам Восточно-Сибирского региона : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Н. Дмитриев. – Иркутск, 2005. – 164 л.
75. Дмитриев, О. Уголовно-правовая характеристика торговли несовершеннолетними / О. Дмитриев // Уголов. право. – 2002. – № 3. – С. 14–16.
76. Донцов, А. В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Донцов. – Кисловодск, 2003. – 155 л.
77. Дубовец, П. А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву / П. А. Дубовец. – М. : Юрид. лит., 1964. – 159 с.
78. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов ; Акад. наук СССР, Ин-т права. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 311 с.
79. Евстифеева, Е. В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Евстифеева. – Саратов, 2002. – 197 л.
80. Ерохина, Л. Д. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе / Л. Д. Ерохина, М. Ю. Буряк. – М. : Профобразование, 2003. – 432 с.
81. Есипов, В. В. Уголовное право. Часть особенная / В. В. Есипов. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1895. – Вып. 1 : Преступления личные. – [2], 102 с.
82. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – М. : Проспект : Велби, 2006. – 560 с.
83. Жинкин, А. А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Жинкин. – Краснодар, 2006. – 192 л.
84. Зайдиева, Д. Я. Уголовно-правовая охрана личной свободы человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Я. Зайдиева. – М., 2006. – 181 л.
85. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве / О. Зателепин // Уголов. право. – 2003. – № 1. – С. 29–31.

86. Зубкова, В. И. Ответственность за похищение человека по уголовному законодательству России / В. И. Зубкова, И. М. Тяжкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – 1996. – № 2. – С. 54–60.

87. Зубкова, В. И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России / В. И. Зубкова. – М. : Норма, 2005. – 256 с.

88. Иванов, В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Ф. Иванов ; Саратов. юрид. ин-т. – Саратов, 1986. – 15 с.

89. Иванов, Г. И. Права человека : учеб. пособие / Г. И. Иванов ; под ред. М. Ф. Чудакова. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 352 с.

90. Измайлова, И. Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Д. Измайлова. – М., 2007. – 220 л.

91. Имплементация международного гуманитарного права : анализ законодательства Респ. Беларусь с точки зрения его соответствия положениям междунар. гуманитар. права / В. Ю. Калугин [и др.] ; под ред. В. Ю. Калугина. – Минск : Тесей, 1998. – 112 с.

92. Иногамова-Хегай, Л. В. Международное уголовное право = International criminal law / Л. В. Иногамова-Хегай. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 493 с.

93. Ищенко, Г. К. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия торговле людьми и использования рабского труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г. К. Ищенко ; Рост. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. – Ростов н/Д, 2010. – 27 с.

94. Кадников, Ф. Н. К вопросу об объективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ (торговля людьми) / Ф. Н. Кадников // Междунар. публ. и част. право. – 2006. – № 5. – С. 38–40.

95. Казамиров, А. И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. И. Казамиров. – Рязань, 2003. – 179 л.

96. Карасева, М. Ю. Уголовная ответственность за преступления против свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Ю. Карасева. – М., 2007. – 186 л.

97. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1988. – 173 с.

98. Кибальник, А. Г. Современное международное уголовное право = Modern international criminal law: понятие, задачи и принципы / А. Г. Кибальник ; под науч. ред. А. В. Наумова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 250 с.

99. Кибальник, А. Новые преступления против личной свободы / А. Кибальник, И. Соломоненко // Рос. юстиция. – 2004. – № 4. – С. 44–45.
100. Кислова, Е. А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Кислова. – М., 2005. – 167 л.
101. Клименко, А. В. Уголовно-правовая характеристика похищения человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Клименко. – М., 2004. – 170 л.
102. Ключко, Р. Торговля людьми: признаки состава преступления и проблемы совершенствования уголовного законодательства / Р. Ключко // Юстыця Беларусі. – 2005. – № 1. – С. 26–28.
103. Кобозева, Т. Ю. Социально-правовая характеристика принуждения в уголовном праве России / Т. Ю. Кобозева // Журн. рос. права. – 2008. – № 9. – С. 77–83.
104. Ковтун, Н. Н. Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам и гарантии прав граждан при оказании психиатрической помощи / Н. Н. Ковтун // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 64–71.
105. Коган, Л. А. Свобода – самость созидания / Л. А. Коган // Вопр. философии. – 2009. – № 7. – С. 78–90.
106. Коган, Л. А. Триединство свободы / Л. А. Коган // Вопр. философии. – 1997. – № 5. – С. 31–43.
107. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 19 июля 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
108. Козак, В. А. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми (аналіз складу злочину) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Козак. – Харків, 2002. – 196 л.
109. Козлов, А. П. Понятие преступления = Concept of crime / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 817 с.
110. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.
111. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : с постатейн. материалами и практ. разъяснениями / авт. коммент. и сост. А. Б. Борисов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Кн. мир, 2008. – 1072 с.

112. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [Электронный ресурс] : [совершено в г. Минске 26 мая 1995 г.] // Исполнительный комитет СНГ : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/summary?doc=451>. – Дата доступа: 26.10.2013.

113. Конституции зарубежных государств: Соединенные Штаты Америки. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада : учеб. пособие / сост., авт. введ., вступ. ст. к конституциям В. В. Маклаков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : БЕК, 1997. – 561 с.

114. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

115. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. – М. : Юрист, 2005. – 56 с.

116. Корякина, Е. А. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Корякина ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.

117. Кострова, М. Грамматическое или языковое толкование уголовного закона? / М. Кострова // Законность. – 2002. – № 3. – С. 38–42.

118. Костылева, Е. Д. Личные права человека в Российской Федерации и стандарты Совета Европы: конституционно-правовые проблемы регулирования и защиты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е. Д. Костылева. – М., 2008. – 218 л.

119. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Л. О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994. – 435 л.

120. Криминология : учеб. для юрид. вузов / А. И. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. – 784 с.

121. Кудрявцев, В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления / В. Н. Кудрявцев // Совет. государство и право. – 1951. – № 8. – С. 51–60.

122. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.

123. Кузнецова, Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н. Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67–75.

124. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 834 с.

125. Куликов, В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. А. Куликов. – Саратов, 2001. – 192 л.

126. Кулушев, С. М. Уголовная ответственность за похищение человека и нарушение права на свободу личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Кулушев ; Зап.-Казахст. юрид. ин-т Казах. гуманитар.-юрид. ун-та. – Алматы, 2004. – 28 с.

127. Кулыгин, В. В. Субъективное вменение в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Кулыгин ; Моск. высш. шк. милиции МВД Рос. Федерации. – М., 1994. – 27 с.

128. Курс уголовного права : в 5 т. / Моск. гос. ун-т ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / Г. Н. Борзенков [и др.]. – XII, 611 с.

129. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1969. – 200 с.

130. Лаевский, В. Противодействие торговле людьми: некоторые проблемы судебной практики / В. Лаевский // Суд. весн. – 2006. – № 1. – С. 9–12.

131. Лапупина, Н. Н. Уголовно-правовая охрана свободы человека: реальность и перспективы / Н. Н. Лапупина // «Черные дыры» в Рос. законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 147–152.

132. Лекшас, И. Вина как субъективная сторона преступного деяния : пер. с нем. / И. Лекшас ; под ред. А. А. Пионтковского. – М. : Госюриздат, 1958. – 86 с.

133. Лизогуб, Я. Г. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми або іншу незаконну угоду щодо передачі людини: порівняльно-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Я. Г. Лизогуб. – Луганськ, 2002. – 202 л.

134. Логанов, И. И. Свобода личности / И. И. Логанов. – М. : Мысль, 1980. – 158 с.

135. Лукьянова, К. А. Международное сотрудничество в борьбе с незаконным вывозом и сексуальной эксплуатацией за рубежом женщин и детей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / К. А. Лукьянова. – М., 2001. – 132 л.

136. Лунеев, В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36–56.

137. Лысов, М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложников / М. Лысов // Рос. юстиция. – 1994. – № 5. – С. 40–41.

138. Ляпунов, Ю. И. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права / Ю. И. Ляпунов, П. Я. Мшвениерадзе // Изв. вузов. Правоведение. – 1985. – № 3. – С. 25–33.

139. Макаров, С. Н. Реализация международно-правовых обязательств по борьбе с рабством и работорговлей в уголовном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Н. Макаров. – М., 2004. – 208 л.

140. Маклаков, А. Г. Общая психология : учеб. для вузов / А. Г. Маклаков. – СПб. [и др.] : Питер : Питер принт, 2005. – 582 с.

141. Маковой, М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность: прецеденты и комментарии / М. Маковой, С. А. Разумов ; Рос. акад. правосудия. – М. : РАП, 2002. – 115 с.

142. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин ; Акад. наук СССР. – М. : Наука, 1985. – 165 с.

143. Малинин, В. Б. Объективная сторона преступления / В. Б. Малинин, А. Ф. Парфенов. – СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2004. – 299 с.

144. Мальцев, В. В. Категория «общественно опасное поведение» и ее уголовно-правовое значение / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 52–60.

145. Мальцев, В. В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве / В. В. Мальцев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 509 с.

146. Марахтанова, Е. А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Марахтанова. – Самара, 2006. – 246 л.

147. Марчук, В. В. О законодательных экспликациях Уголовного кодекса Республики Беларусь в 2008 году [Электронный ресурс] / В. В. Марчук // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

148. Марчук, В. В. О квалификации использования рабского труда / В. В. Марчук // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. – 2009. – № 3. – С. 66–70.

149. Марчук, В. В. О нарушениях логических правил определения уголовно-правовых понятий в правотворческой и правоприменительной практике / В. В. Марчук // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грам. навук. – 2009. – № 3. – С. 57–62.

150. Марчук, В. В. Терминология уголовного закона и квалификация преступлений / В. В. Марчук // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – Вып. 18. – С. 224–238.

151. Марчук, В. В. Уголовно-правовая оценка вербовки людей для эксплуатации / В. В. Марчук // Право Беларуси. – 2002. – № 22. – С. 68–74.

152. Марчук, В. В. Уголовно-правовая оценка незаконного перемещения людей в целях их эксплуатации / В. В. Марчук // Право Беларуси. – 2003. – № 7. – С. 51–54.

153. Марчук, В. Отличие торговли людьми от некоторых преступлений (проблемы квалификации) / В. Марчук, Е. Коротич // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 5. – С. 37–38.

154. Марчук, В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) / В. Марчук // Суд. весн. – 2002. – № 4. – С. 41–45.

155. Марчук, В. Уголовно-правовые средства по противодействию торговле людьми / В. Марчук, Е. Коротич // Юстыцыя Беларусі. – 2005. – № 3. – С. 22–24.

156. Маршакова, Н. Н. Классификация в российском уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Н. Маршакова ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2006. – 30 с.

157. Матвеева, Т. Рабство в XXI веке / Т. Матвеева // Междунар. жизнь. – 2002. – № 2. – С. 27–37.

158. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 292 с.

159. Меньшагин, В. Преступления против личности по проекту Уголовного кодекса СССР / В. Меньшагин // Социалист. законность. – 1937. – № 9. – С. 34–51.

160. Михаль, О. Вопросы квалификации незаконного лишения свободы, похищения человека и захвата заложников / О. Михаль // Уголов. право. – 2003. – № 4. – С. 48–50.

161. Михлин, А. С. Последствия преступления / А. С. Михлин. – М. : Юрид. лит., 1969. – 104 с.

162. Мицкевич, А. Ф. Признаки преступления и наказания. Цели и механизмы действия наказания : учеб. пособие / А. Ф. Мицкевич. – Красноярск : Регион. учеб.-метод. центр по юрид. образованию, 2005. – 236 с.

163. Мороз, Д. Г. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения как преступление против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Г. Мороз ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2013. – 25 с.

164. Морозов, А. П. Конституционное право человека и гражданина на свободу и личную неприкосновенность в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. П. Морозов. – Саратов, 2002. – 220 л.

165. Мотин, О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. А. Мотин. – Волгоград, 2005. – 207 л.

166. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1996. – 550 с.

167. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 г. / ред. Н. И. Мельник, Н. И. Хавронюк. – Киев : Каннон, 2002. – 1216 с.

168. Неклюдов, Н. А. Руководство к Особенной части Русского уголовного права : в 4 т. / Н. А. Неклюдов. – СПб. : Тип. П. П. Меркульева, 1876–1880. – Т. 1 : Преступления и проступки против личности. – 1876. – XII, 539, [3] с.

169. Нерсисянц, В. С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц. – М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1997. – 647 с.

170. Никифоров, Б. С. Место объекта в общем определении преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров // Социалист. законность. – 1958. – № 5. – С. 29–36.

171. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Госюриздат, 1960. – 229 с.

172. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Интерпрессервис : Кн. Дом, 2001. – 1280 с.

173. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты / Г. П. Новоселов. – М. : НОРМА, 2001. – 198 с.

174. Нохрина, М. Л. Право личной свободы как личное неимущественное право / М. Л. Нохрина // Изв. вузов. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 21–38.

175. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики / Т. Н. Нуркаева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 254 с.

176. Об оказании психиатрической помощи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 349-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

177. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 451-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 277. – 2/1547.

178. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики

Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 241-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

179. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 мая 2005 г., № 15-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2006 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

180. Овчинникова, Г. В. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы / Г. В. Овчинникова, М. Ю. Павлик, О. Н. Коршунова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 259 с.

181. О Государственной программе противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2011–2013 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 окт. 2010 г., № 518 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

182. О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2014 г., № 128-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

183. О донорстве крови и ее компонентов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 нояб. 2010 г., № 197-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

184. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1987. – 797 с.

185. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2009. – 944 с.

186. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

187. О Модельном Уголовном кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г., № 7-5 // Исполнительный комитет СНГ : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=563>. – Дата доступа: 11.06.2012.

188. О назначении судами наказания в виде лишения свободы [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

189. ООН и ее партнеры приступили к реализации инициативы, которая призвана покончить с «современным рабством» в форме торговли людьми [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций в Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/news/world/26-03-07-dir.html>. – Дата доступа: 20.11.2014.

190. Опалева, А. А. Правомочия права на личную неприкосновенность / А. А. Опалева // Закон и право. – 2003. – № 8. – С. 32–34.

191. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. весн. – 2005. – № 4. – С. 20–23.

192. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2001 г., № 15 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

193. О присоединении Белорусской ССР к Конвенции о рабстве : постановление Совета Министров Белорус. ССР, 27 авг. 1956 г., № 509 // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорус. ССР. – 1956. – № 8. – Ст. 174.

194. О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 дек. 2001 г., № 65-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

195. О противодействии торговле людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 350-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь

от 16.12.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

196. О ратификации Дополнительной Конвенции Организации Объединенных Наций об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством : Указ Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, 30 апр. 1957 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорус. ССР. – 1957. – № 4. – Ст. 79.

197. О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 мая 2003 г., № 197-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.06.2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

198. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 29 дек. 2011 г., № Р-674/2011 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

199. О соответствии Конституции Республики Беларусь части пятой статьи 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 1 дек. 1998 г., № 3-73/98 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

200. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 27 сент. 2012 г., № 7 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

201. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 марта 2005 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

202. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

203. Панкратов, В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.
204. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР: правовые аспекты взаимоотношений / В. А. Патюлин ; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1974. – 248 с.
205. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А. А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.
206. Пионтковский, А. А. Преступления против личности / А. А. Пионтковский. – М. : Юрид. изд-во, 1938. – 136 с. – (Уголовное право. Особенная часть / Всесоюз. ин-т юрид. наук).
207. Плаксина, Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т. А. Плаксина ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2006. – 46 с.
208. Плетенева, Д. А. Квалифицирующие признаки, характеризующие мотив преступления / Д. А. Плетенева // Науч. тр. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – Вып. 10, ч. 2 : Право. – С. 122–132.
209. Познышев, С. В. Особенная часть русского уголовного права : сравн. очерк важнейш. отд. Особ. части старого и нового Уложений / С. В. Познышев. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ, 1912. – 499, VII с.
210. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 2 : Преступления против личности / А. С. Горелик [и др.]. – 680 с.
211. Попов, О. А. Борьба с организованными формами похищения людей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. А. Попов. – Ростов н/Д, 2001. – 231 л.
212. Потапкин, С. Н. Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Н. Потапкин. – Н. Новгород, 2003. – 219 л.
213. Принуждение лица к выполнению обязательства, соединенное с применением насилия, необоснованно квалифицировано по ст. 208 Уголовного кодекса Республики Беларусь как вымогательство чужого имущества (извлечение) [Электронный ресурс] : постановление президиума Мин. гор. суда, 5 сент. 2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

214. Прохорова, М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование / М. Л. Прохорова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 285 с.

215. Прус, Е. МОО «Гендерные перспективы»: большинство жертв торговли людьми вербуют их знакомые и друзья [Электронный ресурс] / Е. Прус // TUT.BY : белорус. портал. – Режим доступа : <http://news.tut.by/society/269886.html>. – Дата доступа: 21.11.2014.

216. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении : избр. Лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 224 с.

217. Пудовочкин, Ю. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву / Ю. Пудовочкин // Сравн. конституц. обозрение. – 2007. – № 3. – С. 98–106.

218. Пуховский, В. И. Борьба с торговлей людьми – одна из актуальных современных проблем защиты прав человека / В. И. Пуховский // Юрид. журн. – 2005. – № 2. – С. 4–8.

219. Рарог, А. И. Вина в советском уголовном праве / А. И. Рарог ; науч. ред. Б. В. Здравомыслов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 186 с.

220. Рарог, А. И. Проблемы субъективной стороны преступления : учеб. пособие / А. И. Рарог ; Моск. юрид. ин-т. – М. : МЮИ, 1991. – 92 с.

221. Резепкин, О. Ю. Захват заложника : уголовно-правовая регламентация проблемы / О. Ю. Резепкин, И. А. Журавлев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. – 160 с.

222. Рейзман, Е. Л. Уголовные наказания, ограничивающие личную свободу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. Л. Рейзман ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. – М., 1990. – 24 с.

223. Ретнёва, Н. И. Уголовная ответственность за торговлю людьми / Н. И. Ретнёва ; под общ. ред. Э. А. Саркисовой. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 151 с.

224. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – 1984. – 432 с.

225. Рудинский, Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права (труды разных лет) / Ф. М. Рудинский. – М. : МИР, 2006. – 1234 с.

226. Садина, О. В. Статус личной свободы несовершеннолетнего в законодательстве Российской Федерации / О. В. Садина // Право и политика. – 2008. – № 10. – С. 2494–2498.

227. Сайгашкин, А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Н. Сайгашкин. – Саратов, 2006. – 244 л.

228. Саркисова, Э. К вопросу о свободе человека как объекте преступных посягательств / Э. Саркисова, Н. Ретнёва // Юстыця Беларусі. – 2007. – № 3. – С. 35–38.

229. Саркисов, Г. С. Ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности / Г. С. Саркисов, Ю. А. Красиков. – Ереван : Айастан, 1990. – 102 с.

230. Селихова, О. Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. Г. Селихова. – Екатеринбург, 2002. – 205 л.

231. Сенин, О. М. Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / О. М. Сенин ; Междунар. ин-т упр. Моск. гос. ин-та междунар. отношений (Ун-та) М-ва иностр. дел России. – М., 2009. – 23 с.

232. Сердюк, Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / Л. В. Сердюк ; под ред. С. П. Щербы. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 380 с.

233. Скляр, С. В. Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Скляр. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 324 с.

234. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина [и др.]. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Совет. энцикл., 1964. – 784 с.

235. Словарь современных экономических и правовых терминов / под ред. В. Н. Шимова, В. С. Каменкова. – Минск : Амалфея, 2002. – 816 с.

236. Смирнов, Ю. П. Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю. П. Смирнов ; Моск. ун-т МВД Рос. Федерации. – М., 2010. – 24 с.

237. Снахова, М. Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Р. Снахова. – М., 2002. – 197 л.

238. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека [Электронный ресурс] : [заключено в г. Москве 25.11.2005 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

239. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Акад. наук Беларус. ССР, Отд. правовых наук ; подгот. П. Ф. Крапивин ; под ред. К. И. Яблонскаса. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.

240. Статут Великого княжества Литовского 1566 года / предисл. И. Беяева. – [М.] : Изд. Императ. Моск. о-ва истории и древностей рос., [1855?]. – [4], 242 с.

241. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс]. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2013. – Доступ через локал. сеть Нац. б-ки Беларуси.

242. Сташис, В. В. Уголовно-правовая охрана личности : науч.-практ. коммент. действующего уголов. законодательства УССР / В. В. Сташис, М. И. Бажанов. – Харьков : Вищ. шк., 1976. – 220 с.

243. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции : в 2 т. / Н. С. Таганцев ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – XXXV, 380 с.

244. Тихонов, К. Ф. Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве / К. Ф. Тихонов. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. – 104 с.

245. Толченкин, Д. А. Юридическая свобода : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. А. Толченкин. – Владимир, 2006. – 166 л.

246. Торговля людьми: предотвратить и помочь пострадавшим [Электронный ресурс] // Бюл. ООН. – 2006. – № 3 (май-июнь). – Режим доступа: <http://un.by/bulletin/2006-3/leader/slaving.html>. – Дата доступа: 11.06.2012.

247. Трайнин, А. Н. Избранные труды / А. Н. Трайнин ; вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 898 с.

248. Тринчук, В. М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Тринчук. – Омск, 2006. – 224 л.

249. Трунцевский, Ю. В. Права ребенка и секс-индустрия (подростающее поколение России нуждается в государственной защите от разлагающего влияния безнравственной продукции) / Ю. В. Трунцевский, А. В. Сумачев // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 97–103.

250. Тяжкова, И. Незаконное помещение в психиатрический стационар / И. Тяжкова // Уголов. право. – 2002. – № 3. – С. 52–54.

251. Уголовное законодательство Норвегии : сборник / науч. ред. и вступ. ст. Ю. В. Голика ; пер. с норв. А. В. Жмени. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 373 с.

252. Уголовное право Беларуси [Электронный ресурс] : темат. банк данных правовой информ. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Президент. б-ка Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Вып. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

253. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

254. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / Т. И. Ваулина [и др.] ; отв. ред.: И. Я. Козаченко [и др.]. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 768 с.

255. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

256. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп.: текст по состоянию на 20 апр. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

257. Уголовный кодекс Австрии = The Austrian penal code : принят 29 янв. 1974 г. : вступ. в силу с 1 янв. 1975 г. : с изм. и доп. на 1 мая 2003 г. / науч. редактирование и вступ. ст. С. Ф. Милюкова ; пер. с нем. Л. С. Вихровой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

258. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики = The Azerbaijanian penal code : утв. Законом Азерб. Респ. от 30 дек. 1999 г. : вступ. в силу с 1 сент. 2000 г. / науч. редактирование И. М. Рагимова ; пер. с азерб. Б. Э. Аббасова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 356 с.

259. Уголовный кодекс Аргентины = The criminal code of Argentina : опубл. 29 окт. 1921 г. : вступ. в силу 29 апр. 1922 г. / науч. редактирование Ю. В. Голика ; пер. с исп. Л. Д. Ройзенгурта. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 240 с.

260. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин ; пер. с англ. И. В. Мироновой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.

261. Уголовный кодекс Грузии = The Georgian penal code : принят 22 июля 1999 г. : введ. в действие с 1 июня 2000 г. : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. / науч. ред. З. К. Бигвава ; пер. с груз. И. Мериджанашвили. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 407 с.

262. Уголовный кодекс Дании = The Danish penal code / науч. редактирование С. С. Беляева ; пер. с дат. и англ. С. С. Беляева, А. Н. Рычевой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 228 с.

263. Уголовный кодекс Испании / пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 213 с.

264. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Коробеева ; пер. с кит. Д. В. Вичикова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 303 с.

265. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : принят Законодат. Собр. Жогорку Кенеша Кыргыз. Респ. 18 сент. 1997 г. : в ред. законов Кыргыз. Респ. от 21 сент. 1998 г. № 124, 9 дек. 1999 г. № 141, 23 июля 2001 г. № 77, 19 нояб. 2001 г. № 92, 12 марта 2002 г. № 36 /

предисл. А. П. Стуканова, П. Ю. Константинова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 350 с.

266. Уголовный кодекс Латвийской Республики = The Latvian penal code : принят 8 июля 1998 г. : введ. в действие с 1 апр. 1999 г. : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / науч. редактирование А. И. Лукашова, Э. А. Саркисовой ; пер. с латыш. А. И. Лукашова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 311 с.

267. Уголовный кодекс Литовской Республики = The Lithuanian penal code : утв. законом № VIII-1968 г. 26 сент. 2000 г. / науч. редактирование В. Павилониса ; пер. с лит. В. П. Казанскене. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 468 с.

268. Уголовный кодекс Республики Армения = The Armenian penal code : принят Законом Респ. Армения от 18 апр. 2003 г. : введ. в действие 1 авг. 2003 г. / науч. редактирование Е. Р. Азаряна, Н. И. Мацнева ; пер. с арм. Р. З. Авакяна. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 450 с.

269. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп.: текст по состоянию на 19 июля 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

270. Уголовный кодекс Республики Казахстан = The Kazakh penal code : Закон Респ. Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167 / предисл. И. И. Рогова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 466 с.

271. Уголовный кодекс Республики Молдова = The criminal code of the Republic of Moldova : принят Парламентом Респ. Молдова 18 апр. 2002 г. : введ. в действие 21 июня 2002 г. : с изм. и доп. на 19 дек. 2002 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 406 с.

272. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино = The criminal code of the Republic of San Marino : [принят Высш. Генер. Советом 25 февр. 1974 г.] / науч. редактирование и вступ. ст. С. В. Максимова ; пер. с итал. В. Г. Максимова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 251 с.

273. Уголовный кодекс Республики Таджикистан = The Tajik penal code : Закон Респ. Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 : с изм. и доп. на 1 дек. 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 408 с.

274. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 336 с.

275. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии = The Criminal code of the Federal Republic of Germany : в ред. от 13 нояб. 1998 г. : по состоянию на 15 мая 2003 г. / науч. редактирование и вступ. ст. Д. А. Шестакова ; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 522 с.

276. Уголовный кодекс Франции = The French penal code : принят в 1992 г. : вступ. в силу с 1 марта 1994 г. : с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / науч. редактирование Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой ; пер. с фр. Н. Е. Крыловой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.

277. Уголовный кодекс Швейцарии = The Swiss penal code / науч. редактирование и пер. с нем. А. В. Серебренниковой. – 2-е изд., доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс 2002. – XVI, 348 с.

278. Уголовный кодекс Эстонской Республики = The Estonian penal code : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / науч. редактирование и пер. с эст. В. В. Запечалова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 260 с.

279. Устинова, Т. Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества / Т. Д. Устинова, И. Д. Измайлова // Современ. право. – 2005. – № 10. – С. 57–61.

280. Фасхутдинова, Н. Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержаний, заключения под стражу и содержания под стражей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. Р. Фасхутдинова. – Ростов н/Д, 1999. – 203 л.

281. Филин, М. В. Уголовная ответственность за незаконное лишение человека свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Филин. – Хабаровск, 2000. – 214 л.

282. Философия : учеб. пособие / А. А. Козел [и др.] ; под общ. ред. А. А. Козела. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 416 с.

283. Философия : учеб. пособие для студентов вузов / Ю. А. Харин [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 4-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 416 с.

284. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – 6-е изд. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – [4], 451 с.

285. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов : [в 2 т.] / П. Я. Черных. – 9-е изд., стер. – М. : Дрофа : Рус. яз. – Медиа, 2009. – Т. 2. – 559 с.

286. Шавров, К. В. Понятие преступления : проб. лекция / К. В. Шавров. – Киев : Тип. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. – [2], 20 с.

287. Шалимов, Е. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы торговли людьми : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. Е. Шалимов ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2007. – 30 с.

288. Шаповалов, В. П. Проблема генезиса человеческой свободы: философско-методологические аспекты : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В. П. Шаповалов. – Владивосток, 2003. – 196 л.

289. Шарапов, Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р. Д. Шарапов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 298 с.
290. Шаргородский, М. Д. Избранные труды / М. Д. Шаргородский ; вступ. ст. Б. В. Волженкина [и др.]. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 657 с.
291. Шаргородский, М. Д. Преступления против жизни и здоровья / М. Д. Шаргородский ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во, 1947. – 512 с.
292. Шевченко, Ю. Н. Свобода личности в эволюции российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ю. Н. Шевченко ; Сев.-Кавк. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 26 с.
293. Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1 (23). – С. 163–168.
294. Шишко, И. Вина и преступления в сфере экономической деятельности / И. Шишко // Уголов. право. – 2002. – № 3. – С. 55–59.
295. Шостак, М. А. Уголовный процесс : учеб. пособие / М. А. Шостак. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2008. – 630 с.
296. Шруб, М. П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М. П. Шруб ; под ред. В. М. Логвина. – Минск : Тесей, 2009. – 176 с.
297. Энциклопедия уголовного права : [в 35 т.] / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. Малинина, 2005. – Т. 3 : Понятие преступления / И. Я. Гонтарь [и др.]. – 522 с.
298. Энциклопедия уголовного права : [в 35 т.] / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. Малинина, 2010. – Т. 14 : Преступления против свободы, чести и достоинства личности / Н. Э. Мартыненко [и др.]. – 623 с.
299. Энциклопедия уголовного права : [в 35 т.] / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб. : Изд. Малинина, 2005. – Т. 4 : Состав преступления / В. Н. Кудрявцев [и др.]. – 796 с.
300. Эсмен, А. Общие основания конституционного права / А. Эсмен ; пер. с 4-го фр. изд. под ред. Н. О. Бер. – Изд. 2-е. – СПб. : О. Н. Попова, 1909. – XII, 449 с.
301. Юревич, А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России / А. В. Юревич // Вопр. философии. – 2010. – № 10. – С. 17–26.
302. Handel ludźmi: zapobieganie i ściganie / red. Z. Lasocik. – Warszawa : Uniwers. Warszawski, 2006. – 629 s.
303. Kodeks karny: część szczególna / red. A. Wąsek. – 3 wyd. – Warszawa : Wydaw. C. H. Beck, 2006. – Т. 2 : Komentarz do artykułów 222–316. – XLIII, [1], 1607 s.

304. Prawnkarne aspekty wolności : materiały z konf., Arłamów, 16–18 maja 2005 r. / pod red. M. Mozgawy. – Kraków : Zakamycze : Wolters Kluwer, 2006. – 346 s.

305. Scarpa, S. Trafficking in Human Beings: modern slavery / S. Scarpa. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – XXVI, 230 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Таблица А1 – Количество лиц, осужденных за преступления против личной свободы (ст.ст. 181–187 УК) за период 2003–2015 гг.

Статья УК	Год												
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
181		2	18	20	26	17	19	12	6		3		
181-1													1
182	12	20	14	11	21	25	22	10	10	6	3	11	23
183	15	20	15	13	26	17	13	12	15	10	7	10	16
184													
185	3	3	7	10	8	7	9	5	6	2	3	4	2
186	339	746	1118	1264	1140	1100	933	1056	834	352	436	545	654
187	13	22	22	16	15	12	2	5		2	1		
Итого	382	813	1194	1334	1236	1178	998	1100	871	372	453	570	696

Таблица А2 – Количество зарегистрированных органами МВД Республики Беларусь преступлений против личной свободы (ст.ст. 181–187 УК) за 2003–2015 гг.

Статья УК	Год												
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
181	3	20	146	83	71	66	47	30	4	2	3	1	1
181-1							1	1		1			1
182	27	34	36	23	31	19	16	19	12	6	13	31	33
183	35	44	38	43	35	24	27	26	28	16	26	26	26
184	1		1										
185	9	10	17	14	18	19	16	20	12	10	11	16	7
186	852	1630	2128	2170	1741	1675	1650	1800	1300	767	903	982	1168
187	32	73	16	32	19	22	18	9	6	6	3		
Итого:	959	1811	2382	2365	1915	1825	1775	1905	1362	808	959	1056	1236

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
Проект

ЗАКОН
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О внесении изменений и дополнений
в Уголовный кодекс Республики Беларусь

Принят Палатой представителей
Одобен Советом Республики

Статья 1. Внести в Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999 г., № 76, 2/50) следующие изменения и дополнения:

1. В статье 181:

абзац первый части 1 изложить в следующей редакции:

«1. Купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека с использованием его уязвимого положения, либо обмана, либо злоупотребления доверием, либо с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, либо соединенные с иными формами принуждения (торговля людьми)»;

в пункте 3 части 2 слова «из корыстных побуждений» заменить словами «с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей»;

пункт 6 части 2 изложить в следующей редакции:

«б) лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, статьями 171, 171-1, 181-1, 181-2, 187, частями 2 и 3 статьи 343-1 настоящего Кодекса»;

в пункте 8 части 2 слова «с вывозом лица» заменить словами «с целью вывоза потерпевшего», после слова «государства» дополнить словами «или незаконного удержания его за пределами государства»;

примечание исключить.

2. Главу 22 дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание. Под эксплуатацией в настоящей главе Кодекса понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию сексуальных и иных услуг в случае, если он не может без опасения за собственную безопасность или безопасность близких ему лиц отказаться

от выполнения работ (услуг), включая рабство либо институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние).».

3. В статье 181-1:

название статьи изложить в следующей редакции:

«Статья 181-1. Использование принудительного труда или иная эксплуатация человека»;

абзац первый части 1 изложить в следующей редакции:

«1. Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, либо обращение человека в рабство или подневольное состояние при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 181 или 182 настоящего Кодекса, – »;

в пункте 6 части 2 после цифры «181» дополнить «181-2».

4. Главу 22 дополнить статьей 181-2 следующего содержания:

«Статья 181-2. Вербовка людей для эксплуатации

1. Вербовка людей для эксплуатации, совершенная путем обмана или злоупотребления доверием, –

наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. То же действие, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, –

наказывается ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с целью вывоза потерпевшего за пределы государства, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.».

5. В статье 182:

абзац первый части 1 изложить в следующей редакции:

«1. Тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, или иными формами принуждения противоправное завладение человеком, связанное с его перемещением в другое место, при отсутствии признаков

преступления, предусмотренного статьей 291 настоящего Кодекса (похищение человека), – »

пункт 5 части 2 изложить в следующей редакции:

«5) с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей;»;

часть 2 дополнить пунктом 8 следующего содержания:

«8) с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства;».

6. Абзац первый части 1 статьи 183 изложить в следующей редакции:

«1. Незаконное водворение человека в какое-либо помещение (иное место) либо удержание в нем, связывание человека или иное воспрепятствование возможности покинуть место нахождения (незаконное лишение свободы), – ».

7. Абзац первый части 1 статьи 184 изложить в следующей редакции:

«1. Помещение в психиатрический стационар лица, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре, либо незаконное удержание в нем такого лица, – ».

8. Абзац первый статьи 185 изложить в следующей редакции:

«Требование выполнить какое-либо действие или воздержаться от его выполнения под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления (принуждение), – ».

Статья 2. Настоящий Закон вступает в силу через два месяца после его официального опубликования.

Президент Республики Беларусь

ПРИЛОЖЕНИЕ В**МОДЕЛЬ
ГЛАВЫ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ****УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
СОДЕРЖАНИЕ****Раздел VII****ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА**

Глава 19. Преступления против жизни и здоровья

Глава 19-1. Преступления против личной свободы

Глава 20. Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы

Глава 21. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних

Глава 22. Преступления против чести и достоинства

Глава 23. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ**Глава 19-1****Преступления против личной свободы**

Примечание. Под эксплуатацией в настоящей главе Кодекса понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию сексуальных и иных услуг в случае, если он не может без опасения за собственную безопасность или безопасность близких ему лиц отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство либо институты и обычаи, сходные с рабством (подневольное состояние).

Статья 165-1. Захват заложника

1. Захват либо удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой его убийства, причинения ему телесных повреждений или дальнейшего удерживания этого лица, в целях понуждения государственного органа, международной организации, юридического или физического лица или группы лиц совершить либо воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника (захват заложника), –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Захват заложника, совершенный:

1) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

2) в отношении двух или более лиц;

- 3) в отношении заведомо для виновного беременной женщины;
- 4) с применением во время захвата или удержания лица насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего;
- 5) из корыстных побуждений или по найму;
- 6) повторно;
- 7) группой лиц по предварительному сговору, –
наказывается лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет с конфискацией имущества или без конфискации.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, или повлекшие по неосторожности смерть человека, либо иные тяжкие последствия, –
наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без конфискации.

Примечание. Лицо, добровольно или по требованию власти освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности по настоящей статье.

Статья 165-2. Похищение человека

1. Тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, или иными формами принуждения противоправное завладение человеком, связанное с его перемещением в другое место, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 165-1 настоящего Кодекса (похищение человека), –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до семи лет.

2. То же действие, совершенное:

- 1) в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- 2) в отношении двух или более лиц;
- 3) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо сопровождавшееся мучениями или истязанием;
- 4) из корыстных побуждений;
- 5) в целях эксплуатации;
- 6) с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей;
- 7) с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства;
- 8) группой лиц по предварительному сговору, –
наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, или повлекшие по неосторожности

смерть потерпевшего, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо иные тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Статья 165-3. Незаконное лишение свободы

1. Незаконное водворение человека в какое-либо помещение (иное место) либо удержание в нем, связывание человека или иное воспрепятствование возможности покинуть место нахождения (незаконное лишение свободы), –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом.

2. Незаконное лишение свободы, совершенное способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо сопровождавшееся мучениями, – наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Статья 165-4. Незаконное помещение в психиатрический стационар

1. Помещение в психиатрический стационар лица, которое заведомо для виновного не нуждается по состоянию здоровья в госпитализации и лечении в психиатрическом стационаре, либо незаконное удержание в нем такого лица, –

наказывается штрафом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

2. Те же деяния, повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок от пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Статья 165-5. Использование принудительного труда или иная эксплуатация человека

1. Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, либо обращение человека в рабство или подневольное состояние при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 165-2 или 165-6 настоящего Кодекса, –

наказываются лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом.

2. Те же действия, совершенные:

1) в отношении заведомо несовершеннолетнего;

2) в отношении двух или более лиц;
 3) в отношении заведомо для виновного беременной женщины;
 4) лицом с использованием своих служебных полномочий;
 5) лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьёй, статьями 165-6, 165-7, 171 или 171-1 настоящего Кодекса;

б) группой лиц по предварительному сговору, –
 наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, или повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, либо причинение ему тяжких телесных повреждений, либо иные тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества.

Статья 165-6. Торговля людьми

1. Купля-продажа или совершение иной сделки в отношении человека с использованием его уязвимого положения, либо обмана, либо злоупотребления доверием, либо с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, либо соединенные с иными формами принуждения (торговля людьми), –

наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества.

2. Те же действия, совершенные:

1) в отношении заведомо несовершеннолетнего независимо от применения какого-либо из средств воздействия, указанного в части 1 настоящей статьи;

2) в отношении двух или более лиц;

3) в отношении заведомо для виновного беременной женщины;

4) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия;

5) с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей;

6) с целью вывоза потерпевшего за пределы государства или незаконного удержания его за пределами государства;

7) лицом с использованием своих служебных полномочий;

8) лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьёй, статьями 165-5, 165-7, 171, 171-1, частями 2 и 3 статьи 343-1 настоящего Кодекса;

9) группой лиц по предварительному сговору, –

наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные организованной группой, либо в отношении заведомо малолетнего, либо повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ, либо иные тяжкие последствия, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Статья 165-7. Вербовка людей для эксплуатации

1. Вербовка людей для эксплуатации, совершенная путем обмана или злоупотребления доверием, –

наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. То же действие, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего либо группой лиц по предварительному сговору, –

наказывается ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные с целью вывоза потерпевшего за пределы государства либо организованной группой, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.

Статья 165-8. Принуждение

Требование выполнить какое-либо действие или воздержаться от его выполнения под угрозой применения насилия к потерпевшему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления (принуждение), –

наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет.